

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Крыжан Анна Викторовна

**Местные органы и учреждения юстиции черноземных губерний в
социально-политической повседневности первых десятилетий советской
власти (1917–1936 гг.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук, профессор
А.В. Третьяков

Курск 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Историография и источники	24
1.1. Историография.....	24
1.2. Источники.....	48
Глава 2. Повседневность социалистического строительства 1920–1930-х гг.	70
2.1. Гражданское сознание в Советской России в первые послереволюционные годы	71
2.2. Взаимоотношения обывателя и власти в послереволюционный период	82
2.3. Социально-политическая повседневность 1920–1930-х гг.	92
Глава 3. Система советской юстиции в 1917–1936 гг.	107
3.1. Система органов и учреждений юстиции	110
3.1.1. Центральные и местные органы управления юстицией	110
3.1.2. Судебно-следственные учреждения, прокуратура и адвокатура, нотариат	125
3.2. Условия деятельности органов и учреждений юстиции на местах...	145
3.2.1. Кадровый потенциал и подготовка юридических кадров	145
3.2.2. Материальные условия трудовой деятельности	179
3.3. Бюрократизм и злоупотребления в работе советских учреждений юстиции	197
Глава 4. Советская юстиция и власть	213
4.1. Противостояние органов и учреждений юстиции злоупотреблениям местной власти	217
4.2. Деятельность прокуратуры: между законом и властью	233
4.3. Вовлечение судебно-прокурорских работников в политические процессы	247

4.4. Деятельность адвокатуры в условиях антагонизма с властью	255
Глава 5. Советская юстиция и обыватель	273
5.1. Политическая фразеология в практике повседневного общения с властью	275
5.2. Восприятие органов юстиции гражданами	287
5.3. Общественная нагрузка в трудовой повседневности работников юстиции	299
5.4. Вовлечение граждан в формы общественного правосудия.....	312
Заключение	328
Список литературы и источников	339

ВВЕДЕНИЕ

По мере того, как советская эпоха все дальше отстоит от нас во времени, изучение отдельных аспектов её истории порождает все больше вопросов, оставляет меньше места для однозначных оценок, господствовавших в советской и постсоветской историографии конца XX в.

Изменение исторических реалий заставляет по новому оценивать политические события, являвшиеся результатом действия комплекса причин: социальных противоречий, субъективных мнений и действий лидеров или случайного стечения обстоятельств. В значительной степени это касается оценки первых десятилетий советской власти – одного из наиболее противоречивых периодов советской истории.

Актуальность темы исследования определяется местом, ролью и значением системы юстиции в жизни общества, в развитии и укреплении современного правового государства. Буквальное значение слова юстиция – правосудие. В общепринятом смысле юстиция – это особый вид правоохранительной и правоприменительной государственной деятельности. Исходя из этого, систему юстиции можно понимать как совокупность указанной специфической государственной деятельности, органов управления и институтов, в рамках которых она осуществляется, а так же людей с конкретными профессиональными знаниями и трудовым опытом.

Особенностью системы юстиции, является то, что она призвана обеспечивать разноплановое социальное взаимодействие граждан в правовом поле, и потому касается различных сторон жизни каждого человека. От действия системы юстиции зависит регулирование повседневных жизненных действий людей, а от её эффективности – степень доверия к власти.

Сегодня изучение различных аспектов деятельности органов и учреждений советской юстиции в постреволюционный период актуализируется глобальными изменениями, которые претерпела Россия в последние десятилетия. Они коснулись и развития российской правовой системы.

В условиях современного развития российской демократии деятельность органов и учреждений юстиции интересна для изучения не столько с точки зрения их возможностей для обеспечения правопорядка, сколько с позиций их воздействия на государственный механизм и государственную политику в целом. Развитие современной демократии предполагает, что деятельность государства и его органов максимально способствуют удовлетворению интересов каждого гражданина, что повышает значимость правового регулирования жизни общества. В этой связи роль системы юстиции, обеспечивающей правовое регулирование различных сторон социального взаимодействия, будет только возрастать.

Актуальность темы определяется и развивающейся тенденцией укрепления региональной власти. Устойчивое и поступательное развитие федеративного государства невозможно без стабилизации условий жизнедеятельности людей на местах и их правовой защиты, что повышает значимость осмысления исторических уроков, вытекающих из судьбоносной эпохи первых двух послереволюционных десятилетий, когда достижение стабильности было одной из политических стратегий власти.

История деятельности органов и учреждений юстиции видится актуальной и в свете современного развития российской правовой системы, истоки которой в исследуемый период были заложены большевиками, поскольку в дореволюционной России ни органы управления, ни учреждения юстиции не были четко структурированы. От эффективности действия системы юстиции зависят повседневные

жизненные нужды людей, она и сегодня определяет степень их доверия к власти.

Учитывая то, что в начале XXI века Россия пережила бум популярности юридического образования, представляется актуальным проследить и сопоставить с нынешними реалиями профессиональную компетентность и гражданскую позицию работников юстиции первых послеоктябрьских десятилетий, механизм их взаимоотношений с властью имущими с одной стороны, и рядовым обывателем – с другой. Опыт противостояния первых поколений советских юристов властным злоупотреблениям важен для формирования менталитета профессионального юридического сообщества в современной России.

Изменчивость исследуемой эпохи ставит под сомнение однозначное восприятие советского государства как диктаторского, а процесса его строительства как последовательности применения исключительно репрессивных мер против собственного народа. Многие социальные проблемы невозможно решить насильственными методами, они требуют сопоставления позиций различных сторон.

Научная значимость проблемы обусловлена преобладанием в историографии односторонней оценки роли деятельности органов и учреждений советской юстиции на местах в обеспечении стратегических целей большевистского государства, наличием неизученных комплексов документов, позволяющих выявить новые грани деятельности судебно-следственных учреждений, прокуратур и институтов адвокатуры и нотариата.

Научная значимость заключается не только в получении новых сведений, но и в попытке проведения комплексного исследования деятельности органов и учреждений юстиции не как послушных проводников партийно-государственной политики, а как фактора активного влияния на результаты государственного строительства в

социально-политической повседневности послереволюционных десятилетий.

Объектом исследования является партийно-государственная политика по строительству основ советского государства в период 1917–1936 гг. **Предметом исследования** является деятельность местных органов и учреждений юстиции по обеспечению условий для достижения стратегических целей государства, поддержания общественной стабильности в социально-политической повседневности первых десятилетий советской власти.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1917 года, когда был образован Наркомат юстиции РСФСР (далее – Наркомюст, НКЮ) и начала создаваться система советской юстиции, по 1936 год, когда была принята Конституция СССР и образован Наркомат юстиции СССР. В этом промежутке времени система юстиции пережила неоднократные структурные изменения, порожденные бурными переменами в советской истории, повлиявшими на политику в области правосудия. В историческом аспекте эта политика имела следующую динамику: господствовавший в центральном руководстве в 1917–1918 гг. и порожденный ленинской теорией пролетарского государства правовой нигилизм на рубеже десятилетий сменился пониманием необходимости встраивания системы юстиции в государственный механизм.

Вплоть до середины 1920-х годов центральная власть использовала органы и учреждения юстиции как средство подавления самостоятельности и радикализма местных властей, что предполагало определенную свободу действий местных чиновников от юстиции, их организационную независимость от советских и партийных руководителей. Эта независимость обеспечивалась значительными полномочиями Наркомюста РСФСР по отношению к местным органам

управления юстицией. С середины 1920-х годов центральное большевистское руководство стало рассматривать систему правосудия как средство претворения в жизнь социально-политических государственных целей. Это породило проявившуюся в конце 1920-х – начале 1930-х годов тенденцию к втягиванию местных органов и учреждений юстиции в репрессивные политические процессы.

Начавшийся в 1920-х процесс обособления отдельных звеньев системы советской юстиции развивался на протяжении десятилетия. В первой половине 1930-х годов он сопровождался противостоянием Верховного Суда СССР и Наркомата юстиции РСФСР и завершился организационным размежеванием полномочий союзных и республиканских ведомств, закрепленным Конституцией СССР 1936 года. Выведенные из-под эгиды Наркомата юстиции СССР судебная и прокурорская системы стали орудием репрессивной политики государства.

Географические границы исследования. Деятельность местных органов и учреждений юстиции исследуется на материалах черноземного региона: Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерний. До 1928 года они существовали как самостоятельные административно-территориальные единицы. В 1928 году была образована Центрально-Черноземная область (далее – ЦЧО), которая просуществовала вплоть до 1934 года. Область первоначально была разделена на 11 округов и 178 районов. Областным центром являлся город Воронеж. Судебные округа были связаны с административными округами. В 1930 году округа были ликвидированы, осталось только районное деление, с которым было связано размещение учреждений юстиции. В 1934 году ЦЧО была разделена на Воронежскую область в составе бывших Воронежской и Тамбовской губерний, и Курскую в составе бывших Курской и Орловской губерний.

Цели и задачи диссертации. Цель настоящего исследования – основанное на объективном научном анализе документальных источников исследование активной роли системы юстиции в обеспечении результатов государственной политики в период 1917–1936 гг.

Названная цель предполагает решение следующих **задач**:

- проанализировать социально-политическую реальность 1920-х – середины 1930-х годов и адаптацию населения к условиям формируемой реальности;

- определить применяемые в исследовании характеристики понятий «система юстиции», «влияние деятельности органов и учреждений юстиции на результаты государственной политики»;

- исследовать условия деятельности органов и учреждений юстиции на местах, проанализировать, насколько недостатки и злоупотребления в их деятельности были опосредованы этими условиями;

- выявить характер взаимоотношений местных органов и учреждений юстиции с партийными, советскими и чрезвычайными органами на местах;

- исследовать возможность и степень влияния результатов профессиональной деятельности судебно-прокурорских работников и правозащитников на местах на осуществление государственной политики;

- выяснить степень интеграции работников местной юстиции в социально-политическую реальность 1920-х – середины 1930-х годов и её влияние на формирование у них профессиональной системы ценностей;

- обосновать позитивное восприятие системы юстиции обывателем как один из факторов, влияющих на результаты деятельности её органов и учреждений

Научная новизна диссертационного исследования.

1. Проведен анализ влияния деятельности местных органов и учреждений юстиции на осуществление стратегических целей советского государства. Сформулировано и обосновано понятие «влияние деятельности органов и учреждений юстиции на результаты государственной политики» как процесса внедрения новых форм, способов и повседневных практик профессиональной деятельности, которые формировалась под воздействием революционных изменений, и способствовали трансформации отношения большевиков к системе юстиции.

Автором установлено, что результатом совокупности повседневных профессиональных действий работников юстиции на местах стало применение новых норм советского права для решения насущных проблем граждан, большинство из которых не носило политического характера, и не было связано с изменением режима. Это заставило представителей новой власти изменить свое отношение к юстиции как к временно допустимой сфере, выработать стратегию ее развития и понимание её роли в государственном механизме.

В 1920-х годах эта роль определялась тем, что местные органы и учреждения юстиции использовались для сдерживания излишней революционности и самостоятельности местной власти, порожденной новой идеологией и системой разноуровневых советов. В 1930-х годах большевики начали использовать систему юстиции для решения политических задач, однако, к концу 1930-х окончательной политизации органов юстиции не произошло.

Большевики так же вынуждены были отказаться от непризнания институтов прокуратуры и адвокатуры как неприемлемых для советского правосудия, формализовать эти институты и регламентировать их деятельность, поскольку без этого невозможно было использовать их как орудие политического господства.

2. Установлено, что возглавляемая Наркомюстом РСФСР система юстиции до середины 1930-х годов не только находилась вне сферы государственного террора, но и противодействовала ему в рамках своих компетенций и институциональных возможностей. Основными ресурсами этого противодействия являлись: заинтересованность большевиков в цивилизованной юстиции и сложившиеся на основе идеи социальной справедливости ценностные ориентации местных судебно-прокурорских работников.

Автор приходит к выводу, что большевики до середины 1930-х годов поддерживали правоохранный характер деятельности органов и учреждений юстиции, так как были заинтересованы в обосновании и практическом воплощении новой модели советской демократии перед собственным народом и всем миром. Кроме того, они осознали возможность использования системы юстиции в качестве средства претворения в жизнь стратегических социально-политических целей.

Вместе с тем, работники новой советской юстиции ориентировались не только на должностные обязанности и «букву закона», но и на сформировавшиеся под воздействием собственного социального опыта и советской пропаганды представления о социальной справедливости. В результате их повседневные трудовые действия сдерживали излишнюю «революционность» местных властей и репрессивные устремления центральной власти.

3. Обосновано, что противодействие системы юстиции государственному террору не в состоянии было остановить волну произвола и насилия, но отдельные судебные-прокурорские решения не только определяли судьбы отдельных людей, но и смягчали остроту противоречий в не устоявшейся общественной системе, создавали основу для системы социальной адаптации.

4. Привлечение историко-психологических методов исследования позволило заключить, что на местном уровне давление экстремально изменчивых исторических условий повышало степень изменчивости поведения людей, которые, испытывая страх за свою жизнь, вырабатывали практики повседневного поведения, способные стабилизировать или, по возможности, улучшить их положение. Эти индивидуальные практики быстро распространялись и социализировались окружающими. Это приводило к тому, что не только население адаптировалось к власти, но и власть вынуждена была адаптироваться к поведению населения.

С учетом этого автором обоснована значимость отношения населения к деятельности органов власти. Применительно к органам юстиции это отношение особенно важно, поскольку они реализуют особый вид государственной деятельности, целью которого является обеспечение правопорядка, то есть условия, без которого невозможно существование общества.

5. На основе впервые введенных в научный оборот архивных материалов установлено, что повседневная деятельность местных органов и учреждений юстиции воспринималась населением конструктивно, формировала доверие к ним. В исследуемый период население не воспринимало суды и прокуратуры как карательные органы, обращалось к ним с насущными, зачастую мелкими частными проблемами, признавая за этими учреждениями право и обязанность поддерживать социальный порядок. В диссертации позитивное

восприятие органов и учреждений юстиции на местах анализируется как фактор, усиливающий их правоохранительную направленность.

6. Обоснован тезис о том, что относившееся к разряду клише определение «рабоче-крестьянская» (например, «рабоче-крестьянская милиция» или «рабоче-крестьянская армия») было неприменимо к органам юстиции. Словосочетание «рабоче-крестьянская прокуратура» или «рабоче-крестьянский нотариат» не прижились в лексиконе послереволюционной эпохи, по отношению к учреждениям и институтам юстиции применялось определение «советский».

В сознании масс органы юстиции были структурным элементом нового государственного механизма, призванным решать их повседневные проблемы, а не классовые задачи. Отчасти этому способствовало то, что в юстиции произошли заимствования из дореволюционной системы, кроме того, специалисты с дореволюционным юридическим образованием и опытом работы не могли, в силу своей специфики, найти применение в других сферах. Они концентрировались в учреждениях юстиции и своими знаниями и правовой культурой могли корректировать и смягчать влияние тотальной революционности и классового экстремизма.

В ходе исследования установлено, что местные органы и учреждения юстиции выступали одновременно в качестве субъекта и объекта политики по созданию советского правосудия. С одной стороны, большевики пытались выстроить систему, максимально демонстрирующую народный характер правосудия, для чего создавались разнообразные общественные формы. Ни одна из них не доказала своей эффективности. Единственным позитивным результатом этого процесса была регламентация деятельности государственных структур юстиции, без чего невозможно было обеспечить работу создаваемых при них общественных институтов, руководство которыми стало непроизводительной нагрузкой на суды, прокуратуры и следственные участки.

С другой стороны, повседневные профессиональные действия работников местных учреждений юстиции предполагали не только формальные действия по охране, обеспечению и применению правовых норм. Они включали в себя общественную нагрузку, характер которой соответствовал революционным условиям исследуемого периода. Несмотря на то, что эта нагрузка отнимала время работников, и без того перегруженных формальными обязанностями, она имела положительный результат, так как способствовала повышению правовой грамотности населения, пониманию им сущности деятельности органов и учреждений юстиции, что повышало степень адаптации населения к режиму.

Практическая значимость исследования. Исследование заявленной проблемы имеет практическое значение для осмысления активной роли отдельных политических институтов в реализации государственных стратегий развития, складывании социально-политической реальности, в которой люди вынуждены существовать.

Практическую ценность имеет воспитательный потенциал исследованного материала и сделанных выводов. Даже в период гигантских социальных преобразований, осуществляемых с целью подавления и подчинения личности, индивид не только может адаптироваться к системе, ориентируясь на стратегию выживания – иногда реальные жизненные практики отдельных людей или сообществ могут в отдельных вопросах деформировать линию государственной политики.

Фактический материал, положения и выводы диссертации могут быть использованы в обобщающих трудах по истории Отечества, истории отечественного государства и права, в соответствующих учебных пособиях, вузовском преподавании.

Методологическая база исследования. Исследование деятельности отдельной системы государственных органов в контексте

социально-политической повседневности задает междисциплинарный подход, благодаря которому исследования проводились на стыке истории с философией, социологией, психологией, конфликтологией.

Категория повседневности исследуется представителями разных наук: социологами, этнографами, культурологами, историками. Анализируя предмет истории повседневности Н.Л. Пушкарева, отмечает, что «в современном гуманитарном знании нет согласия в определении круга вопросов, которые следует относить к истории повседневного»¹. В исторической науке повседневность понимается как быт или уклад жизни людей.

Тем не менее, привычный образ действий не может осуществляться в отрыве от реальности, которая «интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира»². Эта социологическая точка зрения подчеркивает двойственную природу повседневности: реальность организуется вокруг того, что происходит «здесь» и «сейчас» для каждого человека, и потому субъективна, но одновременно представляет собой мир, в котором человек живет и взаимодействует с другими членами общества. Социологи также отмечают универсальные возможности категории повседневности, которая позволяет показать «как политически прогрессивное движение вперед, так и реставративно-консервативные тенденции общественного развития»³.

В основу понимания социально-политической повседневности положена мысль основателя гносеологического направления в философии истории Р. Арона: «Политическая или военная история ... содержит в себе то, что произошло, ссылаясь на то, что было мыслимо...»⁴.

---

¹ Пушкарева Н.Л. Современное состояние и предмет истории повседневности. Отличие истории повседневности от этнографических исследований быта / Социальная история российской провинции. Материалы межрегиональной научной конференции (май 2004 г.). Тамбов, 2004. С. 3.

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 38.

³ Савченко Л.Г. Методология исследования социологии повседневности // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 2. С. 161.

⁴ Арон Р. Измерения исторического сознания. М., 2014. С. 11.

Разработка темы и интерпретация изучаемого материала проводились с учетом особенностей исследуемого периода, его насыщенности событиями, повлиявшими на изменение структуры и функционала государственных органов, что обусловило приоритетность *принципа историзма*. В основе этого принципа лежит признание общественных изменений, происходящих под влиянием социальных факторов и являющихся предпосылкой трансформации социального поведения личности. Рассмотрение отдельной системы как целостного организма, развивающегося в контексте изменчивых исторических реалий, учет влияния на ее становление государственной политики и традиционных начал, способствуют воссозданию картины деятельности системы юстиции и её влияния на осуществление государственной политики той эпохи.

Принцип историзма эффективен при реализации исследовательских задач, связанных с анализом социально-политической реальности 1920-х – середины 1930-х годов и адаптации населения к условиям формируемой реальности; специфики взаимодействия органов юстиции с советскими и партийными органами; влияния условий деятельности органов и учреждений юстиции на её результаты.

Под *влиянием деятельности органов и учреждений юстиции на результаты государственной политики* нами понимается процесс внедрения новых форм, способов и повседневных практик профессиональной деятельности, которые формировалась под воздействием революционных изменений и способствовали трансформации отношения большевиков к системе юстиции.

В основе разработки взятой проблемы лежит предпринятый на основе принципа объективности *системный комплексный анализ* явлений, характеризующих деятельность органов и учреждений

юстиции по обеспечению условий для достижения стратегических целей государства.

Исследование отдельных составляющих этой деятельности, таких как взаимодействие с местными органами власти, кадровая политика, взаимодействие с населением, потребовала проведения *поведенческого анализа*, позволившего вычленивть конкретные социальные практики.

Предметом нашего исследования является деятельность органов и учреждений юстиции, которая не может пониматься только как реализация предписанного функционала. Любые государственные структуры создаются, в конечном счете, для регулирования социальных систем и процессов, их функционал всегда корректируется «потребителем», то есть, происходит своеобразная социальная интерференция. В этой связи, всесторонне исследованные как историками, так и правоведами функции органов и учреждений юстиции, а также недостаточно исследованные устремления людей и создаваемые ими новые социальные практики, в нашем исследовании выступают в качестве взаимодействующих объектов. Исследование юстиции как открытой системы, не только состоящей из различных органов и институтов, но и действующей в активном взаимодействии с социумом, потребовало *синтеза* разноплановых научных суждений, приведшего к конструированию онтологически целостного объекта. Это позволило обосновать концепт активной роли системы юстиции в осуществлении государственных стратегий в исследуемом периоде.

Исследование влияния деятельности на результаты государственной политики в сложный, изменчивый период обуславливает особую важность *историко-антропологического подхода*. Он позволяет реконструировать повседневную жизнь человека, менталитет работников сферы юстиции. Эти люди зачастую обладали низким культурным и образовательным уровнем, тем не менее, находясь в экстремально сложных социально-

политических условиях, вынуждены были принимать решения, от которых зависели судьбы других людей и перспективы нового советского строя.

Анализ повседневных профессиональных действий конкретных работников юстиции, находившихся в постреволюционном историческом пространстве, позволяет определить смысл принимаемых ими рутинных или неординарных решений, проследить, как эти решения способствовали использованию ресурсов советского управления, придавали форму советской системе юстиции и влияли на формирование политики в области правосудия.

Под *повседневными профессиональными действиями* мы понимаем роль конкретного работника юстиции (субъекта) в приспособлении правовых норм и практик их применения к особенностям исторических условий, в которых они существуют. Повседневные действия, несомненно, опосредованы внешними условиями, однако, на них в значительной степени влияют социальный опыт и знания конкретных людей, их эмоции, ценностные ориентации.

В нашем исследовании мы опираемся на традиционное социологическое понимание ценностных ориентаций как совокупности социальных ценностей, которые усваиваются в процессе социализации и определяют мотивацию личности, а, следовательно, и её поведение.

Принципиально важным является учет того обстоятельства, что исследованию подверглись ценностные ориентации людей, находившихся под влиянием, с одной стороны, социокультурных норм, характерных для повседневного российского сознания, с другой – массивной большевистской пропаганды. Совпадение или противоречие этих ценностных систем порождало уникальные формы противостояния или приспособления к действиям власти, в решающей степени влияло на формирование отношения обывателя к советскому режиму.

Одним из наиболее ценных для анализа ценностных ориентаций видов источников являются письма граждан во властные органы и в газеты. Любые письма, а особенно письма, обращенные к властным структурам, содержат как явные, так и скрытые смыслы, вызываемые попаданием автора в ту или иную систему социальных коммуникаций. В условиях социальных катаклизмов эти системы особенно изменчивы. Высокая степень изменчивости исторических событий исследуемой эпохи породила у людей страх за собственную жизнь. Это приводило к своеобразному, а часто и недобросовестному освещению событий, демонстрации лояльности к власти, попыткам выдать корыстные побуждения авторов писем за приверженность новым ценностям. В этой связи целесообразно использование *интерпретативного метода*, используемого в социальной психологии. Интерпретативный метод позволяет вникнуть в логику и значения, которые авторы писем вкладывают в слова, обеспечивает понимание особенностей менталитета, эмоций и их изменения в зависимости от изменений повседневных процессов, заставляет обратиться к проблеме социализации личности в плане её адаптации к социальной системе. Особую важность имеет то, что интерпретация предполагает связь отдельного документа не только с его собственным контекстом, но и с контекстами других источников и учет своеобразия времени и культуры, в которых жили авторы. Разнообразие респондентов, тематики и объемы обращений граждан позволяют выполнить это условие.

Исследование деятельности местных органов и учреждений юстиции на материалах конкретного региона требует использования регионального подхода, который нацеливает на анализ макро- и микропроцессов на территории центрально-черноземного региона. Этот подход способствует детальному исследованию документальных материалов региональных архивов, раскрывающих особенности складывания и развития

взаимоотношений различных элементов системы юстиции, их отношений с местной властью, иными ведомственными системами.

Предмет исследования связан с деятельностью системы, для которой закон играет роль не только общеобязательной нормы, но и профессионального руководства к действию. Это предполагает использование *правоведческих методов и категорий*. Так, исследование факта сопротивления местных судей и прокуроров широкому использованию уголовного законодательства в качестве средства осуществления коллективизации и индустриализации потребовало анализа правовых принципов организации правосудия. Исследование и применение понятий «право», «закон», «социалистическая законность» проводилось в контексте того, что в исследуемый период понятие «правопорядок» подменялось порядком идеологическим. Сочетание исторического и историко-правового подходов создает условия для более глубокого анализа практики деятельности местных органов и учреждений юстиции.

Положения, выносимые на защиту

1. В постреволюционной России степень вмешательства власти и контроля над повседневной жизнью людей была чрезвычайно высока. Однако изначальные намерения власти в той или иной степени трансформировались. Деятельность местных органов и учреждений юстиции рассматривается как социально-политическая повседневность, поскольку она влияла на радикально изменчивые политические процессы исследуемого периода, направляя их в русло развивающегося советского права.

2. После революции глобальной политической целью государственной политики большевиков было удержание и стабилизация власти. В решающей степени это зависело от поддержки общества. Несмотря на то, что советская повседневная реальность не могла

находиться вне политического контекста, жизнь каждого индивида была связана с реализацией множества поведенческих практик, не имевших политического содержания, причем политическая нестабильность постреволюционного времени увеличивала их количество. Местные органы и учреждения юстиции оказались приспособлены к регулированию этих практик.

3. Отношение большевиков к органам и учреждениям юстиции в исследуемый период трансформировалось из восприятия их в качестве временного элемента государственного аппарата в понимание необходимости целенаправленных усилий по выстраиванию системы и использования ее институциональных возможностей для реализации политических стратегий. Этой трансформации способствовало то, что местные органы и учреждения юстиции, опираясь на нормы советского права, сдерживали революционность и произвол власти на местах, направляя ее деятельность в рамки правового поля и отстаивая частные права граждан.

4. Основными ресурсами противодействия органов и учреждений юстиции злоупотреблениям местных властей являлись: ведомственное подчинение центральному государственному органу – Наркомату юстиции РСФСР и его поддержка; заинтересованность большевиков в цивилизованном правосудии как одном из аргументов в пользу модели советской демократии; наличие в кадрах местных учреждений специалистов с дореволюционным юридическим образованием и профессиональным опытом; складывавшаяся под воздействием официальной советской пропаганды профессиональная система ценностей работников.

5. Имевшее место в 1920–1930-х годах сопротивление судебно-прокурорских работников на местах попыткам использовать закон и суд как средства проведения политических преобразований не могло

остановить волну произвола и насилия, но отдельные судебнопрокурорские решения определяли судьбы людей.

6. Конструктивное восприятие местных органов и учреждений юстиции населением явилось фактором, который усиливал правоохранительную направленность их деятельности. Тесное соприкосновение с повседневными жизненными проблемами в рамках профессиональной деятельности и отстаивание неполитических прав граждан привело к тому, что эти граждане стали взаимодействующим с системой субъектом, влияющим на формирование ее профессиональных практик.

7. Активная роль местных органов и учреждений юстиции в создании советского правосудия проявилась и в обеспечении работы разнообразных общественных институтов, демонстрирующих формы вовлечения населения в повседневную работу по охране социалистической законности. Несмотря на разнообразие этих форм, ни одна из них не достигла желаемого результата.

8. Подчиняясь реалиям эпохи, работники юстиции добровольно, а чаще по предписанию, вовлекались в разнообразные формы общественной работы, которая наносила ущерб основной профессиональной деятельности, поскольку отнимала много времени. Тем не менее, просветительская деятельность судей, следователей, адвокатов и прокуроров имела и позитивную сторону: разъяснение основ советского права улучшало культурный уровень населения, делало систему правосудия более понятной, способствовало формированию доверительного отношения к ней рядовых обывателей.

Достоверность и апробация результатов исследования.

Достоверность проведенного исследования базируется на основе объективного анализа значительного массива опубликованных источников и архивных материалов (исследовано 29 фондов 7 архивов),

обеспечивается системным характером исследования, логикой сделанных выводов.

Важнейшие положения и выводы диссертационного исследования были изложены в научной монографии и 36 статьях в периодических изданиях (из них – 4 в журнале, включенном в международные реферативные базы данных Scopus и Web of Science; 20 – в журналах, входящих в перечень ВАК, рекомендуемых для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени доктора наук, общим объемом 21,46 п. л.), а так же в форме докладов и сообщений на научных конференциях в Москве, Новосибирске, Ростове-на-Дону, Курске, Вене (Австрия).

Структура работы. Диссертация включает введение, пять глав, заключение и список источников и литературы.

Глава 1. Историография и источники

1.1. Историография

Историография проблемы представлена обширным перечнем работ отечественных и зарубежных историков, посвященных различным аспектам исследуемой темы.

Отечественная историография включает следующие направления исследований: *советская повседневность; институциональное развитие системы юстиции; условия и содержание деятельности различных учреждений юстиции; отношение советских людей к системе юстиции и результатам её деятельности.*

Исследование деятельности отдельной системы государственных органов в контексте социально-политической повседневности невозможно без анализа категории повседневности. Наиболее комплексно этот вопрос отражен в социологических трудах П. Л. Бергера и Т. Лукмана, Л.А. Савченко, в которых исследуется конвергенция различных направлений исследования категории повседневности, методологическая и теоретическая база исследования повседневности⁵.

Историческому исследованию общих вопросов *советской повседневности* посвящены работы В. П. Булдакова, Л.А. Гордона и Э.В. Клопова, В.П. Данилова, Е.Ю. Зубковой, Б.Н. Казанцева, Н.Н. Козловой, Н.Б. Лебиной, О.Л. Лейбович, И.Б. Орлова, Н.Л. Пушкаревой, С.В. Ярова⁶.

⁵ Бергер П.Л., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995; Савченко Л.А. Методология исследования социологии повседневности // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 2. С. 159–167.

⁶ Булдаков В.П. За фасадом радикальных доктрин: абсурд революционной повседневности 1917–1918 годов // задавая вопросы прошлому... Сб. статей. М., 2000; Гордон Л.А., Клопов Э.В. Социальное развитие рабочего класса СССР. М., 1974; Гордон Л.А., Клопов Э.В., Оников Л.Н. Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. М., 1977; Данилов В.П. Необычный эпизод во взаимоотношениях ОГПУ и Политбюро (1931 г) // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 117–129; Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945 – 1964 гг. М., 1993; Она же. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999; Казанцев Б.Н. «Неизвестная» статистика уровня жизни рабочего класса. // Социальные исследования. 1993. № 4. С.3–14; Козлова Н.Н.

В советской историографии понятие «повседневность» воспринималась как нечто дополняющее трактовку исторических процессов, а её целенаправленное изучение – как отступление от традиционных подходов. Неудивительно, что первые серьезные исследования повседневности появились в СССР на рубеже 1970–1980-х годов, когда кризис идеологии, вызванный эпохой застоя, привел к необходимости дополнительного обоснования успехов социалистического строительства. Появляются работы, посвященные исследованию материального благосостояния советских людей, при этом причина его роста традиционно виделась в успешном развитии технологий материального производства, благодаря которому у граждан увеличилось количество свободного времени⁷.

Качественные сдвиги в исследовании проблем повседневности произошли в 1980–1990-х годах. Появились работы, анализирующие повседневность послевоенных десятилетий. Опираясь на статистические данные и социологические исследования, Е.Ю. Зубкова, Б.Н. Казанцев, О.Л. Лейбович не просто связывали изменения советского быта с успехами социализма, но и прослеживали динамику отношения рядовых советских граждан к повседневной действительности⁸.

Начало XXI в. было ознаменовано появлением трудов, посвященных методологии истории советской повседневности. Прежде всего, следует

Советские люди: Сцены из истории. М., 2005; Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930 годы. СПб., 1999; Лейбович О. Л. Реформа и модернизация в 1953-1964 гг. Пермь, 1993; Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010; Пушкарева Н.Л. Современное состояние и предмет истории повседневности. Отличие истории повседневности от этнографических исследований быта / Социальная история российской провинции. Материалы межрегиональной научной конференции (май 2004 г.). Тамбов, 2004. С. 3–5; Яров С.В. Источники по истории политического протеста в Советской России в 1918 –1923 гг. СПб., 2001; Он же. Конформизм в Советской России. Петроград 1917–1920-х годов. СПб., 2006.

⁷ Гордон Л.А., Клопов Э.В. Социальное развитие рабочего класса СССР. М., 1974; Гордон Л.А., Клопов Э.В., Оников Л.Н. Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. М., 1977.

⁸ Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945 – 1964 гг. М., 1993; Она же. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999; Казанцев Б.Н. «Неизвестная» статистика уровня жизни рабочего класса //Социальные исследования. 1993. №4. С.3–14; Лейбович О. Л. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь: Изд-во ПГУ, 1993.

упомануть работу Н.Н. Козловой. Она уделила большое внимание мотивации советских людей, считая выработку советским человеком поведенческих норм спонтанным эффектом принудительной игры, которую ему постоянно навязывало государство⁹.

Дихотомия норм и отклонений лежит в основе понимания советской повседневности Н.Б. Лебиной, которая в своей монографии разграничивает прямое и косвенное нормирование городской жизни в 20–30-е годы¹⁰.

С точки зрения Н.Л. Пушкаревой вполне оправдана постановка таких тем, как повседневность военной поры или эпохи революций¹¹. Революционная повседневность стала предметом исследования В.П. Булдакова, который показал разрыв между социальными иллюзиями масс и разрушающей человеческие судьбы реальностью, порожденной элементарными бытовыми обстоятельствами¹².

Революционные и постреволюционные события порождают длительный период бытования экстремальных условий, в которых вынуждены жить люди. Применяя микроисторический подход и инструментарий устной истории, И.Б. Орлов, на основе ранее не известных материалов ведущих российских архивов, исследует практики выживания в чрезвычайных обстоятельствах.

Экстремальные условия жизни рядовых граждан, зачастую, являлись результатом целенаправленных действий государства, примером чему могут служить исследуемые в статье Ю.В. Братющенко мероприятия большевиков в рамках новой экономической политики¹³.

⁹ Козлова Н.Н. Советские люди: Сцены из истории. М., 2005.

¹⁰ Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб., 1999.

¹¹ Пушкарева Н.Л. Современное состояние и предмет истории повседневности. Отличие истории повседневности от этнографических исследований быта / Социальная история российской провинции. Материалы межрегиональной научной конференции (май 2004 г.). Тамбов, 2004. С. 3–5.

¹² Булдаков В.П. За фасадом радикальных доктрин: абсурд революционной повседневности 1917–1918 годов // задавая вопросы прошлому... Сб. статей. М., 2000.

¹³ Братющенко Ю.В. НЭП: государство, частник, кооперация // Вопросы истории. 2007. № 2. С. 10–15.

В работах С.В. Ярова исследовано влияние происходящих перемен на формирование политического сознания советских людей. Его исследование причин и сущности конформного поведения советских обывателей позволило сделать вывод о том, что в первые постреволюционные десятилетия граждане Советской России научились пользоваться применяемыми властью демагогическими приемами в собственных интересах, применяя политические клише «как средство для удовлетворения далеких от политики прозаичных, меркантильных интересов». Исследования С.В. Ярова позволяют по-новому взглянуть на такой источник изучения постреволюционной эпохи, как «письма во власть» – многочисленные жалобы и прошения обывателей, направляемые в государственные и советские органы разного уровня. Яров подчеркивает, что политические аргументы, часто употребляемые в письмах и обращениях, использовались гражданами не для демонстрации политической лояльности, а потому что это был наиболее простой способ решения насущных повседневных проблем¹⁴.

Анализируя повседневность переломной послереволюционной эпохи в контексте предпринятого исследования, нельзя обойти вниманием характер установившейся власти, её взаимоотношения с обществом, поскольку в подобные периоды человек не может быть свободен от власти даже в бытовых проявлениях жизни. Этому вопросу посвящены труды Е.А. Бондаревой, В.Н. Бровкина, Б.Н. Земцова, Л.В. Кабановой, И.В. Павловой, Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова, А.Н. Сахарова¹⁵.

¹⁴ Яров С.В. Источники по истории политического протеста в Советской России в 1918 – 1923 гг. СПб., 2001; Он же. Конформизм в Советской России. Петроград 1917 – 1920-х годов. СПб., 2006.

¹⁵ Бондарева Е.А. Религиозная мысль русского зарубежья об исторических судьбах России // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 53–65; Земцов Б.Н. Конституционные основы большевистской власти (первая советская Конституция 1918 г.) // Отечественная история. 2006. № 5. С. 65–73; Кабанова Л.В. Система Советов послереволюционных лет и проблема централизации власти // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 4. С. 40–49; Павлова И.В. Власть и общество в СССР в 30-е гг. // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 46–57; Пивоваров Ю.С. Фурсов А.И. О нынешней ситуации и проблемах изучения русской истории (на путях к россиеведению) // Русский исторический журнал. 1998. Т. 1. № 1. С. 5–7; Сахаров А.Н. 1930: год «коренного перелома» и начала Большого террора // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 40–69.

Ю.С. Пивоваров и А.И. Фурсов обосновывают примат политической власти в социальной структуре советского общества и тотальную вовлеченность населения во власть, что в значительной степени определяло сознание людей в первые послереволюционные годы¹⁶. Эта же мысль прослеживается и в работах А.Н. Сахарова, а также в статьях Е.А. Бондаревой и И.В. Павловой¹⁷.

Вопросу о сущности советского строя посвящены научные исследования Б.Н. Земцова, А.А. Искендерова и Л.В. Кабановой¹⁸. В работах В.Н. Бровкина анализируется система ценностей новой советской бюрократии, складывание профессиональных оценок и представлений о должном поведении управленца, обусловленных привычкой к насильственным и чрезвычайным действиям, целесообразным в условиях революционных перемен¹⁹.

В последние десятилетия появились отдельные работы, авторы которых, анализируя частные, неординарные ситуации в деятельности местных государственных органов Советской России первых послереволюционных десятилетий, подчеркивают, что эта деятельность организовывалась не только с классовых, идеологических позиций, но и предопределялась стремлением выстроить продуктивную систему управления, призванную решать сложные проблемы в сложных,

¹⁶ Пивоваров Ю.С. Фурсов А.И. О нынешней ситуации и проблемах изучения русской истории (на путях к руссиеведению) // Русский исторический журнал. 1998. Т. 1. № 1. С. 5–72.

¹⁷ Бондарева Е.А. Религиозная мысль русского зарубежья об исторических судьбах России // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 53–65; Павлова И.В. Власть и общество в СССР в 30-е гг. // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 46–57; Сахаров А.Н. 1930: год «коренного перелома» и начала Большого террора // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 40–69.

¹⁸ Земцов Б.Н. Конституционные основы большевистской власти (первая советская Конституция 1918 г.) // Отечественная история. 2006. № 5. С. 65–73; Искендеров А.А. Первые шаги Советской власти // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 73–99; Искендеров А.А. Первые шаги Советской власти // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 73–99; Кабанова Л.В. Система Советов послереволюционных лет и проблема централизации власти // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 4. С. 40–49.

¹⁹ Бровкин В.Н. Культура новой элиты, 1921 – 1925 гг. // Вопросы истории. 2004. № 8. С. 83–97.

быстроменяющихся условиях. В числе таких работ статьи В.Б. Аксенова, В.П. Данилова, С.И. Сивцевой²⁰.

Исследование деятельности органов и учреждений юстиции в сложный послереволюционный период невозможно без анализа их *институционального развития* в исследуемый период, должно проводиться с учетом изменений в организационной структуре и функциях органов и учреждений юстиции разного уровня, являвшихся следствием складывания советского государственного аппарата.

Анализируя вопросы, связанные с государственным аппаратом Советской России, нельзя оставить без внимания труды одного из крупнейших специалистов в области истории государственных учреждений М.П. Ирошникова. Ученый исследует процесс рождения и становления Советского социалистического государства, аппарата его управления, анализирует направления деятельности первого Советского правительства в период революции, гражданской войны и мирного социалистического строительства²¹. Не потеряла своей актуальности написанная им в середине прошлого века монография «Создание советского центрального государственного аппарата».

Особенный интерес представляет вывод ученого о зависимости структуры государственного учреждения от кадрового состава высшего административного персонала, поскольку вопрос о качестве кадров органов и учреждений юстиции является одним из ключевых²². Подчеркивая усилившийся в последние годы интерес к «живой

---

²⁰ Аксенов В.Б. Милиция и городские слои в период революционного кризиса 1917 года. Проблема легитимности // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 36–50; Данилов В.П. Необычный эпизод во взаимоотношениях ОГПУ и Политбюро (1931 г.) // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 117–129; Сивцева С.И. Спецпоселенцы в Якутии в 1930 – 1950-х годах // Отечественная история. 2007. № 6. С. 108–117.

²¹ Ирошников М.П. Рожденное Октябрем. М., 1987; Он же. Из начальной истории становления советского центрального аппарата управления (1918) // Система государственной власти и управления в России: история, традиции и современность: Ежегодный международный научный форум. Июнь 2003. СПб., 2003. С. 27–32; Он же. О некоторых вопросах изучения генезиса и традиции советской государственности в России // Мавродинские чтения – 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки. Материалы юбилейной конференции, посвященной 70-летию исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2004. С. 89–90.

²² Ирошников М.П. Создание советского центрального государственного аппарата. М., 1967.

истории», к личностям людей, исследователь обращает внимание на важность проблемы складывания нового самосознания советских государственных служащих²³.

Почти одновременно с монографией М.П. Ирошникова вышел и фундаментальный труд Е.Н. Городецкого, выдержавший второе издание в 1987 году, также посвященный процессу создания и деятельности центральных государственных органов. Городецкий подчеркивал планомерность и рациональность мероприятий советского правительства²⁴.

Советские управленцы являются предметом исследования известного специалиста Е.Г. Гимпельсона. Анализируя управленческий аппарат на местах, он приходит к выводу, что с первых лет советской власти наблюдалась тенденция к его централизации. Отраслевые наркоматы фактически подчиняли себе функциональные отделы исполкомов и напрямую руководили ими²⁵. Несмотря на то, что назначение кандидатур на большинство местных должностей осуществляли исполкомы, Наркоматы могли влиять на численность рядовых работников, используя финансовые инструменты, кроме того все ключевые руководящие должности на местах утверждались сверху.

Подробный институциональный анализ системы юстиции предпринят в монографии И.И. Олейник «Органы юстиции Советской России в 1917 – 1936 гг.»²⁶. Автор дифференцирует органы управления юстицией в указанных хронологических рамках, подробно анализирует их функции, акцентирует внимание на проблемах управления в области юстиции. Проблемы развития структуры и нормативной правовой базы

---

²³ Ирошников М.П. О некоторых вопросах изучения генезиса и традиции советской государственности в России // Мавродинские чтения – 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки. Материалы юбилейной конференции, посвященной 70-летию исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2004. С. 90.

²⁴ Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства. М., 1987.

²⁵ Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы. 1917–1920 гг. М., 1998.

²⁶ Олейник И.И. Органы юстиции Советской России в 1917 – 1936 гг. Иваново, 2003.

деятельности органов и учреждений юстиции, в том числе, в первые два десятилетия советской власти, рассмотрена в еще одной монографии этого автора «История отечественных органов и учреждений юстиции»²⁷.

Процесс формирования советской судебной системы в первые послереволюционные годы стал предметом исследования В.Н. Бабенко. В статье «Проблемы формирования советской системы правосудия (1917–1920)»²⁸ он анализирует нормативные документы, регламентировавшие создание советских судебных органов. В поле зрения автора оказались, в том числе, и революционные трибуналы. Отмечая высокую нормотворческую активность большевистской власти в вопросе становления советского правосудия, автор, тем не менее, отмечает, что основной проблемой было допущение в практику принципа революционного правосознания, что провоцировало произвол.

Собственную классификацию советских институтов юстиции приводят А.Я. Кодинцев и Д.Н. Шкаревский. Они различают органы общей юстиции, рассматривавшие дела неполитического характера, и органы специальной юстиции, к которым относят трибуналы и специализированные прокуратуры, в том числе военные и лагерные. Стоит согласиться с А.Я. Кодинцевым и Д.Н. Шкаревским в том, что органы специальной юстиции представляли собой важную систему в структуре госаппарата 1930 – 1940-х годов и являются отдельным предметом исследования. Авторы используют термин «квазисудебные органы», к которым относят различного рода общественные суды и комиссии, главную роль которых видят в том, что они должны были «разгрузить органы общей и специальной юстиции от незначительных, с точки зрения

---

²⁷ Олейник О.Ю., Олейник И.И. История отечественных органов и учреждений юстиции. М., 2012.

²⁸ Бабенко В.Н. Проблемы формирования советской системы правосудия (1917–1920) // Россия и современный мир. 2017. № 3 (96). С. 250–259.

государства, дел»²⁹. Следует отметить, что в исследуемый нами период «квазисудебные органы» играли не только организационную, но и важную идеологическую роль, обеспечивая государственную стратегию народного правосудия.

Отдельным институтам системы юстиции посвящены исследования Д.В. Аронова, Е.В. Сафроновой, В.Н. Струкова.

Месту и роли нотариата в развитии советского государства посвящен ряд работ Д.В. Аронова. На примере Орловской губернии автор исследует изменение политики большевиков по отношению к нотариату, значение и своеобразие правоприменительной практики нотариусов на местах³⁰.

Историко-правовой анализ деятельности советской прокуратуры в 1920 – 1930-х годах, предпринятый Е.В. Сафроновой и В.Н. Струковым, позволил авторам выделить особенности советской модели прокуратуры, одной из которых являлась централизация управления, сложившаяся в 1930-е годы.³¹

Становление советской судебной системы и судебная реформа 1922 года всесторонне освещена как в исторической, так и в историко-правовой литературе.

Серия одноименных публикаций «На пути к «Красному Сенату» важна анализом децентрализованной и централизованной модели судебной системы и факторов, способствовавших утверждению централизованной

²⁹ Кодинцев А.Я., Шкаревский Д.Н. Органы специальной юстиции советского государства как инструмент защиты власти // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 59. С. 29.

³⁰ Аронов Д.В. Нотариат Орловщины. Листая старые страницы и создавая будущее. М, 2012; Он же. Нотариат Орловской губернии: от революции 1917 г до НЭПа – от попытки уничтожения до полного огосударствления. Нотариус. 2013. № 3. С. 44–47; Он же. Орловский нотариат эпохи строительства социализма – между жизнью и идеологической догмой. Нотариус. 2013. № 7. С. 43–47.

³¹ Сафонова Е.В., Струков В.Н. История зарождения советской модели прокуратуры (1917–1922 гг.) // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». 2018. Том 43, № 3. С. 539 –544; Струков В.Н. Оформление института прокуратуры СССР в единую централизованную систему // Вестник Белгородского института МВД России. 2018. № 4. С 4–10.

модели. Авторы отмечают, что эти факторы носили преимущественно политический характер³²

Формы советского правосудия исследованы в статьях В.М. Сырых, А.Ю. Кеклиса и Е.Р. Шумана³³. Авторы анализируют нормативную базу и принципы становления советского суда.

В осознании последствий судебной реформы для развития органов управления советской юстицией существенную помощь оказали статьи А.Я. Кодинцева, А.С. Смыкалина³⁴. В них исследуются причины осуществления реформы, нормативные правовые акты, появившиеся в процессе реформы, её результаты и влияние на структуру органов и учреждений юстиции.

В статье И.А. Шагина на региональном материале исследуются взаимоотношения судебных работников с местными органами власти³⁵. Используя архивные материалы, автор вычленяет формы воздействия местных властей на судебные органы. Однако, он рассматривает суды лишь как объект воздействия, упуская из виду двусторонний характер этих взаимоотношений.

Исследуя деятельность местных органов и учреждений юстиции по обеспечению социальной стратегии в социально-политической повседневности первых десятилетий советской власти, нельзя забывать,

³² Захаров В.В., Захарова П.В. На пути к «Красному Сенату»: первый опыт централизации революционных трибуналов (1917–1918 гг.) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2017. № 2. С. 45–62; Захарова П.В. На пути к «Красному Сенату»: первые шаги в системе народных судов (1917–1918 гг.) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2017. № 4. С. 37–62.

³³ Сырых В.М. Формы советского правосудия периода гражданской войны (1917–1921 гг.) // Российское правосудие. 2018. № 7(147). С. 41–51; Кеклис А.Ю., Шуман Е.Р. Судебная система в период становления советской власти // Современные проблемы образования. Сборник научных трудов научно-педагогического состава Санкт-Петербургского военного института войск Национальной гвардии. СПб, 2017. С. 105–107.

³⁴ Кодинцев А.Я. Эксперименты и дискуссия о структуре органов юстиции СССР в середине 30-х годов XX века // Адвокатская практика. 2006. № 4. С. 28–33; Смыкалин А. С. Судебная реформа 1922 года // Российская юстиция. 2002. № 4. С. 39–42; Он же. Реорганизация органов судебного управления на местах в 1922–1924 гг. // Проблемы права, социалистической государственности и социального управления: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 73. Свердловск, 1978. С. 137–142.

³⁵ Шагин И.А. Взаимоотношения народных судов и органов государственной власти Псковской губернии в 1920–1925 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1(27): в 2-х ч. Ч. II. С. 210–213.

что учреждения юстиции не единственные занимались охраной правопорядка в стране, и в этой связи они тесно контактировали с милицией и ВЧК. Проблема их взаимодействия комплексно проанализирована на этапе их становления с 1917 до начала 1920-х годов. Отсутствие четкого разграничения функций по охране правопорядка, препятствовавшее налаживанию этой работы, рассматривается исследователями как результат чрезвычайного, спонтанного характера деятельности милиции, ВЧК и судебно-следственных органов, обусловленной принципом революционной целесообразности. Этим вопросам посвящены исследования В.Б. Аксенова, Д.С. Новоселова³⁶.

В отечественной историографии имеются отдельные публикации, анализирующие *условия, в которых действовали местные органы юстиции* в первые десятилетия Советской власти: качество кадров учреждений юстиции, материальные условия труда работников. Оценивать кадровый потенциал всегда сложно, поскольку это требует как определения общего подхода к характеристике кадров, так и учета множества факторов.

Проблемам качества юридических кадров, занятых в различных учреждениях советской юстиции, посвящены труды А.В. Гавриловой и Н.В. Козловой, В.В. Захарова, И.А. Коссова³⁷. Наиболее полно представлена историография вопроса о подготовке юридических кадров. В частности, В.В. Захаров и Н.Н. Зипунникова, всесторонне исследовали реформу юридического образования начала 1930-х годов и её результаты³⁸.

---

³⁶ Аксенов В.Б. Милиция и городские слои в период революционного кризиса 1917 года. Проблема легитимности // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 36–50; Новоселов Д.С. Кризис ВЧК в конце 1918 – начале 1919 годов // Отечественная история. 2005. № 6. С. 66 –77.

³⁷ Гаврилова А.В., Козлова Н.В. Образовательный ценз как критерий профессионализма кадрового состава в правоохранительной системе в советском государстве // Современная научная мысль. 2017. № 6. С. 218–225; Захаров В.В. Создание «народного» нотариата в Советской России (1917–1921 гг.) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2015. № 11. С. 40–51; Коссов И.А. К вопросу о кадровом составе народных судов РСФСР (1917–1918 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2013. № 3(104). С. 30–34.

³⁸ Захаров В.В. Юристы для пролетарской диктатуры реформа юридического образования 1931 г. (по материалам публикаций «Российского юридического журнала») // Российский юридический журнал.

Юридическому образованию всех уровней в исследуемый период посвящена серия статей А.Я. Кодинцева. В качестве основного недостатка системы Кодинцев называет её экстенсивный рост, не подкрепленный достаточными ресурсами, что приводило к недостаточному качеству знаний обучающихся³⁹.

Все указанные авторы уделяют внимание целям большевиков в организации юридического образования, достоинствам и недостаткам системы. Однако вопрос о том, каким образом в повседневной деятельности учреждений юстиции преодолевались негативные влияния крайне низкого качества юридических кадров, остается за пределами их исследования.

Специфике кадрового состава прокуратуры и адвокатуры посвящены исследования Г.Т. Камаловой, Е.Н. Соломатина и Н.Е. Пирязева.

На материалах уральских губерний Г.Т. Камалова исследует изменение кадрового состава прокуратур в период НЭПа. Автор обосновывает мысль о том, что в основе формирования прокурорских кадров лежал номенклатурный способ. Следует согласиться с выводом Камаловой о роли партийной дисциплины как основного метода контроля над работой прокуратуры, поскольку в середине 1920-х партийности советских прокуроров, в отличие от остальных работников юстиции, уделялось усиленное внимание⁴⁰.

Результатом исследования Е.Н. Соломатина и Н.Е. Пирязева стал социальный портрет советского адвоката в 1920–1930-е годы. Интерес

2015. № 2(101). С. 201–214; Зипунникова Н. Н. Институтские будни: научная деятельность и профили подготовки специалистов (1931 г.) // Российский юридический журнал. 2013. № 6. С. 191–205; Зипунникова Н. Н. Институты советского права в «конвейерной ленте» правового образования: в продолжение разговора о реформе подготовки юристов в начале 1930-х гг. // Российский юридический журнал. 2013. № 3. С. 182–195.

³⁹ Кодинцев А.Я. Проблемы развития системы юридического образования в СССР в середине 30-х годов XX в. // Юридическое образование и наука. 2006. № 2. С. 30–34; Он же. Среднее юридическое образование в системе органов юстиции СССР в 30-е годы XX в. // Среднее профессиональное образование. 2007. № 9. С. 83–84; Он же. Высшее юридическое образование в системе органов юстиции СССР в 30-е годы XX в. // Право и образование. 2007. № 11. С. 116–129.

⁴⁰ Камалова Г.Т. Изменение кадрового состава прокуратуры Урала в условиях НЭПа // Отечественная история. 2008. № 2. С. 120–124.

представляет вывод авторов о тенденции омоложения адвокатского корпуса в указанный период. Это было логическим следствием стремления большевистского руководства избавиться от дореволюционных адвокатов и первоначальным непризнанием адвоката как фигуры, нужной советскому правосудию⁴¹.

Характеризуя условия трудовой деятельности людей постреволюционной эпохи невозможно не учитывать революционный энтузиазм, поскольку он помогал преодолевать недостатки образования, отсутствие опыта и материальную необеспеченность. Эти вопросы затрагиваются в частности в статье А.Н. Сахарова⁴².

Одним из малоисследованных аспектов кадровых условий работы советских госучреждений было привлечение так называемых «соцсовместителей» в рамках кампании, проводившейся в начале 1930-х годов. Статья Е.В. Булюлиной «Соцсовместительство: советский театр абсурда»⁴³ является первым серьезным исследованием этой забытой кампании. Автор делает аргументированный вывод о том, что соцсовместительство проистекало из стремления большевиков избежать отвлечения рабочих от производственного процесса для участия в разнообразных массовых кампаниях с одной стороны и нежелания отказываться от ленинского тезиса об участии рабочих в государственном управлении с другой. Е.В. Булюлина подчеркивает, что в госучреждениях к соцсовместителям не относились с должной серьезностью, часто поручая им бумажную работу или мелкие несущественные поручения. Соглашаясь с тем, что подобная картина наблюдалась в органах и учреждениях юстиции, тем не менее, следует отметить, что в условиях постоянной

---

⁴¹ Соломатин Е.Н., Пирязев Н.Е. Социальный портрет советского адвоката в 1920–1930-е гг. // История. Историки. Источники. 2016. № 3. С. 129–140.

⁴² Сахаров А.Н. 1930: год «коренного перелома» и начала Большого террора // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 40–69.

⁴³ Булюлина Е.В. Соцсовместительство: советский театр абсурда // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 3. С. 21–30.

острой нехватки кадров, соцсовместители, выполняя рутинную работу, частично снижали загруженность основных работников. Кроме того, они осуществляли роль «смычки» работников юстиции с массами, а зачастую, повышали эффективность их деятельности, сигнализируя о нарушениях и злоупотреблениях на местах.

Проблема материальных условий деятельности учреждений юстиции исследуется в вышеупомянутых трудах И.И. Олейник и О.Ю. Олейник в контексте институционального развития⁴⁴. Косвенно этот вопрос затрагивался и в диссертационных исследованиях, посвященных становлению и развитию отдельных институтов юстиции, о которых будет сказано ниже.

Исследуя материальное положение советской прокуратуры в период ее становления, Салмина С.Ю. приходит к выводу о том, что причиной недостаточного финансирования прокуратур было тяжелое экономическое положение в стране и тенденция к сокращению расходов на содержание госаппарата, благодаря чему финансирование местных госорганов было передано местным бюджетам⁴⁵. Между тем местные прокуратуры с момента своего создания напрямую финансировались Наркомюстом РСФСР, поэтому скудость местных бюджетов не могла стать причиной их тяжелого материального положения. Автор неоднократно подчеркивает, что материальное положение работников прокуратуры было значительно хуже, чем положение госслужащих других государственных ведомств, однако, не объясняет причин этого явления.

Материальная необеспеченность не снижала требований, предъявлявшихся к органам и учреждениям юстиции, и не снимала задач, которые перед ними стояли, соответственно, работа в условиях крайне

---

⁴⁴ Олейник И.И. Органы юстиции Советской России в 1917 – 1936 гг. Иваново, 2003; Олейник О.Ю., Олейник И.И. История отечественных органов и учреждений юстиции. М., 2012.

⁴⁵ Салмина С.Ю. Экономическое положение органов прокуратуры: историко-правовые аспекты // Юридическая наука. 2020. № 9. С. 88–92.

слабого материального обеспечения порождала практики выживания в экстремальных трудовых условиях, которые остались за пределами внимания исследователей.

Повседневная работа учреждений юстиции на местах проходила непосредственно среди людей, поэтому одним из самых актуальных аспектов исследования является *анализ отношения советских людей к системе юстиции и результатам её деятельности*. Историография этой проблемы только начинает складываться в последнее десятилетие, в основном она представлена исследованиями общих политических настроений и восприятия рядовым населением большевистской системы в целом.

Особо следует отметить монографию А.Я. Лившина «Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг.», которая затрагивает проблемы формирования настроений общества в условиях масштабных трансформаций, связанных с революцией, гражданской войной, НЭПом и сталинской революцией «сверху»⁴⁶.

Исследование содержит психологический и социологический анализ местной власти, что позволяет оценить её место и роль в политической системе той эпохи в отрыве от институционального контекста. Автор раскрывает различные аспекты восприятия обывателем местных руководителей и их деятельности. Идея автора о том, что в исследуемый период оценки обывателя во многом базировались на его представлениях о социальной справедливости как основе свободы, помогла объяснить парадоксальное сопротивление местных судебно-прокурорских работников начавшемуся на рубеже 1920–1930-х годов. распространению «сверху» массового террора в отношении крестьянства. Вместе с тем, исследуя феномен социальной справедливости, автор приходит к однозначному выводу – общественному сознанию той эпохи была присуща

---

⁴⁶ Лившин А.Я. Настроения и эмоции в Советской России. 1917–1932 гг. М., 2010.

идея о легитимности насилия в интересах социальной справедливости, в интересах большинства.

В исследованиях Хлевнюка О.В. высказывается мысль о том, что «общие предпосылки утверждения Сталина у власти – авторитарные традиции российской истории, особое состояние расколотого российского общества, пережившего многолетние войны и революции, ярко выраженные антидемократизм, маргинальность, жестокость и цинизм большевиков – не отрицают, однако, того факта, что сталинская диктатура была явлением сколь “укорененным”, столь и “верхушечным”»⁴⁷. Автор анализирует механизмы принятия и реализации политических решений, противодействие сталинской «революции сверху» в партии и обществе⁴⁸.

Вопросы, связанные с восприятием деятельности органов и учреждений юстиции, особенно на местном уровне, еще не подвергались системному анализу, фрагментарно они подняты в диссертационных исследованиях, посвященных становлению и развитию различных органов и учреждений юстиции.

Процессы становления органов юстиции неоднократно становились предметом *диссертационных исследований*, как историков, так и правоведов. Особый интерес представляет работа И.И. Олейник. На основе решения Верховного суда Российской Федерации от 5 апреля 2000 г. автор дифференцирует систему Министерства юстиции и систему органов юстиции. Кроме того, значимым является сделанный Олейник вывод о том, что одной из закономерностей периода 1917–1936 гг. являлась тенденция к ведомственному обособлению отдельных звеньев системы юстиции, изначально входивших в систему Наркомюста⁴⁹. В контексте

---

⁴⁷ Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 445.

⁴⁸ Хлевнюк О.В. 1937-й. Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992; Он же. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996.

⁴⁹ Олейник И.И. Организационно-правовые основы становления и развития органов управления юстицией в РСФСР: 1917–1936 гг. Дис. ... докт. юр. наук. Владимир, 2006.

своей темы автор рассматривает местные органы управления юстицией как органы судебного управления.

Диссертационные исследования В.Н. Емельянова, М.Б. Моттаевой, И.А. Коссова посвящены правовому анализу отдельных аспектов становления и деятельности органов и учреждений юстиции. В.Н. Емельянов, исследуя политическую юстицию в хронологических рамках 1917–1941 гг., включающих разноплановые исторические процессы, оценивает её однозначно как систему карательных органов⁵⁰.

Формирование системы советской юстиции в период 1917–1922 гг. является предметом исторических исследований Р.Х. Кардановой, П.С. Кашменского, В.А. Павлова⁵¹. Хронологические рамки этих работ ограничены периодом от возникновения системы советской юстиции до реформы 1922 года, изменившей как структуру системы, так и полномочия составлявших ее элементов.

Историко-правовые исследования О.С. Гаврилова, Н.С. Лобыревой, В.Н. Струкова, И.Н. Чорного позволили конкретизировать институциональные основы и правовую регламентацию деятельности отдельных органов и институтов⁵².

В региональном аспекте проблема исследуется в диссертационных работах Е.В. Долженковой, А.И. Клюкина, В.В. Максимовой, О.Н.

⁵⁰ Емельянов В. Н. История создания и правовое обоснование деятельности политической юстиции Башкирской АССР в 1917–1941 годах. Дис. ... канд. юр. наук. Уфа, 2006; Моттаева М.Б. Исторический опыт и традиции в деятельности органов юстиции Российской Федерации. Дис. ... канд. юр. наук. М., 2004; Коссов А.И. Становление народных судов и Наркомата юстиции РСФСР. 1917–1922 гг. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2006.

⁵¹ Карданов Р.Х. РКП(б) и формирование системы советской юстиции (1917–1922 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007; Кашменский П.С. Революционная законность и становление советской юстиции (1917–1922 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008; Павлов В.А. Становление органов юстиции и прокуратуры РСФСР. Октябрь 1917 – декабрь 1922. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

⁵² Гаврилов С.О. Институциональные основы и региональные особенности советской адвокатуры в период с 1917 до начала 60-х гг. (на примере Западно-Сибирского региона). Дисс. ... канд. юр. наук. М., 2017; Лобырева Н.С. Организационно-правовой опыт становления и функционирования судебных органов в РСФСР в период НЭПа (на примере Брянской губернии). Дисс. ... канд.юр.наук. М., 2018; Струков В.Н. Становление и развитие советской прокуратуры в 1917–1955 гг.: историко-правовое исследование. Дисс. ... канд.юр.наук. Белгород, 2019; Чорный И.Н. Адвокатура как институт защиты прав и свобод личности. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. СПб., 2011.

Мигущенко, В.И. Михеева, Л.Г. Осадчей, Е.В. Пестерева, В.Н. Письменнова, В.В. Терещенко.

Выводы Е.В. Долженковой о причинах плановых перебросок и распределении отдельных руководящих работников на новые должности были учтены при анализе кадровых условий деятельности органов и учреждений юстиции⁵³.

В диссертации А.И. Клюкина значительное внимание уделяется трансформации судебной системы, исследуются ее причины⁵⁴. Следует согласиться с выводом автора о том, что к таким причинам относились поиски оптимальных вариантов структуры и формы, а так же стремление повысить функциональность новых советских судов. Однако, вызывает сомнение отнесение к причинам трансформации процесс районирования, поскольку глобальные изменения в судебной системе были произведены в ходе реформы 1922 года и были вызваны стремлением власти реализовать концепцию народного суда.

В диссертации Л.Г. Осадчей сделан вывод о том, что спецификой развития судебной системы в 1917–1928 гг. являлась двойственность положения судов: с одной стороны они рассматривались как ненужный новому государству элемент, с другой – использовались как орудие власти⁵⁵. Автор распространяет это утверждение на весь исследуемый период, однако, отношение власти к судам в рамках указанного периода принципиально менялось и с начала 1920-х годов большевики целенаправленно выстраивали централизованную судебную систему.

Анализ органов юстиции Курской губернии в контексте их институционального развития в общем ряду других

---

⁵³ Долженкова Е.В. Отечественный исторический опыт в области подбора и расстановки руководящих кадров в 1920-е годы: на материалах Курского края. Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2012.

⁵⁴ Клюкин А.И. Судебные органы Тамбовской губернии в 1920–1928 гг. Дисс. .... Канд. ист. наук. Тамбов, 2006.

⁵⁵ Осадчая Л.Г. История становления и развития советской судебной системы в 1917–1928 гг.: На материалах Курской губернии. Дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005.

правоохранительных ведомств, с выделением наиболее общих факторов их деятельности произведен в диссертациях В.В. Максимова и В.В. Терещенко⁵⁶.

В докторской диссертации О.Н. Мигущенко «Влияние социально-экономической политики государства на формирование правосознания сельского населения (на материалах Центрально-Черноземной области)» в числе прочего, исследована деятельность Советского государства по правовому воспитанию сельского населения в 1928–1934 гг., что позволило проанализировать особенности и эффективность общественной нагрузки работников юстиции и вовлечения широких слоев населения в различные формы общественного правосудия⁵⁷.

Предпринятое В.И. Михеевым исследование протестных форм взаимодействия курских крестьян с властью позволило анализировать практики приспособления в решении повседневных жизненных задач путем противопоставления, поскольку протестная и приспособленческая формы составляли единую конструкцию поведения людей в исследуемую эпоху⁵⁸.

Деятельность органов юстиции в общем ряду губернских органов управления анализирует В.Н. Письменов⁵⁹. Мы не можем согласиться с его выводом о том, что органы юстиции оказались в зависимости от исполкомов, поскольку он противоречит как факту их ведомственного подчинения Наркомату юстиции, так и фактам противостояния

---

⁵⁶ Максимова В.В. Становление и деятельность правоохранительных органов советской провинции: 1917–1928 гг. (на примере Курской губернии). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2004; Терещенко В.В. История становления и развития провинциальной адвокатуры (на материалах Курского края в период октября 1917–1953 гг.). Автореф. т. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2007.

⁵⁷ Мигущенко О.Н. Влияние социально-экономической политики государства на формирование правосознания сельского населения (на материалах Центрально-Черноземной области). Дис. ... докт. юр. наук. М., 2008.

⁵⁸ Михеев В.И. Сопроотивление курского крестьянства политике большевиков в 1918 – 1933 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1998.

⁵⁹ Письменов В.Н. Органы управления Курской губернии: Механизм формирования и подбор кадров, 1920 – 1928 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2001.

местных учреждений юстиции злоупотреблениям властью со стороны советских органов и отдельных должностных лиц. Поверхностным представляется и заключение В.Н. Письменнова о том, что кадровый состав местных прокуратур качественно отличался от других учреждений юстиции, по причине того, что к прокурорам предъявлялись особые требования в части знания советского законодательства. С первой половины 1920-х годов такие требования предъявлялись ко всем ответственным работникам в сфере юстиции, что касается культурно-образовательного уровня прокурорских работников, то он мало чем отличался от уровня работников судов или следственных комиссий.

Рассматривая формирование и деятельность местных органов юстиции на Урале в 1920-е годы, Е.В. Пестерев приходит к выводу, что их деятельность была предопределена партийными директивами, которые не позволяли развиваться в нужном правовом направлении⁶⁰. Такой вывод не представляется однозначным, поскольку не учитывает специфику этой сферы, незначительность числа коммунистов в органах юстиции и отсутствия у большевиков четкого понимания её роли.

Одним из последних диссертационных исследований, предпринятых по соответствующей проблематике, стала диссертация А.Г. Факурдиновой «Система квазисудебных институтов в советском обществе 1920-х гг.». На региональном материале Тамбовской губернии автор исследует деятельность разнообразных форм общественного внесудебного правосудия⁶¹. Особый интерес представляет вывод автора о том, что при формировании ряда квазисудебных органов (примирительных камер, товарищеских судов и т.д.) вводилось требование соблюдения гендерного

---

⁶⁰ Пестерев Е.Р. Формирование и деятельность органов юстиции на Урале в 1920-е годы: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2009.

⁶¹ Факурдинова А.Г. Система квазисудебных институтов в советском обществе 1920-х гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2021.

баланса, что справедливо расценивается автором как новаторская социальная практика, способствовавшая введению женщин в общественный дискурс.

Таким образом, осуществленный анализ отечественной исторической и историко-правовой литературы дает возможность прийти к следующим *выводам*. Можно утверждать, что, наличие значительного числа публикаций по вопросам деятельности органов и учреждений советской юстиции на местах, пока не сформировало обстоятельного научного исследования по вопросу их роли в обеспечении стратегических задач государства. Уместно говорить только о детальном анализе деятельности отдельных звеньев юстиции и динамики структурных изменений системы в целом.

Большинству публикаций, связанных с правоохранительной сферой 1920–1930-х годов, свойственно односторонняя оценка её исключительно репрессивной сути, что не позволяет понять, как большевикам удалось выстроить и сохранить саму систему советского права, действовавшую несколько последующих десятилетий.

В наименьшей степени исследованы вопросы, связанные с практиками повседневной работы учреждений юстиции на местах, порождаемыми постоянно меняющимися внешними условиями и неудовлетворительным кадровым и материальным обеспечением, а также проблемы отношения советских людей к системе юстиции и отношения работников местных учреждений юстиции к социально-политическим процессам, частью которых они являлись.

Вектор исследования указанных проблем *зарубежными учеными* отличается от направлений исследований отечественной историографии.

Профессор Университета Карнеги – Меллона В.З. Голдман (США) исследует парадокс сталинского террора, риторику и практику сталинской демократии. Она приходит к выводу, что демократические лозунги

использовались для мобилизации рядовых членов партии и профсоюзов, чтобы избавиться от старых руководителей ленинской плеяды и возродить бюрократические институты. В. Goldman дает убедительное представление о невольном сотрудничестве жертв и палачей в ходе террора, что позволяет глубже осмыслить роль сознания и поведения обывателей в массовых политических процессах и возможность корректировки этих процессов «снизу». Goldman также высказывает мысль о том, что демократия не была для большевиков просто декларируемым лозунгом, они использовали демократические инструменты для расширения масштабов террора, поскольку они позволили вовлечь в этот процесс все низовые структуры⁶².

Практика государственного насилия и порожденные ею социальные явления анализируются в сборнике работ известного французского историка Н. Верта⁶³. Автор обосновывает тезис о том, что на всем протяжении сталинского режима существовали различные формы общественного сопротивления, чаще всего пассивные, экспериментировавшие с различными практиками ухода или выживания. Особую ценность представляет реализованная автором задача отслеживания хода репрессивных компаний от момента принятия решения до воплощения его в жизнь конкретными работниками на местах: следователями, судьями, прокурорами и иными должностными лицами.

Автор монографии «Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России»⁶⁴, доцент факультета политологии Бостонского колледжа Дж. М. Истер представляет собственное объяснение того, как большевистское государство распространило свою власть на огромную территорию. Идея

---

⁶² Goldman В.З. Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. М., 2010.

⁶³ Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010.

⁶⁴ Истер Дж. М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010.

автора о роли системы личных взаимоотношений и самосознания элиты как неформального источника власти, повлиявшего на мощь государства, позволила всесторонне проанализировать ресурсы, которые помогли местным учреждениям юстиции сдерживать насаждаемый из центра террор в период коллективизации.

Предметом научных интересов другого американского историка Р. Уортмана является развитие правового сознания судебных работников в России. Не смотря на то, что исследование предпринято на дореволюционном материале, оно позволяет более глубоко проанализировать роль системы ценностей советских работников юстиции в их противодействии неправовым процессам⁶⁵.

Вопросом о влиянии личных взглядов людей, работавших в учреждениях юстиции, их субъективных интересов и поведения на развитие советской юстиции и формирование политики большевиков в области правосудия задается специалист по вопросам права, судебной системы и политики в СССР Питер Х. Соломон (Канада). У него почерпнуты две позиции.

Во-первых, «многие из действий Сталина по расширению диапазона применения уголовного права и введению суровых наказаний за конкретные преступления вступали в противоречие с системой ценностей судебно-прокурорских работников и с их пониманием проблемы справедливости и целесообразности»⁶⁶.

Во-вторых, нахождение системы юстиции вне политического террора было обусловлено стремлением большевиков демонстрировать наличие в советском государстве цивилизованного правосудия⁶⁷.

В своем труде Соломон высказывает ряд спорных позиций. Во-первых, правоведческий характер исследования не позволяет автору учесть

---

⁶⁵ Уортман Р. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004.

⁶⁶ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 436, 438.

⁶⁷ См.: Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 443.

всех факторов сложной исторической обстановки в постреволюционной России, последствий гражданской войны и революции, что упрощает ряд его выводов. В частности, Соломон считает, что основным мотивом профессиональной деятельности работников местных органов и учреждений юстиции являлся диктат местных властей, от которых зависело их финансовое обеспечение, решение вопросов с жильем и иные повседневные нужды. С этим нельзя согласиться, так как с одной стороны, финансовые возможности местных властей были крайне ограничены. С другой стороны, гораздо большее значение, на наш взгляд, имело стремление людей выжить в заданных эпохой обстоятельствах и осуществлять свои профессиональные действия, подчиняясь не только диктату государства, но и собственным представлениям о справедливости.

Во-вторых, присущее автору западное понимание влияния системы ценностей не позволяет ему учесть характер воздействия революционных перемен на поведение местных работников юстиции.

Таким образом, анализ зарубежной историографии позволяет сделать следующие *выводы*.

Труды зарубежных историков частично улучшают ситуацию в отечественной историографии, связанную с разработкой наиболее «узких» мест данной проблематики, касающихся взаимоотношения и взаимовлияния власти и общества. Нетрадиционный взгляд на политические события исследуемого периода, основанный на идее о том, что советское общество само оказывало влияние на социально-политические процессы, в том числе и на местном уровне, вынуждает историков ставить все более сложные вопросы, разрушают традиционные исторические концепции.

Однако трудам западных исследователей присущ общий недостаток – они находятся в русле западного понимания влияния системы ценностей на формирование мотивов поведения личности в конкретной ситуации.

Большинство западных исследователей не учитывают характера воздействия революционных изменений на российского обывателя начала XX века, лишенного характерного для европейцев либерального понимания свободы. Стремление решать исследовательские проблемы путем построения психологических и конфликтологических гипотез зачастую приводит к недостаточности исторического анализа эпохи.

1.2. Источники

Восполнить историографические пробелы помогли опубликованные и неопубликованные источники. К первой группе целесообразно отнести *нормативные правовые акты исследуемой эпохи, речи, статьи и труды государственных деятелей первых десятилетий Советской власти, воспоминания современников и материалы периодической печати.*

Нормативные правовые акты исследуемой эпохи включают разнообразные по происхождению и виду документы: конституции, декреты и постановления Съездов Советов, документы, утвержденные постановлениями ВЦИК и СНК (союзного и республиканского уровня), ведомственные документы Наркомюста.

Следует учесть, что данное исследование не преследует цели изучить процесс становления и институционального развития системы юстиции. Однако исследование повседневной деятельности органов и учреждений юстиции на местах невозможно без понимания структуры системы юстиции, взаимодействия её элементов и их иерархии. Анализу подверглись в основном те нормативные документы, которые нормировали структуру органов и учреждений юстиции, субъекты и объекты властных полномочий, способы их реализации.

Первые конституции РСФСР и СССР учреждали высшие органы государственной власти, в том числе, органы правосудия, регламентировали структуру советской судебной системы.

Конституция РСФСР 1918 года, отмежевываясь от старого строя, декларировала равноправие всех трудящихся, а также учредила высшие органы центральной власти, в том числе семнадцать наркоматов в структуре Совета Народных комиссаров, включая Наркомат юстиции⁶⁸. Вследствие отношения большевиков к органам правосудия как к временным, в первой советской конституции отсутствовало всякое упоминание о судебных органах.

Образование СССР не повлекло за собой учреждения союзного наркомата юстиции, в целях поддержания на территории СССР революционной законности утверждался Верховный Суд СССР и Прокурор Верховного суда СССР⁶⁹.

В 1936 году новая Конституция СССР учредила Наркомат юстиции в качестве союзно-республиканского наркомата, Верховный Суд СССР объявлялся высшим судебным органом, на который возглавлялся надзор за судебной деятельностью всех судебных органов СССР и союзных республик. Глава IX Конституции СССР 1936 года узаконивала элементы судебной и прокурорской системы, в том числе и местные судебные и прокурорские органы⁷⁰.

Компетенции центральных органов управления юстицией закреплены такими документами как Декрет II Всероссийского съезда Советов «Об образовании Рабочего и Крестьянского правительства»,

---

⁶⁸ Конституция РСФСР. Утверждена на заседании V Всероссийского Съезда Советов 10 июля 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства (далее – СУ РСФСР). 1918. № 51. Ст. 582.

⁶⁹ Основной закон (Конституция) СССР. Утверждена Постановлением II Съезда Советов СССР 31 января 1924 г. // История советской конституции (в документах) 1917–1956. М., 1957. С. 458–473.

⁷⁰ Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Утверждена Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза ССР от 5 декабря 1936 г. // История советской конституции (в документах) 1917–1956. М., 1957. С. 729–746.

Положение о Народном комиссариате юстиции, Положение о Верховном суде СССР⁷¹. Процесс становления учреждений юстиции на местах отражен в двух Положениях о народном суде РСФСР 1918 и 1920 годов⁷².

Деятельность судебно-следственных учреждений до судебной реформы 1922 года анализируется в большей степени на основании Положения о народном суде РСФСР, принятом в 1920 году, поскольку Декреты о суде № 1 – № 3, как и Положение о народном суде РСФСР 1918 года имели переходный и весьма незрелый характер⁷³.

В начале 1920-х годов произошло изменение отношения большевистского руководства к правосудию, как временному институту, обреченному на отмирание по мере построения социалистического государства. Это привело к усилению внимания и стремлению к детальной регламентации деятельности органов и учреждений юстиции на местах.

В 1921 году ВЦИК принял декрет «Об усилении деятельности местных органов юстиции»⁷⁴. В 1922 году в этот декрет было внесено дополнение в виде декрета «О порядке ареста прокуроров, их помощников, председателей и членов революционных трибуналов и советов народных судей, народных судей и следователей»⁷⁵, согласно которому никакие

---

⁷¹ Об образовании Рабочего и Крестьянского правительства. Декрет II Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 26 октября 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 21; Положение о Народном комиссариате юстиции. Декрет ВЦИК от 1 февраля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 10. Ст. 120.; Положение о Верховном суде СССР. Постановление ВЦИК от 23 ноября 1923 г. [Электронный ресурс] // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1871.htm (дата обращения: 25.06.2016).

⁷² О народном суде РСФСР. Положение ВЦИК РСФСР от 30 ноября 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889; Положение о народном суде РСФСР. Декрет ВЦИК РСФСР от 20 октября 1920 г. // СУ РСФСР. 1920. № 83, Ст. 407.

⁷³ О народном суде РСФСР. Положение ВЦИК РСФСР от 30 ноября 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889; О суде (№ 1). Декрет ВЦИК РСФСР от 24 ноября 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50; О суде (№ 2). Декрет ВЦИК РСФСР от 7 марта 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.; О суде (№ 3). Декрет ВЦИК РСФСР от 20 июля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 52. Ст. 589.

⁷⁴ Об усилении деятельности местных органов юстиции. Декрет ВЦИК от 25 августа 1921 г. // СУ РСФСР. 1921. № 63. Ст. 456.

⁷⁵ О порядке ареста прокуроров, их помощников, председателей и членов революционных трибуналов и советов народных судей, народных судей и следователей. Декрет ВЦИК от 16 ноября 1922 г. [Электронный ресурс] // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1441.htm (дата обращения: 17.05.2018).

органы власти не могли арестовывать упомянутых должностных лиц без разрешения Прокурора республики или губернского прокурора. Подобные меры были призваны, с одной стороны, оградить работников юстиции от произвола партийных и советских властей, а также органов НКВД, с которыми у местных работников нередко возникали конфликты, с другой стороны, бороться с притоком в органы юстиции лиц, своим поведением порочивших и дискредитировавших систему правосудия.

Судебная реформа 1922 года повлекла за собой не только значительные изменения в системе юстиции, но и появление ряда нормативных правовых актов: Положение о судеустройстве РСФСР, Положение о прокурорском надзоре, Положение о коллегиях защитников, Положение о нотариате⁷⁶, которые регламентировали деятельность отдельных институтов системы юстиции. Положение о коллегиях защитников несет на себе явный отпечаток негативного отношения большевистской власти к адвокатской деятельности. Фактически, документ регламентировал только порядок формирования коллегии и требования к её членам, оставив за рамками содержание деятельности. В качестве приложений Положение содержало утвержденную таксу оплаты защитников рабочими государственных и частных предприятий и служащими советских учреждений, процент вознаграждения, отчисляемого каждым защитником в пользу коллегии и программу испытаний для кандидатов в члены коллегии, не имевших двухлетнего стажа работы. Регламентация подобных вопросов с одной стороны, свидетельствует о недоверии власти к адвокатскому сообществу, стремление контролировать все аспекты их деятельности, с другой

---

⁷⁶ Положение о судеустройстве РСФСР. Постановление ВЦИК РСФСР от 11 ноября 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902; Положение о прокурорском надзоре. Постановление ВЦИК РСФСР от 26 мая 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 424; Положение о коллегиях защитников. Утверждено Народным комиссариатом юстиции 5 июля 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 425; Положение о государственном нотариате. Декрет СНК РСФСР от 4 октября 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 63. Ст. 807.

стороны, в данном документе это было уместно, поскольку он являлся ведомственным циркуляром.

Поскольку предметом исследования является деятельность местных органов и учреждений юстиции, потребовался анализ государственных правовых актов, регламентировавших различные общественные отношения. В частности, анализу подверглись законы, ставшие следствием развития уголовного законодательства в начале 1930-х годов, связанного с попыткой власти использовать его в качестве средства достижения социально-политических целей⁷⁷.

Отдельной проблемой в рамках предпринятого исследования является исследование кадровых условий деятельности местных учреждений юстиции. Это потребовало анализа таких нормативных актов, как постановление СНК РСФСР «Об открытии юридических курсов» от 22 декабря 1922 г., циркуляров НКЮ РСФСР «О проверке и улучшении личного состава нарсудей и работы нарсудов» от 15 апреля 1924 г., «О порядке комплектования высших юридических курсов в 1929–1930 учебном году» от 15 апреля 1929 г., директивного письма Наркомата юстиции РСФСР по вопросу выдвиженчества от 16 августа 1929 г.⁷⁸.

---

⁷⁷ Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности). Постановление ВЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. // СУ СССР. 1932. № 62. Ст. 360; Об увольнении за прогул без уважительных причин. Постановление ВЦИК СССР и СНК СССР от 15 ноября 1932 г. [Электронный ресурс] // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3838.htm (дата обращения: 25.06.2016); Об ответственности за выпуск недоброкачественной продукции. Постановление ВЦИК СССР и СНК ССР от 8 декабря 1933 г. [Электронный ресурс] // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3944.htm (дата обращения: 13.11.2017).

⁷⁸ Об открытии юридических курсов. Постановление СНК РСФСР от 22 декабря 1922 г. [Электронный ресурс] // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1465.htm (дата обращения: 12.09.2017); О проверке и улучшении личного состава нарсудей и работы нарсудов. Циркуляр НКЮ от 15 апреля 1924 г. [Электронный ресурс] // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1997.htm (дата обращения: 22.09.2017); О порядке комплектования высших юридических курсов в 1929–1930 учебном году. Циркуляр Наркомата юстиции РСФСР от 15 апреля 1929 г. № 48 // Ежедневник советской юстиции. 1929. № 16. С. 24; Директивное письмо по вопросу выдвиженчества. Циркуляр Наркомата юстиции РСФСР от 16 августа 1929 г. № 102 // Ежедневник советской юстиции. 1929. № 34. С. 21–22.

Для того чтобы оценить мотивацию действий и отношение людей к происходящему, необходимо иметь верное представление о сущности той среды, в которой люди действуют. Решению этой задачи способствует анализ *речей, статей и трудов государственных деятелей первых десятилетий Советской власти*, их соратников и оппонентов. Историческое исследование периода 1917 – 1922 гг. не может обойтись без обращения к работам В. И. Ленина, которые содержат сущностные характеристики советского строя и цели, которые ставила перед собой новая власть. Будучи лидером нового государства, Ленин был способен к достоверному качественному анализу и обобщенному видению проблем. Работа «Государство и революция» и подготовленная Лениным резолюция заседания Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 25 октября 1917 г. раскрывают и уточняют понятие «революционная законность». Несмотря на быстро начавшуюся трансформацию смысла, термин использовался большевиками в качестве популистского лозунга на протяжении всего исследуемого периода⁷⁹.

Решающую роль в дискуссии о месте прокуратуры в системе советских государственных органов сыграла работа Ленина «О “двойном подчинении” и законности», а заметка «О взаимоотношении судебных и следственных органов» обосновала принципы взаимодействия элементов системы юстиции⁸⁰.

Нарком юстиции Д.И. Курский едва ли не первостепенное внимание уделял проблеме качества юридических кадров, что зафиксировано в его речах, письмах, государственных и ведомственных документах, подготовленных с его участием. Он оценивал кадровую ситуацию на

---

⁷⁹ Ленин В.И. «Государство и революция» // Полн. собр. соч. (5-е издание). Т.33. М., 1969. С. 1–120; Он же. Резолюция заседания Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 25 октября 1917 г. // Полн. собр. соч. (5-е издание). Т. 35. М., 1974. С. 4–5.

⁸⁰ Ленин В.И. О «двойном подчинении» и законности // Полн. собр. соч. (5-е издание). Т. 45. М., 1970. С.197–201; Он же. О взаимоотношении судебных и следственных органов. Записки В.М. Молотову. // Полн. собр. соч. (5-е издание). Т. 44. М., 1970. С. 243.

местах как весьма тревожную, а порой и небезопасную для государства, поскольку низкий образовательный и профессиональный уровень юридических работников способствовал формированию негативного восприятия правоохранительных органов населением, потере доверия к ним. Д.И. Курский крайне негативно оценивал стремление ряда работников юстиции, в том числе и низового, уездного уровня, использовать служебные полномочия и поставить себя в исключительное положение по сравнению с рядовыми гражданами, полагая, что это прямой путь к тому, что правоохранители превращались в правонарушителей.

Большое внимание Д.И. Курский уделял становлению народного суда, как основополагающего элемента советского правосудия. Способом придания советскому суду подлинно народного характера он считал введение в судопроизводство избранных народных заседателей⁸¹

Работы видного деятеля советской юстиции, ученого-правоведа П.И. Стучки содержат идеологически обусловленные положения: обоснование классового революционного правосознания и революционной законности, тезис об отмирании права по мере построения коммунизма, разъяснения по вопросу о соотношении закона и партийной директивы⁸². Работая на должности председателя Верховного суда СССР, П.И. Стучка много внимания уделял вопросам взаимодействия союзных и республиканских судебных органов, в частности, устранению противоречий в вопросе организации судебного контроля⁸³.

Особую значимость имеет точка зрения оппонентов большевистских лидеров. В этой связи представляет интерес публикация журнала «Вопросы истории» – записки С.Е. Крыжановского, русского

⁸¹ Д.И. Курский Итоги судебной работы и очередные задачи НКЮ. Доклад на V Всероссийском съезде деятелей советской юстиции // Ежегодник советской юстиции. 1924. № 11. С. 18.

⁸² См.: Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964.

⁸³ См.: Стучка П.И. Вопросы судебного контроля. Свод докладов на заседании V-го Всероссийского съезда деятелей советской юстиции // Ежегодник советской юстиции. 1924. № 11. С. 24.

государственного деятеля, юриста. Будучи автором и разработчиком ряда важнейших государственных актов, в том числе избирательных законов 1905 и 1907 годов, Крыжановский дает объективный анализ мероприятий большевиков, направленных на стабилизацию социально-политической ситуации в середине 20-х годов. Он особо отмечает конструктивную роль местных властей, подчеркивая их активность и значимость в деле государственного строительства⁸⁴.

Одиозный политический деятель, автор на шумевшей статьи «Сталинизм и большевизм» Л.Д. Троцкий, уже в качестве оппонента большевиков, одним из первых пришел к выводу о несовпадении понятий «большевизм» и «советская власть» и раскрыл причины трансформации советского строя⁸⁵.

Несмотря на то, что следующего автора нельзя отнести к когорте государственных деятелей, его позиция вызывает интерес и порождает ряд вопросов в контексте предпринятого исследования. Статья немецкого антифашиста О. Рюле «Борьба с фашизмом начинается с борьбы против большевизма», написанная в 1939 году, содержит явно субъективную негативную позицию автора по отношению к Советскому Союзу, вызванную советско-германским пактом, и ряд спорных выводов. Это не снижает её ценности в части предпринятого автором детального анализа трансформаций, произошедших внутри советской системы в 20–30-е годы⁸⁶.

---

⁸⁴ О характере государственного строя в России (и записок С.Е. Крыжановского 1926 г.) // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 17.

⁸⁵ Троцкий Л.Д. Сталинизм и большевизм // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1939. № 58–59 [Электронный ресурс] // Марксистский интернет-архив. Русский раздел. URL: https://www.marxists.org/russkij/trotsky/1937/stalinism_bolshevism/01.htm (дата обращения: 29.01.2019).

⁸⁶ Рюле О. Борьба с фашизмом начинается с борьбы против большевизма [Электронный ресурс] //

Библиотека Гумер – Политология. URL:

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/Ryle_Borba.php (дата обращения: 04.03.2019).

Особую ценность для исследования, предпринятого в контексте социально-политической повседневности, имеют *воспоминания современников*.

Известный российский историк, археограф, академик АН СССР С.Б. Веселовский в течение многих лет вёл дневник, в котором фиксировал своё отношение к общественно-политическим процессам, происходившим в стране. Отрывки из этого дневника, опубликованные в журнале «Вопросы истории» в 2000 году, оказали помощь в осознании социально-политических процессов, происходивших в Советской России в начале двадцатых годов. Поскольку источник представляет собой личный дневник, Веселовский особое внимание уделял не структурным или организационным факторам деятельности новой власти, а психологическим аспектам восприятия происходившего как им самим, так и окружавшими его людьми, волею судьбы оказавшихся вовлеченными в бурю революционных событий⁸⁷.

Небезынтересны и воспоминания работников юстиции того периода, особенно тех, которые работали с дореволюционных времен и обладали достаточным опытом, для того чтобы оценить ситуацию. Эти материалы можно найти в сборнике «Право Советской России», опубликованном в Праге в 1925 году, а так же в «Архиве русской революции» – уникальном 22-х томном издании, выходившем в Берлине в 20–30-х годах прошлого века, репринт которого выпущен в России в девяностые годы XX века.

Вопреки ожиданиям, воспоминания работников царской юстиции, сначала согласившихся на сотрудничество с новой властью, а затем эмигрировавших за границу, не являются сугубо негативными и содержат объективную оценку новых кадров, пришедших в сферу юстиции после революции. Отмечается их ответственность и исполнительность, дотошность, стремление наилучшим образом выполнить порученное дело.

---

⁸⁷ Веселовский С.Б. Дневники 1917–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 105.

Воспоминания эмигрантов помогают проникнуть в суть антагонизма, существовавшего между дореволюционными юристами и новой властью⁸⁸.

Воспоминания И.Д. Голицыной позволяют оценить взгляд на происходящие события со стороны людей, принадлежавших к российской аристократии, но, вместе с тем, достаточно аполитичных, чьи мнения формировались непосредственно под воздействием происходивших событий⁸⁹.

Особо следует отметить двухтомник «Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг.»; Общество и власть: 30-е годы. Повествование в документах», который вышел в серии «Социальная история России XX века», издаваемой Институтом российской истории РАН. В него включены архивные документы, материалы следственных дел, зарубежные документы и литература. В издании собраны главным образом документы, авторами которых являются рядовые участники событий (письма, отклики), а также ранее недоступные информационные сводки ОГПУ/НКВД и других политических органов⁹⁰.

К следующей группе опубликованных источников следует отнести *материалы периодической печати* тех лет. В рамках исследования анализу подверглись материалы центральных печатных органов – газеты «Правда», органа Наркомата юстиции РСФСР – «Еженедельника советской юстиции»; а так же публикации региональных периодических изданий: печатного органа обкома ВКП(б), Облисполкома и Облпрофсовета Центрально-Черноземной области газеты «Коммуна», региональных партийных изданий – «Курская правда», «Орловская

---

⁸⁸ Архив русской революции. Т. 8. М., 1991; Право Советской России: Сборник статей. Прага, 1925.

⁸⁹ Голицына И.Д. Воспоминания о России (1900–1932). М. 2009.

⁹⁰ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. Т.1. М., 1998; Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах. Т.2. М., 1998.

правда»; органа Ливенского райкома ВКП(б) и районного совета депутатов трудящихся «Знамя Ленина» (Орловская область).

Наибольшую информативность имеют публикации «Еженедельника советской юстиции». Материалы рубрики «Официальная часть» стали источником сведений о циркулярах Наркомата юстиции, нормировавших узковедомственные вопросы и не включенных в печатные сборники официальных документов⁹¹.

В 1928–1929 годах в еженедельнике были опубликованы разнообразные материалы по вопросу о выдвиженчестве и использовании выдвиженцев на службе в органах юстиции. Это было связано с тем, что в указанный период широко распространилась практика так называемого «орабочивания», под которой понималась подготовка и обучение выходцев из рабочей среды для замещения должностей в различных государственных учреждениях, в том числе, и в учреждениях системы юстиции. Анализ публикаций показал, что работники местных органов и учреждений юстиции в целом позитивно относились к выдвиженчеству, видели в нем способ преодоления кадровых проблем, но, вместе с тем, осознавали риски привлечения на службу в учреждения юстиции лиц «от станка»⁹².

Для конца 1920-х годов характерна высокая публикационная активность авторов, писавших для рубрики «НОТ». Особенно интересны статьи Н. Карпа и Л. Фрадкина, являвшихся сотрудниками

⁹¹ О регистрации некоторых категорий работников юстиции. Циркуляр Наркомата юстиции РСФСР от 26 октября 1922 г. № 117 // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 39–40. С. 53; О размещении камер нарследователей. Циркуляр Наркомата юстиции РСФСР от 20 августа 1925 г. № 164 // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 32. С. 22; О кадрах работников юстиции. Циркуляр Наркомата юстиции РСФСР от 7 декабря 1929 г. № 132 // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 50. С. 24; О порядке комплектования высших юридических курсов в 1929 – 1930 учебном году. Циркуляр Наркомата юстиции РСФСР от 15 апреля 1929 г. № 48 // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 16. С. 24; Директивное письмо по вопросу выдвиженчества. Циркуляр Наркомата юстиции РСФСР от 16 августа 1929 г. № 102 // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 34. С. 21–22.

⁹² Генкин (член Смоленского губсуда). От станка к судейскому столу // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 25. С. 7; Гладилин (прокурор 3-го уч. Курского округа). О выдвиженцах забыли // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 42. С. 17; Костров П. Смотр-отчет работы выдвиженцев // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 25. С. 6; Котюхов А. Подготовка работников юстиции на областных юридических курсах // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 19. С.16–18.

Организационно-планового бюро Наркомюста, занимавшегося разработкой форм и бланков документов и отчетов. Их публикации породили на страницах еженедельника дискуссию о внедрении новой системы делопроизводства, основанной на передовом для того времени немецком опыте⁹³. Дискуссия свидетельствует о том, что управленческие структуры, как и рядовые работники на местах, рассматривали инструменты НОТ как способ организации продуктивной работы в условиях неудовлетворительного состояния материальной базы.

В целом материалы «Еженедельника советской юстиции» дали обширный материал для анализа взаимоотношений центральных и местных органов, понимания проблем, возникавших в повседневных трудовых буднях работников местных учреждений юстиции.

В местной печати количество публикаций, посвященных работе органов и учреждений юстиции, до конца 1920-х годов было минимальным – губернские газеты в основном были печатными органами партии, а губкомы, в силу распространенного в первые годы революции правового нигилизма, мало уделяли внимания правосудию. Встречаются лишь отдельные публикации выступлений деятелей юстиции на местных советских съездах или партийных конференциях⁹⁴.

Ситуация изменилась в конце 1920-х – начале 1930-х годов, особенно в период коллективизации. В газетах публиковались отчеты местных съездов работников юстиции, статьи председателей губернских, а затем и областных судов⁹⁵. Статьи, написанные руководящими

---

⁹³ Карп Н., Фрадкин Л. Новое в делопроизводстве // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 19. С. 16–17; Фрадкин Л. Стандартизация документов, функционирующих в местных органах юстиции // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 4. С. 23–25; Карп Н. Фрадкин Л. Основные принципы реформы управления // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 30. С. 14–16; Фрадкин Л. Статистический учет социального положения жалобщиков, обращающихся в прокуратуру // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 36/37. С. 30–31.

⁹⁴ Отчет заведующего Курским губернским отделом юстиции на VII губернском Съезде Советов и резолюция, вынесенная на его основе // Курская правда. 1920. 12 декабря; О суде и наших юристах // Курская правда. 1920. 12 декабря.

⁹⁵ Нефалиди (Председатель Орловского Губернского суда) Суд и посевная кампания // Орловская правда. 1928. 20 марта; Вельт Я. Больше ответственности за работу // Курская правда. 1929. 10 октября;

работниками, как правило, представляли собой критические материалы, освещавшие работу местных судей, следователей и прокуроров.

Ценность для предпринятого исследования представляют публикации, вскрывающие случаи произвола со стороны представителей государственной власти на местах и реакции на них органов юстиции. Подобные публикации, особенно в центральной прессе, с одной стороны, свидетельствовали о стремлении рядовых граждан к восстановлению социальной справедливости, с другой стороны, являлись стимулом, активизировавшим контрольные функции местного госаппарата, который имел полномочия для применения легальной силы против чиновников, допуская произвол. Это однозначно подтверждает публикация 1935 года в газете «Правда» под заголовком «Черный конверт», до появления которой контролирующие органы на местах фактически бездействовали, либо ограничивались полумерами⁹⁶.

Анализ публикаций местной печати позволяет сделать вывод, что имели место и противоположные ситуации, когда официальная обличительная позиция, высказанная на страницах партийных изданий по поводу частного случая, вызывала широкий общественный резонанс и привлекала внимание прокурорских органов к явным «перегибам» и произволу в действиях должностных лиц⁹⁷.

Значительное число проанализированных публикаций анонимны, либо, подписаны инициалами. Подобное характерно как для центральной, так и для местной печати, поскольку, в исследуемый период общепринятым было понятие добровольного или общественного корреспондента, которых на региональном уровне чаще называли «рабкорами» или «селькорами». Учреждения юстиции рассматривали их

Распоряжение прокурора ЦЧО // Коммуна. 1932. 8 марта; Гуревич Я. Органы юстиции на новом этапе (ко II съезду работников юстиции ЦЧО) // Коммуна. 1932. 23 июня; Кухтин И.Д. Под маской прогульщика // Курская правда. 1933. 12 февраля.

⁹⁶ Ст. Л. Черный конверт // Правда. 1928. 10 июля.

⁹⁷ Повысить классовую бдительность в школах // Знамя Ленина. 1935. 10 февраля.

как добровольных помощников, готовых сигнализировать о нарушениях законности. Подобные публикации требуют особо критического отношения, поскольку отражали полностью субъективную позицию лиц, не только не подготовленных к корректной правовой оценке событий, но и не отвечавших, вследствие анонимности публикации за достоверность изложенных фактов⁹⁸. Этот недостаток может быть преодолен путем сопоставления изложенных фактов с другими источниками, прежде всего, с архивными материалами.

Наибольший массив *неопубликованных источников* представляют *архивные материалы*. Основу диссертации составили документы и материалы, извлеченные из фондов двух центральных и пяти региональных архивов.

Исследованные фонды **Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ)** стали основой для анализа организационного становления системы юстиции, понимания каналов взаимодействия её центрального аппарата и местных органов. В рамках фонда А–353 «Министерство юстиции Российской Федерации (Минюст РСФСР) 1917–1963, 1979–1991» исследованы 14 дел, содержащие материалы Наркомата юстиции РСФСР, относящиеся к хронологическим рамкам исследования. Прежде всего, анализу подверглись циркуляры и директивные письма Наркомюста, которые можно разделить на две группы: циркуляры, рассылавшиеся губернским органам юстиции в разъяснение или с конкретизацией положений государственных нормативных актов; и циркуляры Наркомюста, регламентировавшие ведомственные организационные вопросы. Значительный объем фактического материала почерпнут из отчетов с мест по самым разнообразным вопросам, которые позволяют

---

⁹⁸ Н.Б. Шемякин суд // Орловская правда. 1928. 20 марта; Травля селькора-агронома // Коммуна. 1932. 8 января.; «Льговская законность» еще в силе // Коммуна. 1932. 27 августа.

судить о системе финансирования местных органов и учреждений юстиции, их кадровых проблемах. Нужды органов и учреждений юстиции на местах отражали так же запросы и телеграммы с мест. Еще одним ценным источником стали хранящиеся в материалах фонда директивные письма, предписания, телеграммы, уведомления, раскрывающие характер взаимодействия с другими государственными институтами.

Официальные документы фонда А–353 (циркуляры, директивные письма, отчеты) позволяют составить достоверную картину структуры органов и учреждений юстиции в центре и на местах, их властных полномочий. Недостатком является анонимность официальных документов, особенно характерная для первой половины 1920-х годов. Установить авторство многих документов, присылаемых с мест, зачастую не представляется возможным. Это относится к отчетам, письмам, телеграммам. Вместе с тем, следует отметить большую, по сравнению с региональными архивами, сохранность отчетных материалов, которые присылались с мест, так как на местах копии отчетов часто не сохранялись, либо были утрачены.

В противоположность этому фонды **Российского государственного архива социально-политической истории** (далее – **РГАСПИ**) персонифицированы, содержат переписку руководителей советской юстиции с иными государственными деятелями, их обращения в различные партийно-государственные структуры. Эти материалы особенно ценны, поскольку позволяют судить о действиях и интересах конкретных людей, которые влияли на формирование государственной политики в области правосудия.

Особо в этой связи следует отметить фонд № 82 «Молотов Вячеслав Михайлович». Он содержит переписку А.Я. Вышинского и Г.В. Молотова, отражающую не только деятельность высших органов

юстиции, но и местных учреждений, порой в неожиданных аспектах. Так, в деле № 884 содержится серия отчетов Прокурора СССР, датированных серединой 1930-х годов, о случаях самоубийств местных прокуроров⁹⁹.

Другой персональный фонд № 153 «Стучка Петр Иванович. (1865–1932)» включает материалы, позволившие проанализировать конфликтный характер взаимодействия Наркомата юстиции и Верховного суда РСФСР в конце 1920-х годов, и влияние этого взаимодействия на низовые структуры. Исследованы письма Стучки и иных партийно-государственных деятелей, адресованные в Секретариат ЦК, по вопросу революционной законности.

Материалы **региональных архивов** также отличаются своеобразием, однако у них есть и общие характеристики. В государственных архивах Курской, Орловской, Воронежской и Тамбовской областей практически отсутствуют документы, относящиеся к 1917–1918 гг., что объясняется как невозможностью организации стабильной работы учреждений на местах в названные годы, так и тем, что некоторые из названных архивов пережили эвакуацию в годы гражданской и Великой отечественной войн и утратили часть документов.

Вследствие объединения в 1928 году губерний в Центрально-черноземную область, которая просуществовала до 1934 года, и осуществлявшегося в этот период процесса районирования, материалы часто передавались из одного архива в другой. Подобные передачи осуществлялись и позже. Например, материалы о работе Белгородского, Валуйского, Корочанского уездных бюро юстиции, действовавших в 1920–1922 гг. на территории Курской губернии, были объединены в отдельные фонды и переданы в Государственный архив

---

⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 884. Л. 10–49.

Белгородской области. Передавались, как правило, дела, сформированные из документов государственных органов, а ведомственные материалы, например письма в прокуратуру или отчеты следователей, оставались на месте. Поэтому проследить судьбу конкретного персонажа или разрешение той или иной ситуации порой невозможно.

В архивах Курской, Орловской и Тамбовской областей объем источников, относящихся к периоду 1928–1934 гг., заметно меньше, чем за предыдущие годы, поскольку с 1928 по 1930 год они действовали как судебные округа в составе ЦЧО, а после отмены округов, как районы. Этот пробел восполняют фонды **Государственного архива Воронежской области (далее – ГАВО)**, хранящие материалы, относящиеся ко всей ЦЧО, так как Воронеж являлся областным центром.

Материалы фондов П–1 «Курский обком ВКП(б)», П–65 «Курский губернский комитет РКП(б) и П–3 «Суджанский уездный комитет РКП(б)» **Государственного архива общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО)** позволили восстановить картину взаимодействия органов юстиции Курской губернии с местными партийными, советскими и чрезвычайными органами, которая оказалась типичной для всех центрально-черноземных регионов. Содержащиеся в фонде П–1389 «Партийные организации Курского областного суда. 1923–1982» протоколы заседаний партийных бюро и партийных собраний позволили проанализировать нарастание степени влияния ВКП(б) на деятельность учреждений юстиции на местах, стали дополнительным источником сведений об изменении численности коммунистов в судебно-следственных учреждениях и прокуратурах.

Исследуемые материалы региональных архивов можно разделить на три группы. Первую группу составляют официальные документы, представленные в виде различной переписки государственных структур. В наиболее полном объеме данные источники сосредоточены в фондах ГАВО Р-410 «Воронежский губернский суд уполномоченные губернского суда по уездам», **Государственного архива Курской области (далее – ГАКО) Р-451 «Курский Губернский отдел юстиции и уездные бюро юстиции. 1918–1922»**, **Государственного архива Орловской области (далее – ГАОО) Р-1220 «Орловский губернский прокурор. 1921–1928»**, **Государственного архива Тамбовской области (далее – ГАТО) Р-1 «Тамбовский губернский исполнительный комитет (орган Временного правительства). Губернский исполнительный комитет совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Тамбовской губернии. (1917–1928)»**.

Как правило, такие документы надлежащим образом оформлены, имеют канцелярские грифы, позволяющие определить их принадлежность, авторство и дату создания. Письма руководящих структур представляют собой циркуляры, распоряжения, предписания, другими словами, имеют директивный характер, либо составлены в форме запроса. Что касается писем местных чиновников, то, преимущественно, это ответы на запросы, отчеты о действиях должностных лиц или просьбы о принятии каких-либо мер, обычно экстренного характера.

Обращения нижестоящих структур к тем, кому они были подчинены, представляют особый интерес, поскольку позволяют осознать реальную ситуацию на местах, почувствовать настроения людей, работающих в сфере юстиции. Например, значительный массив переписки Наркомюста и местных органов и учреждений юстиции посвящен вопросам материального обеспечения и финансирования. В

этой связи особый интерес представляют зарплатные ведомости местных органов и учреждений юстиции. Заведующие отделами и бюро юстиции, затем председатели губернских и областных судов, губернские и областные прокуроры порой буквально «бомбардировали» письмами и телеграммами соответствующие отделы Наркомюста. Суть этих посланий менялась: если в начале 1920-х это были просто жалобы, то в конце 1920-х – начале 1930-х содержание их скорее напоминало требование по формуле: мы знаем, что это надо сделать, хотим это сделать и понимаем, как это важно, но мы не получаем достаточно средств. О бедственном положении работников и отсутствии элементарных канцелярских товаров свидетельствуют и исследованные протоколы заседаний губернских коллегий защитников.

Следующая группа архивных источников – это протоколы и постановления. Исследованию подверглись постановления местных исполкомов советов, протоколы заседаний президиумов и коллегий советов народных судей, губернских судов и коллегий правозащитников, протоколы заседаний различных комиссий, например созданной в 1924 году междуведомственной комиссии по изучению должностных преступлений. Эти документы были исследованы в фондах ГАКО Р–160 «Курский губернский совет народных судей. 1917–1922», Р–166 «Курский губернский суд. 1922–1928», Р–1721 «Прокуратура Курского округа. 1928–1930», фонд ГАОО Р–473 «Орловский окружной суд. 1928–1930», фонды ГАТО Р–524 «Тамбовский губернский суд», Р–663 «Тамбовская городская прокуратура».

Документы позволили проанализировать изменение содержания деятельности органов и учреждений юстиции в рамках исследуемого периода, характер складывавшихся в повседневной трудовой деятельности взаимоотношений судей, прокуроров, правозащитников, а также способы и

характер взаимодействий органов и учреждений юстиции с другими государственными и партийными структурами.

Третья группа архивных документов – письма рядовых граждан, обращенные к различным органам и учреждениям, лишь последнее время стала объектом пристального внимания историков. Наибольший объем подобных источников сосредоточен в фондах местных исполкомов и контрольно-ревизионных органов, таких как фонды ГАВО Р–661 «Воронежская губернская контрольная комиссия и рабоче-крестьянская инспекция. (ГУБКК–РКИ) 1919–1931», ГАКО Р–323 «Курский отдел управления губернского исполкома совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. 1918–1923», Р–325 «Курский губернский исполнительный комитет совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. 1918», ГАОПИКО П–121 «Курская РКК–РКИ».

Работа с этим видом источников применительно к исследуемому периоду затрудняется тем, что требуется выяснить, в какой степени мы имеем дело с искренним мнением людей. Ценность «писем во власть» определяется тем, что они в большей степени позволяют понять то, что происходило, чем то, как это происходило. Письма обывателей отражают реальность исследуемой эпохи, являются личностными документами и позволяют анализировать проблему отношения личности к социальной системе и её составляющим, в том числе и к системе юстиции.

Таким образом, всесторонний анализ опубликованных источников и архивных материалов позволил комплексно исследовать деятельность местных органов и учреждений юстиции по обеспечению социальной стратегии в социально-политической повседневности первых десятилетий советской власти.

Выводы по Главе 1.

Отечественная историография представлена широким кругом исследований, однако, большинство из них посвящены проблемам институционального развития государственных органов и учреждений, в том числе, органов и учреждений юстиции. В полной мере проанализирован процесс их становления, динамика ведомственной структуры и функций различных институтов, однако, роль органов юстиции в осуществлении стратегических государственных целей исследована фрагментарно, имеются работы, посвященные отдельным аспектам деятельности различных учреждений: судов, следственных отделов, прокуратур, нотариата. Частично имеющиеся пробелы восполняют диссертационные исследования, в том числе, и на региональном материале. В наименьшей степени анализу подверглись проблемы, связанные с результатами воздействия работы учреждений юстиции на повседневную жизнь людей и отношение их сотрудников к своей работе.

В большей степени эти вопросы нашли отражение в трудах зарубежных исследователей, однако, в целом, им не удалось преодолеть западный, либеральный подход к оценке практической деятельности людей, их взглядов и жизненных представлений. Этот подход препятствует и глубокому осмыслению степени воздействия революционных процессов на рядового обывателя.

Анализ источниковой базы показывает, что все виды источников содержат два вида информации: объективную достоверную информацию, заключенную в официальных нормативных актах, ведомственных циркулярах и письмах местных и центральных органов и должностных лиц, и субъективную, личностную информацию, характерную для жалоб рядовых граждан властям, частных писем, анонимных газетных заметок, источников мемуарного характера.

Характер предпринятого исследования предопределяет первостепенную важность именно личностной информации. Субъективизм, являющийся несомненным недостатком, преодолевается за счет значительного объема привлеченных для исследования источников и их разнообразия, что позволяет сопоставить информацию, проанализировать и получить достоверные выводы.

Глава 2. Повседневность социалистического строительства 1920–1930-х гг.

Хронологические рамки исследования охватывают период невиданных ранее социальных катаклизмов, которые не могли не воздействовать на привычную окружающую обстановку и ежедневное поведение людей. Социально-политические изменения диктовали новые правила, и люди, учитывая характер происходивших в России событий, просто не могли этим правилам не подчиниться.

Рассмотрение советской повседневности 1920–1930-х гг. только как социально-экономической реалии не позволяет осознать всей полноты данного явления¹⁰⁰.

Экстремальные политические условия, сложившиеся после революции, усиливали воздействие на людей разнообразных социально-политических структур и процессов. Эти условия и составляли ту реальность, которая происходила «здесь и сейчас» и не могла не формировать субъективного отношения современника к происходящему. Очевидно, что в послереволюционной России она создавалась преимущественно в результате действия политических сил. Поэтому представляется наиболее целесообразным рассмотрение советской повседневности 1920–30-х годов как совокупного результата деятельности политических институтов, целью которых являлась реализация задач, диктуемых историческими условиями, и порождаемых этими действиями восприятий и реакций людей.

---

¹⁰⁰ См. об этом подробнее: Крыжан А.В. Социально-политическая повседневность в Советской России в 20-е гг. XX в. // Ученые записки Орловского государственного университета. Гуманитарно-социальные науки. № 6(44). 2011. С. 74–77.

2.1. Гражданское сознание в Советской России в первые послереволюционные годы

Любые исторические процессы обусловлены взаимодействием общества, государства и личности. Это взаимодействие порождает разноплановые социальные коммуникации, которые постоянно меняют свой характер. Причиной этого является то, что все три субъекта социального взаимодействия изменчивы, а их трансформация взаимообусловлена. Особенно очевидным это становится в периоды так называемых переломных эпох.

В отличие от философии или социологии, которые связывают переломные эпохи с понятием социального хаоса или социального конфликта, история чаще всего оценивает их как время, которое в буквальном смысле «опасно для жизни», поскольку приводит к радикальному обновлению социальных практик, регулирование которых связано как с непредвиденными, так и с намеренными жертвами.

Человек всегда существует в неких внешних условиях, которые задает ему общество. Эти условия существуют длительно, поэтому и отношения и ситуации, порождаемые ими, имеют тенденцию к воспроизводству и повторению. Рано или поздно поведение человека в повторяющихся условиях становится привычным и принимает характер обыденного, вне зависимости от характера социальных обстоятельств, которые его породили.

Угрожающие жизни экстремальные социально-политические условия первоначально вызывают протест со стороны индивида или группы, и если совокупная энергия протестных практик достаточно велика, она может погасить или значительно ослабить экстремизм. Однако, зачастую, складывается обратная ситуация, радикальные изменения настолько сильны, что для какого-либо конструктивного их разрешения

требуется длительное время. В этом случае наряду с протестными практиками формируются практики выживания, которые начинают преобладать, поскольку более продуктивно решают задачу выживания.

Первые послереволюционные десятилетия в России стали периодом длительных и глубоких социально-политических изменений. Для отдельной человеческой жизни этот период был достаточно длительным, и, несомненно, должен был породить привычные формы поведения. Вместе с тем, его общей характеристикой является нестабильность социальных условий, которая на первый взгляд, исключает само понятие «повседневного».

Однако не всякая нестабильность непосредственно затрагивает интересы людей. Постоянная «война всех против всех» в здоровом обществе не возможна. Перемены начинают непосредственно влиять на жизнь людей тогда, когда начинают вызывать субъективные реакции, когда частные интересы входят в противоречие с общественными интересами.

Вопрос о субъективных реакциях обычных граждан на советскую политическую систему не может иметь однозначного ответа в силу своей сложности. Большевики разработали и претворяли в жизнь принципиально новые социальные стратегии, которые в комплексе никогда не использовались ранее в мировой практике. Важным для исследования обстоятельством является то, что Советы, возникшие как форма спонтанной самоорганизации революционных масс, получили статус государственных органов. Это не могло не привести к изменению отношения этих масс к новому государству.

Вопрос о сущности советского строя дискутируется давно, вектор этой дискуссии был определен еще в 30-е годы русскими мыслителями,

оказавшимися в эмиграции¹⁰¹. Они обсуждали степень трансформации советского строя, начавшейся сразу после прихода большевиков к власти и усиливавшейся по мере столкновения с формируемой ими социально-политической реальностью.

Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что рядовые обыватели не могли оценить, насколько глубока была разница между ленинскими идеями и реальными практиками 1920–1930-х годов. Прежде всего, потому, что они разрабатывали собственные практики приспособления к происходившим изменениям, которые позволили бы им выжить и приспособиться к окружающей обстановке. Однако советы, провозглашенные основными источниками власти, действительно создавали иллюзию её доступности и максимальной приближенности к массам, что импонировало огромному количеству людей.

В большей мере это относилось к низовому уровню: в сельских и уездных советах любой мог иметь либо родственника, либо знакомого или односельчанина. В силу отсутствия времени и навыка анализа социальной действительности миллионы советских граждан не могли осознать, что Советы превратились в удобный для партийной верхушки механизм. На местах они воспринимались как народная власть в буквальном смысле слова. Доказательством этого может служить следующий эпизод.

В апреле 1920 года председатель Курского губисполкома на одной из конференций сообщил о наличии хищений в коммуне «Рай», созданной в деревне Букреево-Кизилово Муравлевской волости Курского уезда. После этого заявления коммунары обратились с письмом в губернский отдел управления, в котором заявили, что данные сведения исходят от крестьян, «которые не хотят не только коммуны, но и Советской власти, а лица,

---

¹⁰¹ Бондарева Е.А. Религиозная мысль русского зарубежья об исторических судьбах России // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 53–64; Земцов Б.Н. Конституционные основы большевистской власти (первая советская Конституция 1918 г.) // Отечественная история. 2006. № 5. С. 68–69; Искендеров А.А. Первые шаги Советской власти // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 73–98; Павлова И.В. Власть и общество в СССР в 30-е гг. // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 46–56.

которые делали расследование, эти люди по нашему глубокому убеждению тоже не проверенные партией, которых необходимо профильтровать...».

Судя по стилистике, письмо написано малограмотными бедняками: «мы же люди труда земли – первыми шагнули на строительство новой жизни, мы люди не из кулачества, а люди пролетариат деревенский, если мы что и делали по сбору хлеба, инвентаря или же разграбленного это мы делали законно... Мы коммунары коммуны «Рай» в срочном порядке самым настоятельнейшим образом просим губисполком выслать комиссию, носящую деловой характер, из людей положительных и безпрестных [*возможно: беспристрастных? – курсив мой. А.К.*] в ту или другую сторону в числе 3-х человек представителей губземотдела и представителей уземотдела»¹⁰².

Здесь уместно отметить, что малограмотные люди всегда проявляют подобострастное отношение к власти. Однако в данном случае, они винят не саму власть, а конкретных людей, которых считают «не проверенными», случайными и просят губисполком прислать других. Если бы у крестьян были негативные настроения по отношению к власти, они вряд ли дали бы своей коммуне указанное название.

Еще один пример. В ноябре 1920 года начальник уездной милиции Макаров арестовал заведующего отделом утилизации И. Гапонцева по причине трудового дезертирства. В письме в Курский губернский отдел управления Гапонцев объяснил, что службу он оставил не самовольно, а по причине перевода в губисполком, о чем был уведомлен председатель губисполкома Емельянов. Гапонцев мотивировал действия Макарова абсолютно субъективными причинами – качествами характера. «На меня лично, – пишет он, – тов. Макаров произвел впечатление человека нервного, очень горячего, не умеющего собой владеть, отсюда ясный

¹⁰² ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 29. Л. 64.

вывод, что он может невольно вызвать своими действиями противоположные результаты. Пост начальника милиции очень серьезный, действия начальника должны быть осмотрительными, вообще, по-моему, надо так действовать, чтобы уменьшилось врагов, но не стараться их увеличивать своими поступками дискредитирующими все и всех»¹⁰³.

В обоих примерах обращает на себя внимание тот факт, что жалобщики предъявляют претензии не к власти как таковой, а к конкретным лицам во власти находящимся, при этом не только не отождествляя, но резко противопоставляя их. Злоупотребления объясняются не теми возможностями, которые власть создала и допускает, а личностными амбициями, либо стремлением сознательно навредить народной власти, проявляемым прямыми врагами, несознательными, или так называемыми «бывшими», пробравшимися во властные органы.

Однако, как отмечалось выше, в отношениях с властью нередко подлинные эмоции скрываются за казенными фразами, хотя бы в силу того, что обращение во властные органы есть способ удовлетворения личных интересов. Обратимся к письмам частного характера и приведем выдержки из сводки «О настроении и состоянии Красного Тыла», составленной Курским военно-цензурным отделением по телеграммам и письмам граждан в ноябре 1919 – январе 1920 годов: «В Германии сильное революционное движение, кровавые столкновения во всех городах. Большевизм вероятно скоро победит. Я очень рад, да все наши в восторге». В другом письме читаем: «В Курске до сих пор не наладится. Чувствуется во всем расхлябанность, несмотря на все благоприятные для строительства новой жизни условия. Замечается значительный сдвиг в настроении масс в сторону большевизма и будет жаль, если это обстоятельство не будет учтено и использовано...». В следующем – «Никак не можем очухаться от большевиков, дороговизна, хотя и не такая, как была при них, но все же

---

¹⁰³ ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 29. Л. 358.

нашего жалования слишком мало, чтобы жить мало-мальски порядочно в ужасном воспоминании в последние дни большевизма...». И еще одно: «Вспомни ты то, как ты раньше работала, ведь подумай, за 20 коп. в день, а я работал за 3–5 руб. в месяц, за эти ничтожные гроши с нас тянули последнюю силу, в поте мы добывали несчастные гроши для существования и продления нашей несчастной жизни.... Но Советская Власть – Власть Рабочих и Крестьян – она идет вовсе наоборот, она скоро добивается к просвещению и образования рабочего и крестьянина, из которых многие не понимают в чем тут суть дела»¹⁰⁴.

Как свидетельствуют приведенные отрывки, в сводку цензурного комитета попали письма, содержавшие не только положительную, но и умеренную и даже отрицательную оценку происходящего. Это можно считать своеобразным свидетельством: в 1920 году даже явные противники большевизма если и предполагали возможность перлюстрации частных писем, то явно не ожидали никаких карательных действий со стороны властей и высказывались в своей корреспонденции достаточно открыто. То есть, не приветствуя большевизм, они все же воспринимали новую власть как некий порядок, основанный на формальных, устоявшихся действиях.

Специфика отношения личности к власти в переломные революционные эпохи не только в том, что революция меняет способ формирования власти. В октябре 1917 года в России появились выборные властные органы, но сама выборность, конечно, не стала чем-то новым. Как бы пассивным не было политическое поведение человека, революция заставила его почувствовать себя частью единого механизма управляемого и направляемого властью, идентифицировать себя в формируемых ею новых социально-политических условиях. Это произошло потому, что

---

¹⁰⁴ ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1, Д. 25. Л. 47–48.

реальность подсказывала, что если он не оставит привычные способы поведения, то он не только не сможет воспользоваться предлагаемыми новыми условиями возможностями, но и выжить. Характер проблем, с которыми человек сталкивался ежедневно, менялся, зачастую настолько радикально, что они заставляли применять жизненные практики, которые раньше были неприемлемы. Это имело как положительную сторону, так как позволяло активизировать такие возможности, которых человек в себе мог и не подозревать, так и отрицательную: принуждало совершать действия, шедшие в разрез с системой ценностей.

Нами классифицированы три группы граждан, живших в период революции и последующих изменений¹⁰⁵.

Во-первых, это группа лиц, которые принципиально не приняли итоги революции. Любые, даже позитивные изменения, производимые новой властью, они воспринимали как разрушение «правильной», стабильной системы. Им сложно было признать тот факт, что эта система была дестабилизирована и уже длительное время не была конструктивной, революция по сути, являлась её следствием. Те, кто признавали этот факт, помимо возмущения новой властью испытывали разочарование. Основная масса этих людей готова была с оружием в руках отвоевывать утраченные ценности, другие – выражали свое несогласие с новым строем пассивным сопротивлением. Среди этой группы преобладали протестные практики поведения.

Вторую четко выраженную группу составляли столь же убежденные сторонники революции. Ее составляли те, кто непосредственно участвовали в революционном движении, защитили новую власть в годы гражданской войны. На их мироощущение сильно влияла присущая тому времени революционная романтика. Любые действия новой власти они

---

¹⁰⁵ См. об этом подробнее: Крыжан А.В. Отношение провинциального обывателя к советской власти в первые постреволюционные годы (на материалах Курской губернии) // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Выпуск 2. 2012. С. 153–154.

готовы были принять безоговорочно как нужные, правильные и справедливые, их самопожертвование и готовность к лишениям были обусловлены верой в безусловные преимущества советского строя. Работа в органах новой власти, практическая и идейная поддержка их действий воспринималась такими людьми не с точки зрения карьерного роста, а являлась следствием личной убежденности. Тем не менее, эти люди не могли остаться вне жизненных реалий – голода, бытовой неустроенности, разрухи. Они вынуждали их прибегать к практикам выживания и адаптации.

В совокупности обе группы находились в меньшинстве по сравнению с третьей, которая состояла из людей, пытавшихся в экстремальных условиях сохранить и наладить свою жизнь и жизнь своих близких. Оценка этой группы как срединной, находящейся между противниками и сторонниками власти представляется неверной. Они реализовывали собственные жизненные стратегии, которые были связаны с выживанием и защитой частных интересов в новых условиях. Если представители первых двух групп решали четко сформулированные для себя задачи, то представители третьей группы вынуждены были действовать в условиях постоянного изменения задач, поскольку не имели четких ориентиров, кроме цели выжить. Именно они создавали практики социальной адаптации, которые порождали неординарные ситуации.

Примером могут служить события, произошедшие в небольшой деревне Курской губернии, описанные в прошении в Курский губернский трибунал секретаря деревенского комбеда Гаврилы Ивановича Коровина. В октябре 1918 года у местных хозяев братьев Красниковых комбедом был реквизирован по твердой цене мед. Интересно, что поводом для изъятия стал «обед, состоящий на митинге Престольного праздника Покрова Пресвятой Богородицы, на котором были ораторы и взвод Красной Армии». Факт проведения митинга красноармейцев в честь

первопрестольного праздника и изъятие по этому поводу меда у кулаков иллюстрирует сознание людей послереволюционной эпохи. Часть меда была использована для обеда, а остальная была роздана жителям деревни за неимением сахара. Братья Красниковы пожаловались начальнику 3-го участка Курской милиции Ишутину. Между милиционером и председателем комбеда произошел конфликт. Через несколько дней Ишутин попытался арестовать Коровина за оскорбление, но за односельчанина вступился сельский сход. Тогда Ишутин передал дело в народный суд 6-го участка, который осудил Коровина на два месяца за неуважение к личности начальника милиции. Коровин посчитал наказание несправедливым и объяснил его тем, что «в суде заседателем был кулак, имеющий сто десятин земли Деамид Стрекалов, закаленный монархист и эксплуататор чужого труда. Председателем же суда – бывший председатель Муравлевского волостного суда при царизме, Лежнев. Секретарем же бывший приставский письмовод и так же пристрашный грабитель, Стрекалов». Коровин обратился в Губревтрибунал с просьбой «вызвать моих свидетелей граждан этой же деревни ... как честных коммунистов большевиков, допросить их, перерассмотреть мое дело как незаконно осужденное судом 6-го участка, так как я ни в чем не виновен»¹⁰⁶.

Рассмотрим ещё один пример. В июне 1927 года в Курский губисполком поступило письмо, подписанное вымышленной фамилией Долгомолчанов. В нем сообщалось, что в селе Рышково Льговского уезда Жмаевской волости секретарем сельсовета был назначен Щукин Тихон Матвеевич, осужденный за взятки, который вышел из тюрьмы и опять посажен на «теплое местечко», снова берет взятки, снижает за взятки налоги, снизил налог «всем молоденьким девушкам»¹⁰⁷.

---

¹⁰⁶ ГАКО. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 47. Л. 49-50.

¹⁰⁷ ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 1587. Л. 303.

Наконец, вспомним крестьян, работавших в коммуне «Рай». Они были убеждены, что обвинение в наличии хищений в их коммуне были ложными, поскольку «коллегия уземотдела ... не стояла на должной высоте, ибо там люди, которые в прошлом году на Съезде Советов были явными контрреволюционерами, выступали против всех заданий Советской власти, а теперь члены коллегии земотдела...»¹⁰⁸.

Предпринятый нами анализ частных ситуаций, произошедших в небольших селах Курской губернии, приводит к выводу: множество людей, ранее лишенных привилегий, стали пользоваться властью для удовлетворения личных интересов.

Власть с самого начала пыталась бороться со злоупотреблениями. В июле 1920 года Курский Губернский ревтрибунал приговорил к расстрелу начальника губрозыска А.А. Штамма, а его помощников Змиева, Карцева и Александрова¹⁰⁹ – к 20-ти годам тюрьмы за преступления по должности, взяточничество и вымогательство. Выступавший гособвинителем по этому делу председатель губисполкома Емельянов обратился с кассационной жалобой во ВЦИК, в которой требовал применить расстрел ко всем участникам дела, мотивируя это тем, что «в самом городе Курске, как и в губернии, процветают должностные преступления, бандитизм и прочие разлагающие нормальную жизнь явления, а также учитывая необходимость срочной и суровой расправы со всеми лицами, так или иначе подрывающими существо советской власти.»¹¹⁰. В середине 20-х годов злоупотребления местных властей стали едва ли не главной проблемой, однако, попытки бороться с ними не имели положительного результата, поскольку искушение воспользоваться возможностями, предоставленными новой властью, были сильнее страха наказания.

---

¹⁰⁸ ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 29. Л. 64.

¹⁰⁹ Архивные документы не позволяют установить инициалы указанных лиц.

¹¹⁰ ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 25. Л. 283.

Достаточно точно это явление охарактеризовал А.Н. Сахаров: «Когда малокультурные, обездоленные люди поняли, что они могут не только встать вровень с имущими, с вчерашним «баринном», но и подняться выше него в социальной иерархии, завладеть безнаказанно его домом, имуществом, средствами производства (коллективно или индивидуально), – когда до них дошел этот сокровенный смысл революции, она стала многомиллионным социальным взрывом, который и оказался на десятилетия самым важным, реальным результатом Октябрьского переворота»¹¹¹.

По нашему мнению, своеобразие властной модели, созданной большевиками, заключается в том, что она действительно открыла доступ к властным структурам множеству людей, которые ранее были лишены социальных привилегий. У этих людей это вызывало оптимизм и энтузиазм, поскольку они были не в состоянии оценить, что нахождение во властных органах еще не означает возможность осуществления власти как таковой, но, безусловно, означает лояльность по отношению к ней.

Известный французский историк Н. Верт считает, что новой советской власти удалось создать «новый тип «сверхгосударства», одновременно примитивного и жестокого», а одним из столпов политики государственного строительства большевиков являлись «огромные возможности интеграции и продвижения всех тех, кто готов был к ним присоединиться»¹¹².

В послереволюционные десятилетия перед российским обывателем возникла альтернатива: либо государство, которое открывало доступ к такому искушению как власть, либо разрушение, войны, и в конечном итоге, смерть. Для Н. Бердяева или Л. Троцкого широкий доступ народа к властным органам разных уровней и вся большевистская демократия были

---

¹¹¹ Сахаров А.Н. 1930: год «коренного перелома» и начала Большого террора // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 41.

¹¹² Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010. С. 21, 47.

иллюзией и популистским лозунгом, для обывателя – нет. Он видел, что новая власть позволяла решить собственные частные нужды. Рабочим и крестьянам, несомненно, льстило, что на государственных должностях разного уровня оказались выходцы из их среды. Низкий образовательный и культурный уровень большинства власть имущих, особенно на местах, еще в большей степени приближал их к населению, которое понимало и принимало то обстоятельство, что от данной власти не следует ждать выдающихся деяний.

2.2. Взаимоотношения обывателя и власти в послереволюционный период

Для преодоления кризисных ситуаций, как правило, производятся социально-политические действия в виде реформ, создания новых властных и управляющих структур, провозглашения идеологических доктрин, позволяющие вписать вновь возникшие элементы в политическую структуру, разрешить конфликты. Однако исторический анализ подобных действий показывает, что достигнутый результат далеко не всегда соответствует цели. В чем причина?

История знает немало примеров непродуманных, сиюминутных действий, производимых с сознанием абсолютной правоты и бескорыстного стремления избавить общество от каких-либо проблем. Например, большинство пролеткультовских идей были спонтанной реакцией не слишком образованных и малокультурных людей на вихрь революционных событий, в подлинной сущности которых они просто не могли разобраться.

Как правило, проводимые реформы предусматривают не только конкретную цель, но и четко продуманный, а порой и просчитанный или смоделированный механизм осуществления, кроме того существуют

множество технологий реформирования, разработанные авторитетными учеными и научными учреждениями. Но именно сегодня как нельзя более очевидно – антикризисные меры как экономического, так и социально-политического характера, успешно осуществленные в одной стране, часто совершенно не работают в другой. Грамотный механизм изменений не гарантирует успеха преобразования реальной социальной системы.

Обыватель и власть сосуществуют всегда, однако, в ходе таких социально-политических катаклизмов, как революция или гражданская война, в этом тандеме происходят изменения – в процессе революционных изменений обыватель до времени остается прежним, а власть кардинальным образом меняется. Проанализируем позиции обеих сторон.

Власть всегда решает множество задач: регулирование экономических отношений, формирование эффективного аппарата управления, и самую сложную – создание эффективных моделей социальных коммуникаций и повышение лояльности общества. Последнее становится особенно актуально в так называемый переходный период, когда состояние «войны всех против всех» заканчивается и возникает необходимость в сохранении того, что уцелело.

На повседневную жизнь людей преимущественно влияет местная, а не центральная власть, и послеоктябрьские десятилетия в полной мере это подтвердили. Более того, самостоятельность местных советов усиливала это обстоятельство.

Местная власть делилась на губернскую, уездную, волостную и, наконец, сельскую, и её «качество» и эффективность работы снижались от уровня к уровню. Ведомственный контроль над отделами губисполкомов со стороны профильных наркоматов обеспечивал более высокий уровень губернской власти, по сравнению с уездной, хотя и губернские чиновники не отличались высоким профессионализмом и образованностью, что зачастую приводило к явным ошибкам в управлении. Действия уездных

чиновников могут быть оценены не как ошибки, а как дискредитация власти. Злоупотребления зачастую использовались предприимчивыми гражданами для того, чтобы через обвинения власти в незаконных действиях на фоне всеобщей дезорганизации отстаивать собственные интересы.

Кроме некомпетентности, у местной власти была ещё одна «проблема» – чрезмерная «революционность», стремление во всем воплотить классовый принцип.

Исследуя архивные фонды и региональную периодику, публиковавшую материалы о случаях, происходивших в провинциальной обывательской среде, мы пришли к выводу: в постреволюционную эпоху воздействие власти на повседневную жизнь людей непредсказуемо именно потому, что она действует в большей степени в соответствии с идеей, а не с законом. Вне ориентации на правовые установки власть действует в соответствии со своим «усмотрением». Причем, чем ниже уровень власти, тем дольше сохраняется импульс революционности, поскольку революционная целесообразность всегда удобнее, чем законность.

В феврале 1935 года в газете «Знамя Ленина» опубликовали заметку «Повысить классовую бдительность в школах»¹¹³. На уроке химии в педагогическом техникуме поселка Ливны преподаватель Черемин, объясняя тему «Спирты», привел примеры негативного влияния этилового спирта на организм человека. Студент Клоков, который не раз отличался неподобающим поведением, задал Черемину вопрос: пьет ли он сам? Когда преподаватель ответил, что не пьет, Клоков заявил: «А товарищ Сталин пьет, и весь ЦК пьет!».

---

¹¹³ Повысить классовую бдительность в школах // Знамя Ленина. 1935. 10 февраля.

Черемин доложил о произошедшем на уроке инциденте директору техникума Калашникову. За хулиганский поступок Клоков был исключен из техникума.

История получила широкий общественный резонанс. По инициативе местного райкома партии последовало множество «оргвыводов» и соответствующих мер: увольнение со строгим выговором директора техникума и преподавателя химии, отчисление из техникума лидеров студенческой комсомольской и профсоюзной организаций и роспуск самих организаций, выговор преподавателю общественных наук. Преподаватели, которых не коснулись репрессивные меры, сами начали увольняться.

Райком партии отдал распоряжение о проведении в школах бесед, целью которых было осуждение поступка Клокова. Однако такая форма работы вызвала противоположный эффект. Беседы предполагали ответную реакцию, дети задавали неудобные вопросы по поводу «щекотливой» темы. Одна из школьниц по фамилии Лебедева заявила, что Клокова нужно перевоспитывать, за что её отчислили из школы¹¹⁴.

По инициативе райкома партии история с поступком Клокова вышла за пределы сферы образования: ей была посвящена передача на радио, районные комсомольские активисты обсуждали её на колхозных собраниях. В конечном итоге, была образована областная комиссия, включавшая и работников областной прокуратуры. Вмешательство областных структур позволило юридизировать конфликт: директор и преподаватели техникума были восстановлены на работе, отчисленные учащиеся получили возможность продолжить обучение. Наказан был только непосредственный виновник – сам Клоков, который на пять лет был лишен права восстановления.

---

¹¹⁴ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 289. Л. 43-44.

Наряду с непосредственными участниками истории, произошедшей в Ливнах, пострадали люди, которые не имели к ней непосредственного отношения. Отчисленные из техникума студенты только общались с Клоковым как с соучеником, отчисленная школьница не была с ним знакома, учитель химии вряд ли ожидал, что тематика его предмета может спровоцировать конфликт. Другими словами, обыватель был бессилён предположить, в какой момент и по какому поводу он будет обвинен в антиправительственных действиях и подвергнется репрессиям в той или иной форме.

Проанализируем позиции второй стороны – рядового гражданина – современника переходной эпохи. Революция и гражданская война могут полностью разрушить привычный уклад жизни, однако, это происходит далеко не со всеми. Прежде всего, эти социальные явления не повсеместны и с исторической точки зрения весьма кратковременны. Более того, потеряв все, люди охотнее возвращаются к знакомым занятиям, если особые обстоятельства не вынуждают их к иному. То есть, в переходный период строительства новой жизни быстро возникают новые социальные практики, целью которых является выживание. Однако люди вынуждены постоянно менять способы поведения, поскольку меняются действия власти.

В статье «Конфликт губернского масштаба: как курский губернский отдел юстиции не выполнил распоряжение Наркомюста. 1922–1924» нами исследованы события, которые на частном примере иллюстрируют своеобразную социальную интерференцию, в ходе которой сталкиваются и трансформируются устремления власти с одной стороны и адаптивные практики граждан с другой¹¹⁵.

---

¹¹⁵ Крыжан А.В. Конфликт губернского масштаба: как курский губернский отдел юстиции не выполнил распоряжение Наркомюста. 1922-1924 // Новый исторический вестник. № 4(30). 2011. С. 55–63.

Ситуация разворачивалась вокруг усадьбы Хорошиловых в Щигровском уезде Курской губернии. В октябре 1922 года в усадьбе проживали бывшая хозяйка, её дочь Лидия Николаевна с гражданским мужем И.И. Сергеевым, до революции служившим в поместье приказчиком. Вторая дочь хозяйки – Любовь Николаевна – жила в Москве и работала в Наркомземе¹¹⁶.

Сергеев арендовал в усадьбе сад и на этом основании Хорошиловы пытались снять усадьбу с национализации как трудовую. Решение данного вопроса находилось в компетенции ВЦИК, и, несмотря на отрицательное мнение Щигровского исполкома, ВЦИК ходатайство Хорошиловых удовлетворил.

После того, как в Курске проездом побывал М.И. Калинин, мнение ВЦИК изменилось и новое решение предписывало: «передать означенную усадьбу в распоряжение Щигровского Уземотдела»¹¹⁷. Хорошиловы подлежали выселению, однако, только после реализации ими яблук из арендованного усадебного сада, которые признавались их собственностью. Указание было неактуально, так как пришло в конце июля, когда уездный земком начал самостоятельную реализацию яблук.

Местные власти как уездного, так и губернского масштаба были не удовлетворены решением ВЦИК: Хорошиловы не бедствовали, согласно заверенным документам, у них имелось «2 лошади, 6 коров, овцы и свиньи»¹¹⁸.

В октябре 1922 года в г. Курск приехал уполномоченный ВЦИК Иванов для расследования жалобы Хорошиловых на неисполнение распоряжения ВЦИК о предоставлении им возможности снять урожай сада 1922 года своими силами, а также для того, чтобы прояснить сведения о выполнении местными властями поручений Президиума ВЦИК и

---

¹¹⁶ ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 169. Л. 79.

¹¹⁷ Там же. Л. 9.

¹¹⁸ Там же. Л. 73.

Наркомюста. Иванов привез с собой письма работавшей в Наркомземе Любови Хорошиловой к члену Президиума ВЦИК Смидовичу, в которых она называла работников Щигровского и Курского исполкомов «озверевшими от самогона» людьми, «пагубными и невежественными», которых терпят потому, что у них когда-нибудь «будут более культурные наследники...»¹¹⁹.

Проанализируем события. М. Вебер определил две характеристики социологии действия: осмысленность и направленность на другого, придавая наибольшую степень осмысленности целерациональных действий¹²⁰. Каковы были цели действующих лиц? Что касается Хорошиловых, то их жизни ничто не угрожало, они стремились улучшить своё положение, используя возможности, которые открылись с переходом к НЭПу. Избранные для достижения цели средства были обычной для исследуемого периода практикой выживания – демагогия по поводу своей трудовой деятельности и связи работавшего в Наркомземе члена семьи.

Предпринятые Хорошиловыми действия привели к конфликту между центральными и местными органами власти. Любой конфликт представляет собой несоответствие между ожиданиями субъекта и фактически сложившейся ситуацией. Уездные и губернские власти оценивали ситуацию с классовых позиций – Хорошиловы были помещиками и поддержка их действий, а тем более, защита их интересов с точки зрения местных советских и партийных работников не имела никакого оправдания. Местные власти были шокированы решением ВЦИК, поддержанным Наркомюстом.

Проанализируем позицию центральной власти. Для ВЦИК это был один из многих вопросов, обычных для его полномочий, решение по которому было принято формально на основании представленных

---

¹¹⁹ Там же. Л. 82.

¹²⁰ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 628.

Хорошиловыми документов. Не случайно, при беглом знакомстве Калинина с ситуацией, оно было изменено. Важны два факта.

Первое: московские чиновники научились использовать возможности бюрократического аппарата в личных целях. Любовь Хорошилова была знакома со Смидовичем – членом Президиума ВЦИК. Его дальнейшее участие в развитии ситуации в Щигровском уезде (телеграмма с требованием прекратить притеснения Хорошиловых) позволяет предположить, что он способствовал положительному решению ВЦИК о денационализации усадьбы. Данная ситуация не являлась исключением. Княгиня И.Д. Голицина (урожденная Татищева) вспоминала, что в 1923 году они пытались «найти какой-нибудь способ покинуть Россию. В то время очень могущественным человеком был Енукидзе¹²¹, друг Сталина, который неплохо относился к людям в нашем положении, особенно к титулованным; это он помог уехать Лорис-Меликовым»¹²².

Второе. В Щигровском конфликте ВЦИК поддержал не бывших помещиков Хорошиловых, а арендатора Сергеева, чья предприимчивость более соответствовала моменту, чем революционность уездных властей. Кроме того, местную власть возмущали не претензии Сергеева как арендатора, а его прошлое в качестве приказчика и связь с семьей бывших помещиков. В данном случае, мы имеем дело с ситуацией, когда ВЦИК поддержал будущего нэпмана, который вел образ жизни, возмущавший трудящихся. То есть, приняв формальное решение, не вникая в детали ситуации, ВЦИК действовал тенденциозно.

Тяжба между отдельной семьей и уездным земотделом активизировала всю вертикаль власти: уездный исполком – губисполком –

¹²¹ Енукидзе А.С. в 1917–1918 гг. – заведующий военным отделом и член Президиума ВЦИК РСФСР, в 1922 – 1935 гг. – секретарь ВЦИК СССР, с 1924 г. – член ЦК ВКП(б), в 1927 – 1934 гг. – член Президиума ЦКК.

¹²² Голицына И.Д. Воспоминания о России (1900–1932). М. 2009. С. 103.

ВЦИК и Наркомюст. Социальная адаптация конкретной семьи к условиям формируемой реальности не просто оказала влияние на действия власти, но вызвала конфликт между её верхними и нижними этажами, заставила менять принятые решения.

Приведем еще один пример, подтверждающий, что реальные социальные практики принуждали власть к конкретным действиям. Как известно, с 1922 по 1930 годы Информационный отдел ОГПУ выпускал ежемесячный «Обзор политического и экономического положения республики» (с 1923 года – СССР).

В феврале 1931 года из Информотдела ОГПУ в Политбюро ЦК поступила докладная записка, которая свидетельствовала о ничтожном масштабе использования труда раскулаченных на лесозаготовках в Северном крае и их колоссальной смертности вследствие плохого содержания¹²³. Положение раскулаченных было не просто плохим, а ужасающим, прежде всего потому, что, вопросы их содержания были нормативно не урегулированы.

Характерно, что именно ОГПУ обратило внимание на незначительный экономический эффект от использования многочисленной и бесплатной рабочей силы, «пыталось изложить свой взгляд на политику раскулачивания и предлагало существенные коррективы в масштабы, сроки и условия её практического осуществления»¹²⁴.

Информационный отдел ОГПУ в мае 1931 года был ликвидирован и многие его документы исчезли, однако можно не сомневаться, что реалистичная информация о ситуации в специальных поселениях вызвала разработку и принятие в октябре 1931 года Временного положения о правах и обязанностях спецпереселенцев. Появление этого документа

¹²³ См. об этом подробнее: Данилов В.П. Необычный эпизод во взаимоотношениях ОГПУ и Политбюро (1931 г) // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 117–128.

¹²⁴ Данилов В.П. Необычный эпизод во взаимоотношениях ОГПУ и Политбюро (1931 г) // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 121.

возымело положительный эффект. Так, например, С.И. Сивцева приводит данные о том, что в Алданском районе Якутии в 1933–1934 гг. были организованы в двух поселениях неуставные сельскохозяйственные артели, которые обеспечивали продовольствием, как рабочих золотодобывающей промышленности, так и самих спецпоселенцев. Производство сельскохозяйственных продуктов находилось под контролем администрации поселков, и развивалось успешно, однако, «эти успехи не гарантировали населению спецпоселков хотя бы относительно благоприятного существования»¹²⁵.

Подведем итоги. Любые изменения в конкретном обществе затрагивают две стороны: власть и обывателя. Их практический результат есть соотношение того, что власть пытается внедрить в жизнь для укрепления своих позиций и того, что обыватель готов принять, максимально удержав привычные более или менее выгодные для себя условия. При этом каждая из сторон видит в другой основное препятствие на пути к цели. В переходные эпохи этот антагонизм между властью и обычными гражданами достигает оптимальной остроты, поскольку ситуацию для индивида обостряет необходимость сохранить собственную жизнь и безопасность, а также жизнь и безопасность близких.

Переломные эпохи истории характеризуются тем, что власть не слишком связана правовыми предписаниями, поскольку они только создаются. В постреволюционной России, вследствие отсутствия либеральных традиций и ценностей, большевистская власть создавала правовые нормы, удобные для себя, а не для личности. В силу этого, степень вмешательства и контроля за повседневной жизнью людей была гораздо больше, чем в других странах.

Однако, несмотря на силу властного аппарата и применение

---

¹²⁵ Сивцева С.И. Спецпоселенцы в Якутии в 1930–1950-х годах // Отечественная история. 2007. № 6. С. 108.

репрессивных методов, его изначальные намерения могли трансформироваться под воздействием инерции человеческого быта. Кроме того, действия власти зачастую порождали непредвиденные тенденции, которые были нежелательны для неё самой.

Поскольку обыватель и власть неразрывно связаны общей средой и обстоятельствами, они не могут не соответствовать друг другу. Большевизм и сталинизм зарождались и развивались на российской почве и были обусловлены конкретными социально-политическими и экономическими реалиями, системой ценностей и представлений людей. Знания, культура и, даже, внешний облик большевистских руководителей разного уровня соответствовали представлениям обывателей о том, какими должны быть люди, стоящие у власти. Это привело к тому, что обыватели во взаимоотношениях с властью быстро выработали поведенческие нормы, тем более что их возможный перечень был узким, вследствие общей примитивности носителей власти. В поведении местного руководства сфокусировались представления миллионов людей о том, как они сами вели бы себя, если бы им дали власть в руки.

То есть действия власти всегда адекватны сознанию людей, безотносительно к тому полезны они для них, вредны или опасны, а это значит, что рано или поздно обыватель научается «пользоваться ситуацией».

2.3. Социально-политическая повседневность 1920 – 1930-х гг.

Социально-политическая повседневность на определенном отрезке истории представляет собой совокупный результат деятельности политических институтов, целью которых является реализация задач, диктуемых историческими условиями. В результате этой деятельности и возникает реальность, в которой существуют граждане.

В России либеральные идеи и демократические традиции не получили широкого распространения и остались уделом интеллектуальной верхушки, тогда как обыватели воспринимали власть с одной стороны, как механизм принуждения и подавления, с другой – как силу, которая может по своему усмотрению как покарать, так и облагодетельствовать. Революционные события 1917 года усилили такое восприятие. Фактически в России это была «...Власть, которая была предпосылкой целого потока исторического развития.... Эту Власть нельзя редуцировать к государственности, как и русское понятие «правда» нередуцируемо к истине»¹²⁶.

Известный русский правовед-эмигрант Н.Н. Алексеев отрицал правотворческую функцию советской власти. По его мнению, государство не создает, а только санкционирует право, отражая в нем национальные представления, свойственные и органичные для данного народа¹²⁷.

Ленин являлся противником системы разделения властей, считая её сугубо буржуазной. Разноуровневые советы рассматривались большевиками как альтернатива этой системе. Советы должны были претворять в жизнь идею народовластия, чему соответствовала их форма. При этом функции местных советов четко не были нормированы.

Первая советская Конституция 1918 года в главе 5 закрепила принадлежность власти всему рабочему населению, объединенному в местных советах¹²⁸. Это спровоцировало восприятие политической ситуации в том смысле, что никакой другой власти, кроме местного совета, можно не признавать. Подобное не могло не импонировать населению, которое, особенно, на уровне сельских советов, имело возможность

---

¹²⁶ Пивоваров Ю.С. Фурсов А.И. О нынешней ситуации и проблемах изучения русской истории (на путях к россиеведению) // Русский исторический журнал. Т. 1. 1998. № 1. С. 62.

¹²⁷ См. об этом подробнее: Право Советской России. Сост. Н.Н. Алексеев, Н.С. Тимашев. Вып. 1. Прага, 1925.

¹²⁸ Конституция РСФСР. Принята на заседании V Всероссийского Съезда Советов 10 июля 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства (далее – СУ РСФСР). 1918. № 51. Ст. 582.

выдвинуть во власть хорошо знакомых людей или родственников. Сама советская система заложила основу для самостоятельности местных советов.

Стремление местных советов к самостоятельному властвованию свидетельствовало о практической реализации декларируемых целей народной революции, но для большевиков эта тенденция была опасна. В условиях крайней нестабильности, ситуация, когда местный совет мог открыто заявить, что «приемлет декреты центральной власти постольку, поскольку они для него приемлемы»¹²⁹, явно угрожала авторитету центра. Нельзя считать, что широкие трудящиеся массы в одночасье прониклись либеральным пониманием государства и идеями демократии. Причина самоуправства местных советов крылась в широкой поддержке их населением. Депутаты сельских и волостных советов ничем не отличались от избравших их обывателей, их действия были предсказуемы и понятны. Злоупотребления, которые они допускали, не были неожиданными, так как совпадали с привычным пониманием власти как источника привилегий.

Существование советов различных уровней повлияло на отношение людей к той политической системе, в которой они жили. В 1939 году была опубликована статья известного немецкого антифашиста О. Рюле, в которой он писал: «Большевистская партия ... не смогла развить настоящую систему Советов за годы гражданской войны, интервенции, экономической разрухи. <...> Когда власть и процесс экономической реконструкции стабилизировались, большевистская партия не знала, как ей увязать эту странную систему Советов с ее собственными решениями и действиями»¹³⁰. Это субъективная оценка. Большевики сумели в короткий

---

¹²⁹ Кабанова Л.В. Система Советов послереволюционных лет и проблема централизации власти // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 4. С. 42.

¹³⁰ Рюле О. Борьба с фашизмом начинается с борьбы против большевизма [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер – Политология. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/Ryle_Borba.php (дата обращения: 04.03.2019).

срок приспособить советскую систему к решению своих политических задач.

Труды и выступления В.И. Ленина до 1917 года говорят о том, что сам вождь считал, что большевики не смогут долго продержаться у власти, если революционные процессы не начнутся в других странах. Это подтверждает и Л.Д. Троцкий в известной статье «Сталинизм и большевизм»: «В моей "Истории русской революции" ... собраны высказывания на этот счет вождей большевизма, за время с 1917 до 1923 года. Все сходятся в одном: без революции на Западе большевизм будет ликвидирован либо внутренней контрреволюцией, либо внешней интервенцией, либо их сочетанием»¹³¹.

В 1918 году сложилась ситуация, которая характеризовалась наличием указанного Троцким сочетания действий внутренней и внешней контрреволюции. В западных странах масштабные революции не произошли. В этих условиях единственной возможностью для большевиков удержаться у власти могла стать поддержка нового режима широкими народными массами. В условиях отсутствия других точек опоры отказываться от популярной идеи осуществления народовластия через советы было нерационально.

Рюле утверждает, что «советское движение усиливалось за счет реального пролетариата, привлекая лучшие элементы рабочего класса»¹³², и в этом с ним можно согласиться. Система разноуровневых советов являлась наглядным воплощением идеи широкого народовластия, создавала иллюзию народного суверенитета, формировала отношение населения к режиму. Однако отсутствие четких функций и

---

¹³¹ Троцкий Л.Д. Сталинизм и большевизм // Бюллетень оппозиции (большевики-ленинцев). 1939. № 58–59 [Электронный ресурс] // Марксистский интернет-архив. Русский раздел. URL: https://www.marxists.org/russkij/trotsky/1937/stalinism_bolshevism/01.htm (дата обращения: 29.01.2019).

¹³² Рюле О. Борьба с фашизмом начинается с борьбы против большевизма [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер – Политология. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/Ryle_Borba.php (дата обращения: 04.03.2019).

регламентации взаимоотношений с вышестоящими советами и органами государственной власти лишало местные советы возможности оказывать действенное влияние на происходившие события.

Демократия в форме разноуровневых советов быстро стала декларируемым лозунгом, и власть начала развиваться исключительно как процесс функционирования государственных институтов без учета интереса тех, кем она управляла. Повседневная трактовка власти как господства сильного, связанная с такими проявлениями как угнетение и подавление, власть, как привилегия и возможность, а не как обязанность и ответственность, отражала национальные представления русского человека и была органична его мировоззрению.

Один из наиболее авторитетных зарубежных исследователей русской революции Ричард Пайпс подчеркивает, что «даже ничего не зная о России, трудно представить себе, что в один прекрасный день 25 октября 1917 г. в результате военного переворота ход тысячелетней истории огромного государства претерпел полную трансформацию... Нужно питать поистине фантастическую веру в сверхъестественную силу декретов, пусть даже насильственно проводимых, чтобы допускать возможность столь радикальных и невиданных ранее перемен в человеческой природе»¹³³.

Новая политическая элита воспринимала политический порядок как форму закрепления своего социального господства. «Россия была умыта властью (а потому – и кровью). Во власть впервые было включено население, популяция, народ, продемонстрировавший невиданную жесткость по отношению к самому себе»¹³⁴. Следовательно, налицо

---

¹³³ Рюле О. Борьба с фашизмом начинается с борьбы против большевизма [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер – Политология. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/Ryle_Borba.php (дата обращения: 04.03.2019).

¹³⁴ Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская Система и реформы // Pro et Contra. Т. 4. 2000. № 4. С. 193.

ситуация, когда действия власти в точности совпадали с представлениями народа о том, что она должна делать.

Чем объяснялось широкое включение населения во власть? Во-первых, в 1930-е годы «общественные процессы в СССР ... невозможно рассматривать вне действия власти. Это была тотальная система государственного крепостничества, которая стала апофеозом худших черт российской цивилизации, в которой её основные системообразующие признаки – власть и степень захвата ею общества были доведены до крайнего выражения, что в реальности означало отсутствие какой-либо свободы выбора»¹³⁵.

Очевидно, что отсутствие свободы выбора порождает протестные формы, содержание которых зависит от масштаба ограничений. Недовольство большевиками, проявляемое в 1920 – 1930-х гг. в виде разрозненных активных или пассивных протестов представителями различных слоев населения, отражено во множестве документов, хорошо известных исторической науке¹³⁶. По нашему мнению, это недовольство не переросло в массовый открытый протест потому, что в исследуемый период насилие и чрезвычайные меры применялись часто и масштабно, наличие врагов стало восприниматься как реальность, а их насильственное уничтожение – как рациональное действие.

Любые экстраординарные формы поведения перестают восприниматься таковыми, если часто повторяются в мало меняющихся формах. Если повторяются события, то повторяются и реакции людей на них. Репрессивные действия власти стали обыденным явлением, как и недовольство ими.

Однако на жизнь людей воздействует не только власть. Немаловажными являются и имущественные вопросы. Экономическая

¹³⁵ Павлова И.В. Власть и общество в СССР в 1930-е гг. // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 51.

¹³⁶ См. об этом подробнее: Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918 – 1932 гг. (I); Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах (II). М., 1998.

политика большевиков в 1920 – 30-е годы развивалась разнонаправлено, это означало и смену имущественных отношений, которая в условиях отсутствия частной собственности могла иметь только политический контекст.

В период гражданской войны перед значительной частью населения встала проблема не только социального, но и физического выживания. Разруха и голод всегда порождают такое явление как спекуляция. Здесь уместно заметить, что «спекуляция» – это экономическое понятие неразрывно связанное с рыночной экономикой и означающее готовность производителя к рискованным действиям, умение прогнозировать запросы потребителя. В исследуемый период имела место ситуация, когда спекуляция не только воспринималась как форма девиантного поведения, но ставилась в один ряд с такими антигосударственными действиями как контрреволюция и саботаж и квалифицировалась как тягчайшее преступление. Для борьбы со спекуляцией создавались специальные органы. Один из них – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией, который действовал вне правового поля, являясь карательным органом партии.

Декретом СНК от 21 октября 1919 г. была образована особая межведомственная комиссия по борьбе со спекуляцией. В её задачи входила выработка мер по проверке личного состава производящих, заготовительных и распределительных учреждений и организаций, назначение ревизий, надзор за проведением в жизнь учета товаров и материалов, закрытие контрагентских контор. Комиссия занималась также надзором за торговлей, принимала меры по пресечению злоупотреблений карточками и устранению перевозки спекулятивных грузов по железной

дороге¹³⁷. Таким образом, власть пыталась не только карать за спекуляцию, но и предотвращать возможность её разрастания.

Масштабы спекуляции были огромны, причем это касалось как экономического, так и социального аспекта. Ранее мы говорили о массовом вхождении во власть широких слоев населения, о спекуляции можно сказать то же самое. В неё были втянуты все социальные слои, часть из них извлекала выгоду для себя, другая – вынуждена была прибегать к услугам спекулянтов, чтобы выжить. Деятельность первых квалифицировалась как тягчайшее преступление, для борьбы с ними и была создана ВЧК. Однако и вторые не были гарантированы от репрессий – вынося на рынок для продажи собственное имущество или выращенный своим трудом урожай, люди неминуемо вступали во взаимодействие с криминальной средой самостийных рынков, и могли быть причислены к уголовным элементам. Те, кто не решался реализовывать свое имущество самостоятельно, вынужден был пользоваться услугами перекупщиков, скупавших все за бесценок. Сами того не желая, эти лица поддерживали существование спекулятивного рынка и становились его субъектами.

Несмотря на всемерную борьбу со спекуляцией, она процветала, вплоть до наступления НЭПа. Большевики не могли справиться со спекуляцией по причине того, что сама система заставляла их бороться с экономическим явлением политическими методами. Не признавая частной собственности, они не могли признать экономической сущности спекуляции. Поскольку люди не имели возможности легально получать достаточного количества жизненно необходимых товаров, они вынуждены были прибегать к нелегальным поставщикам. Ю.В. Братющенко, опираясь на различные источники, приводит сведения о том, что в период «военного коммунизма» спекулянты обеспечивали от половины до 2/3 потребности

---

¹³⁷ РГАСПИ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

городского населения в продовольствии и товарах первой необходимости¹³⁸.

Безуспешность борьбы со спекуляцией имела еще одну причину: масштабы спекуляция, как и масштабы предпринимаемых против спекулянтов репрессий были всеобъемлющими, а альтернативы выживания не было. Поэтому к репрессиям власти нужно было приспособливаться. Наконец, чрезвычайные меры, предпринимаемые ЧК, не шли в разрез с общей диктаторской сущностью нового режима, они быстро начали восприниматься как данность.

С окончанием гражданской войны недовольство «военным коммунизмом» усиливалось, тем более что спекуляция была не единственным его негативным порождением. Эта политика привела к невиданной бюрократизации общества. «В советскую политическую систему включались и мелкие служащие старой России: конторщики, приказчики, делопроизводители, счетоводы и т.д. Они принесли с собой, помимо профессиональных навыков, худшие черты российского чиновничьего аппарата ... – косность, безразличие к человеку, волокиту. В целом политика «военного коммунизма» представляется как комплекс очевидных ошибок как в управлении страной, так и в отношении отдельного человека»¹³⁹.

Новая экономическая политика привела к коренным изменениям, однако не изменила главного – тенденции к решению экономических проблем политическими методами, что снова не могло не породить противоречий. Государство разрешило крестьянам свободную торговлю излишками.

В докладе «О замене разверстки натуральным налогом» В.И. Ленин отмечал: «вопрос о замене разверстки налогом является, прежде всего, и

---

¹³⁸ Братюшенко Ю.В. НЭП: государство, частник, кооперация // Вопросы истории. 2007. № 2. С. 11.

¹³⁹ См. об этом подробнее: Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М. РОСПЭН. 1998.

больше всего вопросом политическим, ибо суть этого вопроса состоит в отношении рабочего класса к крестьянству. Постановка этого вопроса означает, что мы должны отношения этих двух главных классов, борьба между которыми или соглашение между которыми определяют судьбы всей нашей революции, подвергнуть новому или, я бы сказал, пожалуй, более осторожному и правильному дополнительному пересмотру»¹⁴⁰.

Для того чтобы вывозить излишки на рынок, их нужно было создать, что для беднейшего крестьянина было проблемой. Если крестьянин вывозил на рынок излишки, это означало, что он становился зажиточным, а это само по себе усложняло его отношения с властью. Эти отношения подрывались и прямолинейными попытками большевиков усилить связь пролетариата с деревней путем непосредственного участия представителей рабочего класса в организации сельскохозяйственного производства. Ленин писал об этом: «люди, полные самых добрых намерений и желаний, шли в деревню устраивать коммуны, коллективы, не умея хозяйничать, потому что коллективного опыта у них не было. Опыт этих коллективных хозяйств только показывает пример, как не надо хозяйничать: окрестные крестьяне смеются или злобствуют»¹⁴¹.

Архивные документы свидетельствуют о недовольстве крестьян, которое проявилось с первых шагов НЭПа. «В начале, когда крестьянам стало известно, что продразверстка заменяется продналогом, это их до некоторой степени порадовало, но когда начали с них взимать продналог, и в некоторых уездах пришлось предпринимать чуть ли не репрессивные меры, то у них создалось понятие, что продналог мало отличается от продразверстки»¹⁴².

---

¹⁴⁰ Ленин В.И. Доклад о замене разверстки натуральным налогом 15 марта (X съезд РКП(б). 16 – 18 марта 1921 г.) // Полн. собр. соч.(5-е издание). Т. 43. М., 1970. С. 57.

¹⁴¹ Там же. С. 401.

¹⁴² ГАОПИКО. Ф. 65. Оп. 1 Д. 143. Л. 169.

Очевидно, что беднейшие крестьяне не могли обеспечить решения продовольственного вопроса. Экономической основой НЭПа в деревне могли стать середняки. Ленин отмечал: «Как ни трудно наше положение в смысле ресурсов, а задача удовлетворить среднее крестьянство – должна быть разрешена»¹⁴³.

НЭП создал и новую социальную реальность – возможность разбогатеть. Появился новый социальный слой – нэпманы, чье статусное поведение включало не только предпринимательство в области мелкотоварного производства и торговли, но и демонстрацию неприемлемого и недоступного для трудящегося населения образа жизни.

НЭП породил новую волну социальной адаптации. В условиях примата государственного сектора, частным предпринимательством могли заниматься люди, обладающие специфическими способностями и авантюризмом. Успешнее всего это делали лица, с первых лет революции занимавшиеся спекуляцией, избежавшие застенков ЧК, или сумевшие избежать расправы при помощи коррупционных действий¹⁴⁴.

В информационных отчетах ЧК за 1921 год отмечалось: «на рынке имеются всевозможные товары, встречаются также и фабрикаты, которые, надо полагать, на рынок поступают из национализированных отраслей производства, продажа каковых носит мелочный характер торговли, а поэтому и трудно установить их хищение из государственных предприятий»¹⁴⁵.

Небезинтересно, что введение НЭПа породило в партийных рядах дискуссию о том, могут ли коммунисты заниматься частным

---

¹⁴³ Ленин В.И. Доклад о замене разверстки натуральным налогом 15 марта (X съезд РКП(б). 16 – 18 марта 1921 г.) // Полн. собр. соч.(5-е издание). Т. 43. М., 1970. С. 59.

¹⁴⁴ Случаи взяточничества среди работников ЧК были не столь уж редки, они были естественным следствием полной бесконтрольности этой службы. Так, в сентябре 1919 г. в результате оперативных действий, произведенных Курским губернским отделом юстиции совместно с Реввоенсоветом, был арестован и передан суду трибунала заведующий секретным отделом Курского ГубЧК Орлов. В ходе расследования выяснилось, что за взятки спиртными напитками, бриллиантами, в крайнем случае, деньгами» Орлов освобождал из ЧК любых заключенных [ГАРФ. Ф. А–353. Оп. 3. Д. 81. Л. 75].

¹⁴⁵ ГАОПИКО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 143. Л. 167.

предпринимательством. По этому поводу в «Правде» было опубликовано воззвание ЦК РКП(б) ко всем губкомам, в котором отмечалось: «ЦК предлагает всем партийным организациям руководствоваться следующим: 1) во всех частно-хозяйственных организациях, безразлично единоличных или коллективных, примеряющих наемную рабочую силу, участие коммунистов в качестве владельцев предприятия или их арендаторов безусловно недопустимо»¹⁴⁶.

К началу 30-х годов большевики имели опыт управления страной, сложившийся в тяжелейших условиях гражданской войны и интервенции, в ходе экономических и политических преобразований. Народ так же обрел опыт жизни в условиях нового социалистического режима. Казалось бы, настало время для стабилизации, тем более что в годы НЭПа для этого были созданы экономические основания. Однако гармония между государством и обществом не сложилась. Отчасти это произошло потому, что последнее было в значительной степени разочаровано в результатах революции, а отчасти, как считает А.Н. Сахаров, потому что революционная волна была настолько сильна, что под её воздействием и через 13 лет «революционные преобразования распространялись на всё новые области общественной жизни»¹⁴⁷.

Подведем итоги. Повседневное понимается не только как повторяющаяся реальность, но, прежде всего, как проявление субъективных отношений к ней, определяемых степенью свободы личности в обществе. Непризнание большевиками частной собственности исключало не только свободу личности, но и возможность формирования обыденных отношений людей вне политического контекста.

Допущение контролируемой частной собственности в годы НЭПа не привело к возникновению экономической свободы – политические методы

---

¹⁴⁶ ГАОПИКО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 145. Л. 29.

¹⁴⁷ Сахаров А.Н. 1930: год «коренного перелома» и начала Большого террора // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 41.

решения экономических проблем сохранились. Нэпманы не рассматривались как экономические конкуренты государственному производству, они должны были решить задачу экономического оживления, которой придавался политический характер. В этом контексте роль нэпманов аналогична роли местных советов – большевики использовали их для удержания власти и сохранения социального господства.

Для Советской России повседневная реальность была невыносима вне политического содержания, поскольку частная собственность и основанная на ней экономическая свобода считались атрибутом буржуазного строя и были не приемлемы. Личности ничего не оставалось, кроме как выработать практики выживания, которые позволили бы ей приспособиться к существовавшим политическим условиям.

Выводы по Главе 2.

В первые послеоктябрьские десятилетия жизнь людей протекала в условиях, когда события столь быстро сменяли друг друга, что не оставляли времени для осознания их результатов. Самой «повседневной» задачей человека была задача выживания и сохранения принадлежавших ему позиций. Главным препятствием в этом являлась власть.

Представления о том, что действия Советов с первых шагов вызвали негативную реакцию и породили различные формы протеста, представляются упрощенными. Системный анализ источников, прежде всего, архивных документов 1918–1923 гг. подтверждает, что недовольство людей было направлено не на саму систему, а на тех, кто использовал её возможности в собственных корыстных целях. Действия власти критиковались в гораздо меньшей степени, чем действия её конкретных представителей, чье поведение вызывало у населения неприязнь и подвергалось открытому осуждению.

Мотивация принятия новой власти представляется разнообразной. На современника первых послереволюционных лет воздействовали ожидания нового, интерес к происходящим изменениям и порождаемый ими неуверенность и страх, нужда, отчаяние.

С нашей точки зрения ключевыми мотивами можно признать следующие:

1) искренняя вера в будущую счастливую жизнь со стороны революционно-активного населения, которое своим энтузиазмом могло вдохновить пассивную массу;

2) власть, предлагающая четкую программу и действующая жестко, с применением непредсказуемых репрессий в условиях политической нестабильности лучше, чем анархия и братоубийственная война;

3) формально советская власть действительно была всенародной, доступной, и для народа быстро стали ясны возможности её использования.

Обыватели не задумывались о сущности и характере новой власти, они просто сосуществовали с ней. Жить «вне власти» оказалось невозможным не только потому, что она регламентировала все стороны жизни, в том числе и частную. Частная жизнь просто перестала существовать, потому что её основой является частная собственность и индивидуальная свобода. Кроме того, власть постоянно порождала новые организационные формы и структуры, новые идеи, которые влияли на обыденную жизнь человека.

Однако взаимодействие является двусторонним процессом. Раз обыватель «принял» власть, то и власть должна была «принять» его. Оптимистичные лозунги первых советских десятилетий не могут скрыть того очевидного факта, что предприимчивость или инертность людей часто находила лазейки в самых жестких политических конструкциях. Очевидно, что в исследуемый период имела место социальная

интерференция: волна производимых властью революционных преобразований столкнулась с волной преобразований, осуществляемых миллионами индивидов в организации собственной жизни, позволивших им включиться в новые системы социальных коммуникаций и адаптироваться к ним. Это привело к трансформации обеих сторон.

В провинции это было особенно очевидно, поскольку советская пирамида власти у своего основания на уровне сельских и волостных советов состояла из обывателей, не всегда движимых коллективистскими интересами. Эти люди использовали доставшиеся им властные полномочия для удовлетворения собственных амбиций и достижения частных интересов.

Глава 3. Система советской юстиции в 1917–1936 гг.

Социально-политическая реальность, в которой существуют люди, является следствием деятельности государства. Поэтому без осознания функций и характера деятельности государственных структур невозможно понять природу формируемых отношений, предпочтений и взглядов рядовых граждан.

Ситуация в России после октября 1917 года усугублялась тем, что пришедшие к власти силы провозгласили создание не только новой социальной системы, основанной на общей собственности, но и неизвестного доселе типа государства. Новое государство начало действовать с позиции целесообразности, точнее, злободневности, а общество не могло четко определить своих ожиданий, которые шли бы дальше стремления выжить в революционной стихии.

С весны 1918 года большевики начали укреплять государство, которое до прихода к власти воспринималось ими в качестве временной меры, необходимой для «подавления сопротивления эксплуататоров и для руководства громадной массой населения <...> в деле налаживания социалистического хозяйства»¹⁴⁸. Одновременно произошла трансформация взглядов на систему юстиции. Если до октября 1917 года существовала уверенность в том, что правопорядок в новом государстве будет поддерживаться благодаря революционной сознательности масс, то теперь, когда право стало рассматриваться как способ реализации государственной политики и проведения в жизнь идеологических установок, специальная система охраны правопорядка стала осознаваться как необходимая.

Понятие «система юстиции» требует конкретизации. Ряд исследователей-правоведов исследует систему органов юстиции, понимая

---

¹⁴⁸ Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. (5-е издание). Т.33. М., 1969. С. 26.

её как «внутренне организованную, объединенную общими целями и задачами совокупность органов и учреждений юстиции, фактически находящихся в ведении Министерства юстиции»¹⁴⁹. Другие выделяют систему Министерства юстиции, включая в неё само ведомство и его органы на местах, которые представляют собой органы управления юстицией¹⁵⁰.

Поскольку наше исследование предпринято с целью анализа активной роли системы юстиции в обеспечении стратегических результатов государственной политики, нам важно не институциональное строение системы, а характер и содержание её деятельности. Определяя рамки системы юстиции, мы будем исходить из наиболее общего понимания юстиции как вида правоохранительной и правоприменительной государственной деятельности. На основе данного подхода систему юстиции можно рассматривать как совокупность специфической государственной деятельности и институтов, в рамках которых она осуществляется.

Мы анализируем систему юстиции как открытую систему, находящуюся в тесном взаимодействии как с внешними социально-политическими институтами (государственными и советскими органами, партийными структурами, различными учреждениями и хозяйствами), так и с отдельными индивидами, меняющуюся в результате этого взаимодействия.

Продуктивный анализ характера и содержания деятельности системы невозможен без исследования её организационного строения, которое предопределяет распределение властных полномочий и опосредует взаимодействие как внутри системы, так и взаимоотношения и контакты с

---

¹⁴⁹ Моттаева М.Б. Исторический опыт и традиции в деятельности органов юстиции Российской Федерации. Дисс. ... канд. юр. наук. М. 2004.

¹⁵⁰ Олейник И.И. Организационно-правовые основы становления и развития органов управления юстицией в РСФСР.:1917-1936 гг. Дисс. ... докт. юр. наук. Владимир. 2006.

внешними субъектами.

В исследуемый период организационный компонент системы юстиции составляли:

- во-первых, органы управления юстицией в центре (в разные годы в рамках исследуемого периода – Наркомюст РСФСР, Верховный Суд РСФСР, Верховный Суд СССР, Прокуратура СССР);

- во-вторых, органы управления юстицией на местах (в разные годы в рамках исследуемого периода – комиссариаты, отделы или бюро юстиции при местных исполкомах, Губернские суды и Советы народных судей; Областные суды),

- в-третьих, местные судебные и следственные участки, прокуратуры;

- в четвертых, юридические институты адвокатуры и нотариата.

Деятельность государственных органов и учреждений важна, поскольку в ней опосредуются взаимоотношения личности и государства. Как любая деятельность, она требует определенных условий своего осуществления, поскольку происходит не в вакууме, а в реальной экономической и социально-политической обстановке, требующей решения конкретных задач. Для того чтобы любое учреждение могло функционировать, нужно помещение, оснащенное оборудованием, и люди, наделенные специальными знаниями и навыками и вознаграждаемые за свой труд. Другими словами первоочередными и необходимыми условиями деятельности любого органа или учреждения является его материальная обеспеченность и кадровый потенциал.

Рассмотрим структуру и условия деятельности органов и учреждений юстиции в исследуемый период.

3.1. Система органов и учреждений юстиции

3.1.1. Центральные и местные органы управления юстицией

Центральные органы

Декрет «Об образовании Рабочего и Крестьянского правительства», принятый II Всероссийским съездом Советов 26 октября 1917 г. утвердил Народный комиссариат юстиции¹⁵¹. Теория государства в форме революционной диктатуры основана на идее о том, что правопорядок должен поддерживаться не государственными институтами, а революционным сознанием масс. Поэтому Наркомюсту не предписывалось ключевой роли в Совете народных комиссаров (далее – Совнарком). Об этом говорит тот факт, что первые наркомы юстиции – Г.И. Оппоков (Ломов) и И.З. Штейнберг были левыми эсерами. Г.И. Оппоков был и самым молодым наркомом – ему в 1917 году было 29 лет.

Под контроль большевиков юстиция перешла только в марте 1918 года, когда наркомом юстиции был назначен большевик П.И. Стучка. Однако он недолго занимал этот пост, в сентябре 1918 года на его место был назначен Д.И. Курский. Смена наркомов не была просто организационным решением, она отразила осознание ошибки, допущенной большевистским руководством в понимании роли системы юстиции в новом государстве.

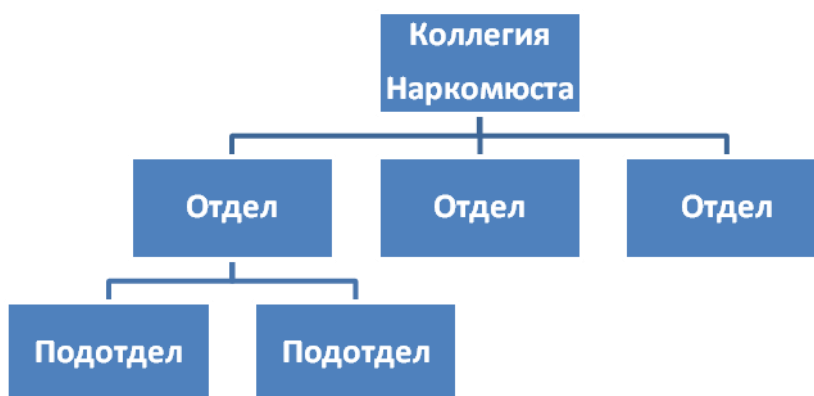
Последствия недооценки роли государственного правосудия дали себя знать очень быстро и в неприглядной форме. Демонтаж тюрем, упразднение полицейского аппарата повлекли за собой невиданный рост преступности. Уголовные правонарушения зачастую прикрывались революционной демагогией, оправдывались экспроприацией и борьбой со свергнутыми классами. Суды были перегружены, разрешения ожидали

---

¹⁵¹ Об образовании Рабочего и Крестьянского правительства. Декрет II Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 26 октября 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 21.

тысячи дел. Необходимость создания государственной правовой системы стала очевидной, а это предполагало формирование органов управления такой системой.

Положение «Об отделах Народного комиссариата юстиции», принятое 26 ноября 1920 г.¹⁵² стало первым нормативным документом, регулирующим деятельность комиссариата. Оно установило структуру НКЮ, которая на протяжении 1917–1922 гг. менялась восемь раз. Эти изменения диктовались складывающейся в стране ситуацией, однако общая схема построения аппарата, представленная на рис. 1, сохранялась.

Рис. 1. Схема организационного строения аппарата Наркомюста в 1918–1922 гг.

Положение о Народном комиссариате юстиции от 2 марта 1921 г. устанавливало следующие задачи ведомства: организация и инструктирование судебно-следственных органов; контроль за работой комиссий по делам несовершеннолетних; рассмотрение в порядке высшего судебного надзора судебных решений и приговоров; разработка общих мер наказания; организация исправительно-трудового режима и др.

¹⁵² Об отделах Народного комиссариата юстиции (Положение). Постановление Народного комиссариата юстиции РСФСР от 26 ноября 1920 г. / СУ РСФСР. 1920. № 90. Ст. 465.

Немаловажное место отводилось осуществлению надзора за законностью, а также законотворчеству.

Несмотря на уверенность Ленина в том, что «городские рабочие в союзе с беднейшим крестьянством проявят неуклонную товарищескую дисциплину, создадут строжайший революционный порядок»¹⁵³, с первых дней существования нового режима возникли противоречия между решениями местных Советов и предписаниями центральной власти. Коллегия Наркомюста регулярно получала сведения об изданных на местах постановлениях, противоречащих действующему законодательству, в связи с чем вынуждена была прибегать к отмене подобных решений.

НКЮ активно занимался законотворческой деятельностью. Так, в 1918 году были разработаны проекты кодекса об актах гражданского состояния, кодекса законов о труде, о социальном обеспечении. При участии заведующего отделом законодательных предположений и кодификаций М. А. Рейснера разрабатывался проект Конституции РСФСР 1918 года.

Одна из ключевых фигур в советской юстиции – М.А. Рейснер. Ученый с европейской известностью «был убежден, что его труды помогут осуществлению теоретической революции в области правовой науки. Ему хотелось совершенно оторваться от тех мировоззренческих и методологических стереотипов, которые господствовали в старом, классическом, “буржуазном” правоведении»¹⁵⁴.

В 1919 году Наркомат издал «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» – первый опыт обобщения законодательных актов и судебной практики за два года существования Советской власти. В 1920–1921 гг. отдел законодательных предположений и кодификаций приступил к редактированию проектов законодательных и распорядительных актов

---

¹⁵³ Ленин В.И. Резолюция заседания Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 25 октября 1917 г. // Полн. собр. соч. (5-е издание). Т. 35. М., 1974. С. 5.

¹⁵⁴Бачинин В. А. Авангардистское правоведение М. А. Рейснера // Правоведение. 2006. № 5. С. 170.

центральных учреждений РСФСР, а также к кодификации действующих декретов и постановлений. Разрабатывался проект закона о судеустройстве, проекты основных кодексов РСФСР (гражданского, уголовного, уголовно-процессуального и гражданско-процессуального).

Перечисленные нормативно-правовые акты не только систематизировали и регулировали деятельность правоохранительной системы нового государства, но и нормировали повседневную жизнь людей.

Структура и полномочия НКЮ изменилась в 1922 году в связи с проведением судебной реформы. В составе Народного Комиссариата Юстиции учреждалась Государственная Прокуратура. Ей передавалось осуществление надзора от имени государства за законностью действий всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных и частных организаций и частных лиц; непосредственное наблюдение за деятельностью следственных органов дознания в области раскрытия преступлений, а также за деятельностью органов Государственного Политического Управления; поддержание обвинения в суде; наблюдение за правильностью содержания заключенных под стражей¹⁵⁵. Во главе прокуратуры стоял Народный комиссар юстиции, который имел два заместителя: по линии Прокуратуры – Заместитель Прокурора республики, и по линии Верховного Суда – Председатель Верховного суда РСФСР.

Изменились и задачи Наркомюста: общее руководство, организация и инструктирование судебных учреждений, прокуратуры, органов следствия, наблюдение за законностью, наблюдение за деятельностью комиссий и учреждений, наделенных судебными функциями, наблюдение за деятельностью коллегий защитников и организация юридической

---

¹⁵⁵ Положение о прокурорском надзоре. Постановление ВЦИК РСФСР от 28 мая 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 424.

помощи населению; предварительное рассмотрение всех законодательных предложений, толкование действующих законов и др.¹⁵⁶.

Однако полномочия НКЮ были заметно сужены, особенно в отношении судебной подсистемы. Наркомат сохранил функцию судебного управления, но высший судебный надзор был передан созданному Верховному Суду РСФСР, который, помимо этого, осуществлял рассмотрение в кассационном порядке дел, решенных губернскими судами. В порядке надзора Верховный Суд рассматривал дела, разрешенные любым судом республики, а так же, в качестве суда первой инстанции, дела особой государственной важности¹⁵⁷.

Местные органы управления юстицией в форме губернских отделов и уездных бюро исполкомов были упразднены, что сужало возможность влияния НКЮ на ситуацию на местах.

В середине 1920 – середине 1930-х годов ведущей в работе Наркомата оставалась законотворческая деятельность. В конце 1927–1928 гг. развернулась широкая дискуссия по поводу разработанного заместителем Наркома юстиции Н. В. Крыленко проекта нового уголовно-процессуального кодекса. Крыленко настаивал на упрощении следствия и судопроизводства по уголовным делам. Подобная позиция вызвала резкую критику со стороны Юридического отдела Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции (далее – Рабкрин) и Верховного суда РСФСР. Несмотря на отдельные компромиссы, НКЮ удалось отстоять свои позиции. Однако, уже в начале 1930-х годов ситуация изменилась. Начиналось противостояние Н.В. Крыленко и А.Я. Вышинского, которое в конечном итоге переросло в открытый конфликт Наркома юстиции

---

¹⁵⁶ Положение о Народном комиссариате юстиции. Декрет ВЦИКРСФСР от 1 февраля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 10. Ст. 120.

¹⁵⁷ Положение о судоустройстве РСФСР. Постановление ВЦИК 11 ноября 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

РСФСР и Прокурора СССР. Созданная в 1934 году новая комиссия по составлению УПК, отвергла проект Крыленко.

Об ослаблении позиций Наркомюста свидетельствовало и то обстоятельство, что при разработке проекта новой Конституции СССР 1936 года Прокуратуре был присвоен более высокий статус, чем Наркомюсту, поскольку Сталин принял решение дать прокуратуре право надзора над деятельностью наркомата¹⁵⁸.

В связи с образованием СССР структура высших органов управления юстицией усложнилась, поскольку возникла необходимость создания общесоюзных правоохранительных органов. Поначалу управление юстицией не было централизовано в общесоюзном масштабе и осуществлялось самостоятельно республиканскими наркоматами, в частности Наркомюстом РСФСР.

Положение о Верховном суде СССР в ноябре 1923 года учредило Верховный Суд СССР и Прокуратуру Верховного Суда СССР, при этом Прокурор Верховного Суда не являлся заместителем Председателя Верховного суда¹⁵⁹. В результате возникли две организационно не связанные между собой прокурорские системы: прокуратура Верховного суда СССР и республиканские прокуратуры, действовавшие в системе Наркоматов юстиции.

В 1929 году было утверждено новое Положение о Народном комиссариате юстиции РСФСР. На наркомат возлагались разнообразные задачи, в том числе, проведения единой судебной политики на территории РСФСР; надзор за законностью действий органов власти, хозяйственных органов и общественных организаций; общее руководство деятельностью органов юстиции, разработка мероприятий по улучшению их

---

¹⁵⁸ См. об этом подробнее: П. Соломон Советская юстиция при Сталине. М., 2008.

¹⁵⁹ Положение о Верховном суде СССР. Постановление ВЦИК СССР от 23 ноября 1923 г. [Электронный ресурс] // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1871.htm / (дата обращения: 25.06.2016).

организации¹⁶⁰. Положение закрепило создание Организационно-инструкторского управления (Оргинстра) – особого внутриведомственного органа, призванного обеспечить единство руководства судами и прокуратурой.

К этому моменту обострились противоречия между НКЮ и Верховным Судом РСФСР. Суть этих противоречий исчерпывающе объяснена в секретной записке заместителя Председателя СНК А. П. Смирнова «О революционной законности и взаимоотношениях НКЮ и Верховного суда», которую он в 1927 году направил в Секретариат ЦК: «Действующее законодательство, возлагая на НКЮ организацию, инструктирование и общее руководство всеми судебными учреждениями РСФСР одновременно с тем обязывает Верховный Суд осуществлять высший судебный контроль и непосредственное руководство судебной практикой. На этой почве создано известное двоевластие в области руководства судебными учреждениями»¹⁶¹.

В 1933 году была образована Прокуратура СССР¹⁶². Республиканские прокуратуры продолжали оставаться в ведомстве республиканских наркоматов юстиции. Поддержка Наркомата обеспечивала республиканским прокуратурам некоторую независимость от союзного ведомства, «были случаи, когда работники республиканской прокуратуры не обеспечивали передачу приказов союзной прокуратуры вниз по цепочке областными и районными прокуратурам»¹⁶³.

В июле 1936 года был образован Наркомат юстиции СССР. Прокуратура была выведена из структуры Наркомата и централизована в

---

¹⁶⁰ Положение о Народном комиссариате юстиции РСФСР. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 3 июня 1929 г. // СУ РСФСР. 1929. № 41. Ст. 434.

¹⁶¹ РГАСПИ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 50. Л. 4.

¹⁶² Об учреждении Прокуратуры Союза ССР. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 20 июня 1933 г. [Электронный ресурс] // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3899.htm // (дата обращения: 12.05.2016).

¹⁶³ Соломон П. «Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 166.

ведомстве Прокуратуры СССР. Тогда же были изменены и полномочия Верховного суда СССР.

Конституция СССР 1936 года подвела итог реорганизации советской юстиции. Согласно статье 104 Верховный Суд СССР являлся высшим судебным органом. На Верховный Суд СССР возлагался надзор за судебной деятельностью судебных органов СССР, а также судебных органов союзных республик в пределах, установленных законом. На основании статьи 113 Генеральный Прокурор СССР осуществлял высший надзор за исполнением законов всеми Министерствами и подведомственными им учреждениями, отдельными должностными лицами и гражданами СССР. Статья 117 подчиняла органы прокуратуры только Генеральному Прокурору СССР¹⁶⁴.

Таким образом, если до начала 20-х годов управление юстицией было сосредоточено в руках Наркомюста РСФСР, то после судебной реформы 1922 года стала проявляться тенденция к ведомственному обособлению и централизации в общесоюзном масштабе различных направлений деятельности, относившихся к компетенции НКЮ. Эта тенденция заметно усилилась в середине 30-х годов в связи с усилением роли государственного управления и его усложнением. К моменту образования в 1936 году общесоюзного Наркомата юстиции была решена задача создания независимых друг от друга судебной и прокурорской систем.

Органы управления юстицией на местах

В отличие от Наркомата юстиции, образование которого было провозглашено одним из первых декретов советской власти, местные органы управления юстицией возникали поэтапно, и их появление

---

¹⁶⁴ Конституция СССР. Утверждена Постановлением Чрезвычайного VIII съезда Советов Союза ССР от 5 декабря 1936 г. // История советской конституции (в документах) 1917–1956. М., 1957. С. 743.

первоначально было вызвано практической потребностью: разгулом преступности, правовым хаосом, стихийным возникновением на местах разного рода революционных судов и самоуправством местных Советов.

В 1917 году Декретом о суде № 1 были учреждены губернские комиссары и существовавшие при них комиссариаты юстиции. Комиссар избирался местным Советом, основной его задачей было ликвидировать старую и создать новую судебную систему¹⁶⁵.

В постановлении Народного комиссариата юстиции от 19 декабря 1917 г. обязанности комиссаров были уточнены: «хранение архивов и имущества судов, направление неоконченных дел, выдача справок заинтересованным лицам»¹⁶⁶.

Очевидно, что при разветвленной сети местных судов, учреждаемых районными, волостными, уездными, городскими и губернскими Советами, выполнение указанных функций не могло осуществляться одним человеком. Поэтому при комиссарах юстиции достаточно быстро начал складываться штат работников.

Циркуляр Наркомата юстиции от 15 июля 1918 г. предписывал упразднить должность уездных комиссаров юстиции с передачей всех дел в соответствующий губернский комиссариат, поскольку «на двух трети территории Российской Республики функционируют в полном объеме новые суды»¹⁶⁷ и организационную деятельность уездных комиссаров можно было считать оконченной. Ликвидация наиболее приближенных к новым судебным учреждениям уездных структур сыграла отрицательную роль, так как фактически привела к дезорганизации новой судебной системы на последующие два года, вплоть до создания уездных бюро юстиции.

---

¹⁶⁵ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 21. Л. 2.

¹⁶⁶ О суде (№ 1). Декрет ВЦИК РСФСР от 24 ноября 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 4. С. 150.

¹⁶⁷ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.

Во второй половине 1918 года губернские комиссариаты юстиции начали преобразовываться в отделы юстиции при губисполкомах (губотюсты). Существование губотюстов было закреплено Положением об отделах юстиции губернских исполкомов от 30 января 1919 г. Процесс формирования отделов происходил сложно: «кадров не было, суды не инструктировались, декреты даже не рассылались, в статистическом отделе отсутствовали даже сведения о движениях дел суда и следкомов, а также сведения о работниках»¹⁶⁸.

Штаты губернского отдела утверждались Наркоматом юстиции. Как свидетельствуют ведомости на выдачу заработной платы работникам Курского губотдела юстиции в 1919 году, самыми низкооплачиваемыми были должности курьеров и рассыльных, оклад которых составлял 488 рублей в месяц. Зарплаты машинистов и корреспондентов составляли 532 рубля, а помощников секретаря и делопроизводители – 576 рублей. Секретари получали зарплату в размере 664 рублей в месяц, а заведующий отделом – 752 рубля. Бухгалтер и кассир административно-хозяйственного подотдела получали зарплату 664 и 532 рубля соответственно¹⁶⁹.

Следует отметить, что штаты были достаточно многочисленными, например, в 1920 году по ведомостям отдела юстиции Курского губисполкома зарплату получали более 110 человек¹⁷⁰.

Главной задачей губотюстов было руководство судебной системой. Помимо этого, отделы юстиции вели активную консультационную и методическую деятельность: вырабатывали для уездных исполкомов циркуляры и инструкции, которые содержали конкретные указания по осуществлению тех или иных действий, что в условиях отсутствия квалифицированных кадров приобретало особую значимость¹⁷¹.

---

¹⁶⁸ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

¹⁶⁹ ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

¹⁷⁰ ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 1-Л. Д. 4. Л. 8,16.

¹⁷¹ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

Организационно губернские отделы являлись структурными подразделениями исполкомов местных Советов, но фактически были подведомственны Наркомату юстиции. Уже с 1919 года контроль со стороны губисполкомов сводился к осуществлению формальных бюрократических процедур.

Одноуровневая (губернская) структура была малоэффективна, поскольку контролировать деятельность многочисленных судебных участков, разбросанных по всей губернии, было сложно. В отчетах с мест отмечалось: «Отсутствие жизнеспособного административного центра юстиции в уездах отразилось на деятельности отдела юстиции очень болезненно, так как бюро народных судей по вышеуказанным причинам не в силах были быть проводниками организационных, административных и финансовых мероприятий губотюста. Поэтому связь органов юстиции губернии с губотюстом и надзор за их деятельностью были крайне слабыми»¹⁷².

Начало формированию уездных органов было положено 21 августа 1920 г. опубликованием Положения о местных органах юстиции. Согласно данному положению, уездные бюро избирались уездными совещаниями народных судей.

Уезд делился на участки, которые распределялись между судьями. Совещания народных судей выделяли категории дел, разбираемые на том участке, в пределах которого они возникли, устанавливали сроки и места выездных сессий, очередь участия судей в заседаниях губернского Совета.

Во второй половине 1920 года уездные бюро юстиции были созданы по всем губерниям РСФСР. Из отчетов видно, что «в уездах имеются уездные бюро юстиции с такими же функциями, как и у губернских отделов юстиции, но без подразделения на подотделы»¹⁷³. Основным

---

¹⁷² ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 5. Д.50. Л. 3.

¹⁷³ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 5. Д.42. Л. 3.

содержанием их работы стало управление деятельностью находящихся в уездах судебных и следственных участков. На основании данных по Дмитриевскому уезду Курской губернии можно заключить, что судебные участки обслуживали территории с количеством проживающего населения в среднем 29,5 тысяч человек¹⁷⁴. Штат бюро состоял из трех человек, однако в число его ответственных работников включались народные судьи, следователи и консультанты.

Появление уездных бюро, несомненно, оказалось своевременным, так как в это же время происходит усложнение структуры судебных органов: формируются суды особой сессии и дежурные камеры. Кроме того, при уездных бюро организуются юридические консультации. Это расширило компетенцию уездных бюро и придало им дополнительную значимость. Однако советские и партийные учреждения зачастую не признавали их в качестве полномочных органов. В качестве одной из причин подобной ситуации местные работники юстиции указывали то обстоятельство, что: «Положение о местных органах юстиции издано не в законодательном порядке, а в форме ведомственного циркуляра (циркуляр НКЮ от 27 августа 1920 г. № 20), благодаря чему основанные на означенном Положении требования органов юстиции к учреждениям других ведомств не всегда должным образом выполняются»¹⁷⁵. Подчеркивалась необходимость издания Положения о местных органах юстиции в законодательном порядке от имени Совнаркома или ЦК РКП(б)¹⁷⁶.

Место и роль уездных бюро в системе новой советской юстиции определялись тем, что к ним перешла вся практическая деятельность по организации системы судопроизводства и следствия. Непосредственное «приближение» административных органов к судебным участкам

---

¹⁷⁴ ГАКО. Ф. Р-451. Оп.1. Д. 25. Л. 49.

¹⁷⁵ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 5. Д. 42. Л. 15.

¹⁷⁶ Там же.

создавало условия для эффективного управления и теоретически позволяло оперативно решать возникавшие проблемы. Несмотря на значительное количество препятствий в деятельности уездных бюро, состояние судебной системы в 1921–1922 гг. стабилизировалось.

Узкий масштаб деятельности придавал работе убуестов конкретный и практически направленный характер, чего нельзя сказать о губернских отделах, которые превратились в сугубо бюрократические учреждения. Из судебных органов в непосредственном ведении губуестов остались ревтрибуналы. Организация защиты и обвинения, а также консультационная служба были переданы в уезды.

Вопреки наличию серьезных проблем, значительно осложнявших работу, местные органы управления юстицией до осуществления судебной реформы в 1922 года выполнили задачу организации и становления судебной системы. Губернские отделы юстиции и уездные бюро осуществляли надзор за исполнением решений Совнаркома и местных властей, контролировали места лишения свободы, нотариальную службу, оказание юридических услуг органам власти и населению. Тем не менее, одной из составляющих судебной реформы стала ликвидация губернских отделов и уездных бюро.

С 1922 года функцию управления юстицией на местах осуществляли Советы народных судей, Губернские суды и их уполномоченные в уездах, что значительно понизило эффективность такого управления. Губернский суд действовал в качестве судебного центра губернии, осуществлял надзор за всеми действовавшими на территории губернии судами, кроме выездных сессий Верховного суда и военных и военно-транспортных трибуналов. Количество и границы судебных участков определялись постановлением губсуда и утверждались губисполкомом¹⁷⁷.

---

¹⁷⁷ Положение о судостроительстве РСФСР. Постановление ВЦИК РСФСР от 11 ноября 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

Оторванные от жизни в глубинке губсуды осуществляли передел судебных участков, исходя из сугубо ведомственных интересов, и делали это беспорядочно. На практике были случаи, когда после кассационного пересмотра дела выяснялось, что судебного участка, в котором оно рассматривалось в первой инстанции, уже не существовало. В результате дело могло оказаться в участке, расположенном на территории другого уезда, весьма удаленного от места жительства участников судебного разбирательства.

Неэффективные действия губсудов подтверждаются множеством фактов. В июле 1927 года прокурор Тамбовской губернии направил отношение Председателю Губсуда: «В производстве Нарсуда 8 района Борисоглебского уезда находится на рассмотрении около двух лет дело об утверждении в правах наследства гр. Денисова В.И. <...> Задержка происходит по объяснению секретаря нарсуда от того, что дело это передано к ним в участок из другого участка и вызов свидетелей по делу сопряжен с расстоянием в 50–60 верст и последние по вызову суда в рабочую пору не идут...»¹⁷⁸.

Дело о разделе имущества гражданки Фроловой А.Ф. было передано в суд, находящийся в 80 верстах от места её жительства. Разбирательство длилось почти шесть лет и начало двигаться только после жалобы Фроловой в НКЮ¹⁷⁹.

Были случаи утери судебных дел после их кассационного рассмотрения в губернии и перенаправления в уезды, имела место и путаница в отчетах. Так, в январе 1928 года Председатель Тамбовского губсуда направил запрос в нарсуд 9-го района Тамбовского уезда: «По имеющимся сведениям в ведомости о движении дел за второе полугодие 1927 года остаток дел на 01.01.1928 г. указывался в 577 дел, в ведомости

---

¹⁷⁸ ГАТО. Ф. Р-524. Оп. 1. Д. 829. Л. 19.

¹⁷⁹ Там же. Л. 53.

же январь и февраль месяц остаток на 01.01.1928 г. указывалось 52 дела. На запрос Губсуда куда делись 525 дел вы объяснений до сего времени не представили, в виду чего вам предлагаю в трехдневный срок дать объяснения об этих делах»¹⁸⁰.

Подобная ситуация наблюдалась и в Воронежской губернии. В июне 1927 года в Губсуд поступили жалобы от граждан И. Гришина и В. Татарыковой о затягивании рассмотрения их дел. В ходе разбирательства выяснилось, что дела были утеряны при пересылке из одного участка в другой. Дело по иску И. Гришина об отобрании лошади тянулось 3 года, а дело В. Тартарыковой о выделении части имущества – 8 месяцев. Заместитель председателя Губсуда требовал от уполномоченного по уезду выяснить судьбу дел и в случае утери принять меры к их восстановлению¹⁸¹.

Отсутствие административных органов управления на местах означало, что судебные учреждения становились независимыми от местных советских чиновников. С 1922 года содержание судебных учреждений было передано на баланс местных бюджетов. Кроме того, от местных исполкомов зависело утверждение судей в должности. Советские управленцы могли контролировать и работу коллегий правозащитников, поскольку за исполкомами оставалось решение о принятии кандидата в число членов коллегии или об исключении из нее. Формально, только прокуратуры, находившиеся в структуре Наркомюста, были свободны от чиновничьего контроля на местах.

---

¹⁸⁰ ГАТО. Ф. Р–524. Оп. 1. Д. 829. Л. 203.

¹⁸¹ ГАВО. Ф. Р–410. Оп. 1. Д. 45. Л. 6,8,9.

3.1.2. Судебно-следственные учреждения, прокуратура и адвокатура, нотариат

Рассмотрение системы учреждений, осуществлявших практическую деятельность на местах, целесообразно начать с судебно-следственных учреждений. К 1918 году законодательно было закреплено существование народных судов, следственных комиссий, коллегий обвинителей и правозаступников, ревтрибуналов.¹⁸²

Во второй половине 1920 года судебная структура усложняется. На практике часто встречались случаи, когда в ревтрибуналы поступали дела, которые не попадали под их компетенцию и не могли быть принятыми к производству. Это были дела о должностных преступлениях, о нарушении трудовой повинности; дела, предусмотренные Декретом о распространении, изготовлении и продаже спирта, дела об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям. Для разрешения подобных дел при Советах народных судей в губернских городах и бюро юстиции в уездах циркуляром НКЮ от 16 сентября 1920 г. учреждались особые сессии судов¹⁸³.

НКЮ, губернские отделы юстиции или Советы народных судей могли передавать для слушания в особую сессию дела, которые они признавали имевшими особое общественное значение. Так, например, циркуляр НКЮ от 28 февраля 1921 г. предлагал в целях устранения какого-либо влияния местных органов на ход судебного разбирательства и достижения большей объективности рассматривать в особых сессиях дела по обвинению в должностных преступлениях уездных чиновников¹⁸⁴. Особая сессия имела свою канцелярию и штат служащих.

---

¹⁸² ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

¹⁸³ ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.

¹⁸⁴ ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 1. Д. 22. Л. 41.

В губернских и уездных городах учреждались дежурные камеры. Они должны были рассматривать несложные дела в день задержания обвиняемого. Очередь судей для рассмотрения дел по камере устанавливалась Советом народных судей или уездным бюро юстиции. В дежурную камеру направлялись все арестованные по делам, которые, по мнению органов, их задержавших, не требовали длительного разбирательства. Для этого в дежурную камеру должен был быть доставлен не только обвиняемый, но и все производство по делу: протоколы, жалобы и вещественные доказательства. Если судья находил, что материалов достаточно, он приступал к рассмотрению дела немедленно вместе с очередными заседателями. В противном случае дело с постановлением направлялось в надлежащий народный суд¹⁸⁵.

Положение о народном суде 1920 года закрепило статус народных следователей, которые избирались и отзывались Губернскими исполкомами, состояли в ведении Советов народных судей и действовали в пределах своего судебного участка. Кроме того, отделы юстиции назначали, с утверждения Народного Комиссариата Юстиции, особых следователей по важнейшим делам, состоявших при губотюстах¹⁸⁶.

Судебная реформа 1922 года породила новые преобразования. Положение о судеустройстве РСФСР вводило следующую структуру судов: народный суд (в составе постоянного народного судьи или постоянного народного судьи и двух народных заседателей), Губернский суд, Верховный Суд РСФСР и его коллегии¹⁸⁷.

---

¹⁸⁵ ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.

¹⁸⁶ Положение о народном суде РСФСР. Декрет ВЦИК РСФСР от 20 октября 1920 г. // СУ РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407.

¹⁸⁷ Положение о судеустройстве РСФСР. Постановление ВЦИК РСФСР от 11 ноября 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

Народные суды действовали в пределах уездных или городских районов и были ответственны перед вышестоящими судебными учреждениями.

Губернский суд осуществлял непосредственный надзор и кассационное рассмотрение приговоров и решений подведомственных ему народных судов.

Верховный Суд РСФСР осуществлял судебный контроль над всеми судами, рассматривал в кассационном порядке решенные губернскими судами дела и в порядке надзора все дела, разрешенные любым судом республики. В качестве суда первой инстанции он рассматривал дела особой государственной важности, перечень которых должен был определяться специальным законом. Верховный Суд РСФСР также осуществлял высший судебный надзор и руководил судебной практикой.

Изменения были внесены и в организацию следствия. Народные следователи состояли при соответствующих следственных участках при народных судах, при губернском суде по уголовному его отделению, при Верховном Суде РСФСР, а также при отделе прокуратуры Народного Комиссариата Юстиции для производства срочных расследований по важнейшим делам. Народными следователями именовались следователи при следственных участках, старшими следователями – при губернских судах, следователями по важнейшим делам – при Верховном Суде и отделе прокуратуры Народного Комиссариата Юстиции¹⁸⁸.

Поиски новых организационных форм в сфере юстиции не завершились преобразованиями 1922 года. Например, в 1929 году Курский судебный округ был превращен в опытно-показательный округ по

---

¹⁸⁸ Положение о судостроительстве РСФСР. Постановление ВЦИК РСФСР от 11 ноября 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

реорганизации судебного-прокурорского аппарата¹⁸⁹. Предусматривалось упразднение деления суда на отделы, упразднение Пленума суда, расширение подсудности нарсудов, за исключением дел, по которым возможно было применение высшей меры, передача значительной части маловажных дел в ведение товарищеских судов, примирительных камер и иных форм общественного правосудия, а также ликвидация земельных комиссий и передача их функций нарсудам. Предполагалось ликвидировать должность участковых прокуроров, а в окружной прокуратуре создать постоянные оперативные бригады, расширить права следователей, которые могли бы самостоятельно направлять дела в нарсуды и прекращать дела.

Очевидно, что преобразования были вызваны, прежде всего, экономическими соображениями, связанными с сокращением расходов на содержание судебного-прокурорского аппарата, но названные организационные изменения были незамедлительно использованы в пропогандистских целях.

В статье прокурора Я. Вельта «Больше ответственности за работу» читаем: «На долю Курского округа выпала большая задача – в виде опыта перед всей советской общественностью, реорганизовав методы управления – доказать целесообразность на практике тех идей, на которые предъявляла свои требования наша рабоче-крестьянская масса – упразднение параллельности, безответственности – с приближением аппарата к массам. Чтобы оправдать эту задачу, необходимо еще раз подчеркнуть об особом значении широкой разъяснительной работы среди крестьянства»¹⁹⁰.

По инициативе наркома юстиции Н. В. Крыленко и при активной поддержке Совнаркома в начале 30-х годов стали создаваться

---

¹⁸⁹ В 1928 – 1934 гг. Центрально-Черноземная область – административно-территориальная единица РСФСР. Область первоначально была разделена на 11 округов и 178 районов. Областным центром являлся город Воронеж. Судебные округа были связаны с административными округами.

¹⁹⁰ Вельт Я. Больше ответственности за работу // Курская правда. 1929. 10 октября.

многочисленные общественные суды: производственно-товарищеские, колхозные, жилищные, сельские общественные суды и так далее. Сама по себе идея была не новой – подобные суды существовали еще в дореволюционной России и использовались в основном как форма разрешения трудовых или земельных споров. Большевики прибегли к ним уже в 1919 году, последовательно развивая формы так называемого «бескодексного» правосудия в виде различных комиссий, примирительных камер, рассматривая их как возможную альтернативу народному суду. В конце 20-х – начале 30-х годов эта работа приобрела массовый размах. Например, по данным Курского областного суда в 1935 году в состав сельских общественных судов в Курской области было избрано 12 727 человек¹⁹¹.

Деятельность общественных судов контролировалась местной прокуратурой, полномочия ограничивались в основном мерами морального воздействия, а эффективность была явно низкой – такие суды рассматривали не более 10 дел в год¹⁹². Низкой эффективности общественных судов способствовало то обстоятельство, что работа в них не оплачивалась, и считалась общественной нагрузкой, в том числе и для судей¹⁹³.

В октябре 1930 года было утверждено Положение о сельских общественных судах, согласно которому в сельские общественные суды переименовывались существующие при сельсоветах примирительные камеры¹⁹⁴, однако, на большинстве территории РСФСР термин «примирительные камеры» сохранился. Примирительным камерам были подсудны дела об оскорблениях на словах и письменно, нанесение побоев

---

¹⁹¹ ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 353. Л. 1.

¹⁹² Кодинцев А.Я. Эксперименты и дискуссия о структуре органов юстиции СССР в середине 30-х годов XX века // Адвокатская практика. 2006. № 4. С. 31.

¹⁹³ ГАОО. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 54. Л. 7.

¹⁹⁴ О сельских общественных судах. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 10 октября 1930 // СУ РСФСР. 1930. № 51. Ст. 629..

без телесных повреждений, мелких кражах со стоимостью похищенного на сумму до 20 рублей, гражданские и земельные дела с исковой суммой до 20 рублей и трудовые иски батраков до той же суммы.

Основной целью организации примирительных камер в деревне было приближение суда к населению, как в прямом, так и в переносном смысле слова. В прямом смысле примирительные камеры решали проблему частого прекращения дел в народных судах по причине неявки сторон, которые либо физически не могли добраться до слишком удаленного судебного участка, либо испытывали непреодолимый страх перед судебными инстанциями вообще и не доверяли «казённому» правосудию. Последний фактор имел и объективную основу – перегруженные народные суды часто формально рассматривали вопросы, которые для крестьян имели жизненную важность, что порождало у них сомнения в подлинной «народности» судов и власти как таковой¹⁹⁵. В переносном смысле приближение суда к населению означало реальную возможность участия трудового крестьянства в отправлении правосудия через работу примирительных камер.

Помимо организации разного рода общественных судов, власти пытались привлечь на помощь стационарным судьям так называемых «соцсовместителей». Эта кампания основывалась на утопической идее привлечения активных рабочих к работе в различных управленческих структурах на непостоянной основе. По данным П. Соломона между 1930 и 1933 годами около 40 % всех соцсовместителей трудились именно в учреждениях юстиции¹⁹⁶.

Немаловажную роль в обеспечении правопорядка играет правозащита и организация юридической помощи населению. После упразднения присяжной и частной адвокатуры Декретом о суде № 1¹⁹⁷,

---

¹⁹⁵ ГАОО. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 143. Л. 45.

¹⁹⁶ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 124.

¹⁹⁷ О суде (№ 1). Декрет ВЦИК РСФСР от 24 ноября 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

новая власть активно дебатировала вопрос о целесообразности создания новой советской адвокатуры. Дебаты были вызваны тем, что дореволюционный адвокатский корпус воспринял революцию преимущественно враждебно, а специфика адвокатской деятельности, требовавшая определенного уровня культуры и образованности, не позволяла быстро заменить не соглашавшихся работать с большевиками специалистов на лояльно настроенных или поддерживавших новую власть работников. Кроме того, считалось, что советский суд не нуждался в услугах адвокатов. Газеты тех лет писали, что в основе октябрьского «переворота лежало инстинктивно правовое сознание народа, твердо решившего взять устройство своей жизни в свои руки»¹⁹⁸. Тем не менее, Наркомат юстиции занял принципиальную позицию по поводу необходимости советской адвокатуры.

Впервые коллегии правозаступников появились в декабре 1917 года при революционных трибуналах. Правозаступники рассматривались и как представители общественного обвинения и как представители защиты. В таком качестве могли выступить любые пожелавшие лица, единственным условием для которых было представление рекомендации местного совета. Обвиняемый мог сам пригласить для своей защиты в суде любое лицо, не лишенное политических прав. Защитник из состава коллегии назначался только в том случае, если об этом просил сам обвиняемый.

С 1918 года коллегии правозаступников образовывались при местных отделах юстиции, которые представляли кандидатуры для избрания или отзыва членов коллегий. Юридическую помощь населению не мог оказывать никто другой, кроме членов коллегии. Нарушение этого правила каралось штрафом или лишением свободы сроком до одного года. Таким образом, правозащита оказалась под контролем местных исполкомов.

---

¹⁹⁸ О суде и наших юристах // Курская правда. 1920. 12 декабря.

«Положением о народном суде РСФСР»¹⁹⁹ коллегии правозаступников были переименованы в коллегии защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе. Это не было простой сменой названия – члены коллегии теперь являлись служащими губернских отделов юстиции с установленным окладом, размер которого соответствовал окладу народных судей. Было и еще одно нововведение: интересы сторон в суде могли представлять не только члены коллегии, но и родственники тяжущихся или юрисконсульты советских учреждений.

Практика объединения в одной коллегии представителей обвинения и защиты была негативно встречена местными работниками юстиции с юридическим образованием и дореволюционным опытом работы. Кроме того, деятельность коллегии ограничивалась только судом, что значительно сужало её возможности. Высказывались мнения о целесообразности выделения обвинителей в самостоятельную коллегию.

Отдельной критике подвергалась численность уездной коллегии: «существующие по штату 2 члена коллегии не могут обслуживать всех задач, возлагаемых на них Положением о суде. <...> Если учесть, что частная адвокатура, в какой бы то ни было форме, преследуется, что в участковых судах уезда накопилось большое количество дел, что население совершенно не знакомо с социалистическими правовыми нормами, что ранее дело юридической помощи населению обслуживалось 5 частными поверенными и 1 помощником присяжного поверенного, то 2 члена коллегии не в силах будут удовлетворить нужду населения в юридической помощи»²⁰⁰.

---

¹⁹⁹ Положение о народном суде РСФСР. Декрет ВЦИКРСФСР от 30 ноября 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.

²⁰⁰ ГАРФ. Ф. А–353. Оп. 3. Д. 81. Л. 69–70.

Критика и негативная практика на местах возымели свое действие – в июле 1920 года объединенные коллегии были упразднены решением III Всероссийского съезда деятелей советской юстиции как не оправдавшие себя.

Вместо упраздненных коллегий правозаступников и представителей сторон в гражданском процессе при уездных и губернском отделах были образованы консультации, работники которых оказывали юридическую помощь населению, а также исполняли обязанности защитников на суде.

Таким образом, до 1922 года ни защита, ни обвинение не были организованы должным образом.

5 июля 1922 г. Наркомюст утвердил Положение о коллегиях защитников, согласно которому при губернских совнарсудах создавались коллегии защитников²⁰¹. Однако Положение о судеустройстве, утвержденное Постановлением ВЦИК от 11 ноября 1922 г., уточняло, что коллегии действуют при Губсудах и под наблюдением последних²⁰².

К членам коллегии защитников предъявлялось требование иметь стаж работы в органах советской юстиции не менее двух лет. Если нужного стажа не было, претендент мог пройти испытание в особой комиссии, которую возглавлял председатель Совета народных судей. Действующие члены коллегии защитников ежегодно избирали президиум, состоявший из трех – семи человек.

В полномочия президиума входило: рассмотрение заявлений о вступлении или об отчислении из членов коллегии, контроль за исполнением обязанностей членами коллегии, установление порядка назначения защиты, организация консультаций для оказания юридической помощи населению, наблюдение за деятельностью уездных

---

²⁰¹ Положение о коллегиях защитников. Утверждено Народным комиссариатом юстиции РСФСР 5 июля 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 425.

²⁰² Положение о судеустройстве РСФСР. Постановление ВЦИК РСФСР от 11 ноября 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

уполномоченных коллегии, распоряжение имуществом и деньгами коллегии. Чтобы вести то или иное дело, член коллегии должен был получить либо нотариально заверенную доверенность учреждения, которое нуждалось в его услугах, либо ордер президиума²⁰³.

Поскольку большинство адвокатов с дореволюционным опытом работы не приняли советскую юстицию, первоначально власти на местах столкнулись с трудностями в комплектовании коллегий. Однако в последующие несколько лет состав коллегий защитников резко увеличился. Объяснение этого факта имеет чисто экономическую основу. Зарплаты в юстиции были очень малы, а адвокаты могли получать гонорары, что казалось привлекательным.

Нередки были случаи, когда заниматься адвокатской деятельностью изъявляли желание люди, занимавшие ответственные административные должности. Например, с такой просьбой в губернский исполком обратился Председатель Курского Губернского совета народных судей. Он объяснил своё решение плохим материальным положением. Занятие адвокатской практикой было несовместимо с государственной службой, поэтому в подобных случаях должностные работники должны были оставить свой пост, чего они не могли сделать без разрешения исполкома²⁰⁴.

По прошествии двух лет количество желающих вступить в члены коллегии сократилось. Участились случаи увольнений по собственному желанию из-за высокой стоимости адвокатского патента.

Деятельность членов коллегии организовывалась по трем основным направлениям: во-первых, организация юридической помощи населению, во-вторых, защита в суде, и в-третьих, осуществление пропаганды советского права.

---

²⁰³ О коллегии защитников. Постановление Народного комиссариата юстиции РСФСР 5 июля 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 425.

²⁰⁴ ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 205. Л. 99.

Местом расположения адвокатских консультаций, чаще всего, были помещения губернских судов. В Тамбовской губернии были предложения организовать консультацию при губернском доме заключения, а в уездах не выделять для консультаций специальных помещений, а оказывать бесплатную помощь населению посредством уполномоченных Президиума коллегии²⁰⁵.

Поначалу посещаемость консультаций нельзя было назвать чрезмерной – согласно журналу консультации, работавшей при Курском Губсуде, в 1923 году за юридической помощью за полгода обратились всего 167 человек²⁰⁶. Однако, введение новых норм законности, отражавших новые формы отношений, возникших в период НЭПа, требовало квалифицированной юридической помощи. За первое полугодие 1927 года работниками курской губернской консультации было дано 7031 устных советов, составлено 6121 жалоб и заявлений²⁰⁷. Всего за этот период было зафиксировано 79460 случаев оказания юридической помощи членами губернской коллегии адвокатов. Помощь оказывалась в виде индивидуальных советов по вопросам права, проведения защит в суде и собеседований. На каждого члена коллегии в среднем за полугодие пришлось 564 случая, или 94 случая в месяц²⁰⁸.

Для новой советской адвокатуры годы НЭПа были наиболее плодотворными. Дело не только в усложнении экономических отношений, но и в том, что, действовавшие на основании приобретаемого патента, частнопрактикующие адвокаты соответствовали реалиям новой экономической политики. С одной стороны, это были люди свободной профессии, заинтересованные в количестве и качестве своего труда, с

---

²⁰⁵ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 557. Л. 43.

²⁰⁶ ГАКО. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 38. Л. 16, 18–19.

²⁰⁷ ГАОПИКО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 716. Л. 197.

²⁰⁸ ГАОПИКО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 716. Л. 199.

другой, их деятельность находилась под контролем местных исполкомов, а гонорары учитывались.

Сворачивание НЭПа отразилось на положении адвокатов и отношении к ним. Принципиальную позицию в этом вопросе занял Наркомат юстиции – на смену частной адвокатской практике должна была прийти коллективная форма организации консультаций и юридической помощи населению. Однако попытки административного подчинения адвокатуры государству вплоть до 1936 года так и не были полностью реализованы, благодаря тому, что развернувшаяся в начале 1930-х противостояние Прокуратуры СССР, Верховного Суда РСФСР и Наркомюста РСФСР по вопросу о сущности советской юстиции отодвинули на второй план вопросы, связанные с адвокатской деятельностью²⁰⁹.

Учреждение института советской прокуратуры также имело свою предысторию. Царская прокуратура в 1917 году была упразднена, а контрольно-надзорные функции были распределены между несколькими ведомствами (ВЦИК, РККИ, НКЮ). Что касается поддержания обвинения в суде, то вплоть до 1920 года обвинители были объединены с правозаступниками в составе единых коллегий, действовавших при местных исполкомах и контролируемых отделами юстиции. Подобная организационная схема имела ряд очевидных недостатков. ВЦИК и РККИ вынуждены были оперативно решать множество насущных задач государственного строительства, и осуществляли надзор за законностью казуистически, в основном реагируя на жалобы с мест.

Вопрос о сущности советской прокуратуры был не менее дискуссионным, чем вопрос о необходимости создания адвокатуры. К 1922 году сомнений в необходимости стабильной государственно-правовой

---

²⁰⁹ Чорный И.Н. Адвокатура как институт защиты прав и свобод личности. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. СПб. 2011.

системы уже не возникало, поэтому вопрос «Нужна ли советскому государству прокуратура?» не ставился. Дискуссия касалась противоречия во взглядах на построение аппарата прокурорского надзора. Одни предлагали применить к прокуратуре вариант, опробованный в 1917–1922 гг. на местных органах управления юстицией, которые с одной стороны были подведомственны Наркомюсту, а с другой – входили в состав исполкомов. Сторонники этой точки зрения мотивировали свою позицию тем, что на местах исполкомы смогут обеспечить назначение на должности прокуроров наиболее надежных и проверенных работников.

Другие наоборот, считали руководство местных властей органами государственного надзора за законностью пагубным, считая, что это приведет к злоупотреблениям и коррупции. В конечном итоге победила вторая точка зрения.

Дело не только в том, что местные власти нередко вступали в конфликтные противоречия с органами юстиции. Если в вопросе о необходимости адвокатуры определяющей стала позиция Наркомюста, то в данном случае, решающую роль сыграло мнение Ленина. В мае 1922 года он написал письмо «О “двойном подчинении” и законности»²¹⁰, в котором раскритиковал сторонников идеи двойного подчинения, обрисовал принципы организации и деятельности советской прокуратуры. Характерно, что письмо датировано 22 мая, а уже 28 мая ВЦИК утвердил Положение о прокурорском надзоре.

Государственная прокуратура учреждалась в составе Наркомата юстиции РСФСР. Главой Прокуратуры – Прокурором Республики, становился Народный Комиссар Юстиции.

На прокуратуру возлагались: надзор за законностью путем возбуждения уголовного преследования против виновных в её нарушении

---

²¹⁰ Ленин В.И. О «двойном подчинении» и законности // Полн. собр. соч. (5-е издание). Т. 45. М., 1970. С.197–201.

и опротестования нарушающих закон постановлений, наблюдение за деятельностью следственных органов дознания в области раскрытия преступлений и органов Государственного Политического Управления; поддержание обвинения в суде; наблюдение за правильностью содержания заключенных²¹¹.

В непосредственном подчинении Прокурора Республики в губерниях находились Губернские Прокуроры. В ведение местных прокуратур переходили такие обязанности, как внесение представлений об отмене или изменении изданных органами незаконных распоряжений и постановлений и их опротестование через Прокурора республики²¹².

Прокурорам предавались широкие полномочия в области борьбы с преступностью, в частности, они могли возбуждать судебное преследование против должностных и частных лиц, как по собственной инициативе, так и по поступающим к нему жалобам и заявлениям, а так же опротестовывать в кассационном порядке приговоры и определения, выносимые судом²¹³.

Интенсивность деятельности местных прокуратур была достаточно высокой. В отчете Курской окружной прокуратуры за первое полугодие 1927 года приведены сведения о том, что прокуратура выявила «ряд незаконных, а подчас и преступных действий низовых органов власти, наиболее характерные из них – это неправомерное лишение избирательных прав, что вынудило прокуратуру заявить ряд протестов, по которым было восстановлено в правах 549 человек по губернии. <...> При выездах прокуратуры было принято 733 жалобы, из которых удовлетворено было 435. В результате этих жалоб было возбуждено против низовых работников ряд уголовных и дисциплинарных преследований»²¹⁴. Всего к

---

²¹¹ Положение о прокурорском надзоре. Постановление ВЦИК РСФСР от 26 мая 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 424.

²¹² Там же.

²¹³ Там же.

²¹⁴ ГАОПИКО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 716. Л. 169.

ответственности было привлечено 175 человек, из них 124 человека – к уголовной и 51 – к дисциплинарной ответственности. Прокуратурой было опротестовано 76 постановлений волостных и 69 постановлений сельских советов²¹⁵.

Местные прокуратуры активно использовали свои полномочия по надзору за законностью деятельности местных органов власти: по 220 постановлениям местных органов, опротестованных Курской губернской прокуратурой в 1927 году, были приняты 218 протестов²¹⁶. Тамбовской губернской прокуратурой во втором полугодии того же 1927 года было проверено 5800 жалоб и заявлений.

Прокуратуры занимались расследованием не только тех жалоб, которые поступали непосредственно к ним, но и газетных заметок и писем в редакцию. Их объем также был внушительным: из 640 проверенных писем, полученных в 1927 году редакцией тамбовской областной газеты, 345 содержали факты, расследование которых привело к дисциплинарными взысканиями и уголовными преследованиями²¹⁷.

Помимо отчетов о проверке самих жалоб, работники прокуратур должны были готовить отчеты об их движении, в которых, в числе прочих данных, указывались сведения о социальном положении жалобщиков. Эти отчеты являлись чистым бюрократизмом: источником таких сведений были сами жалобщики, которые, стремясь подчеркнуть лояльность к власти, сообщали свою принадлежность к определенному социальному слою, часто преподнося эту информацию в наиболее выгодном для себя аспекте. Проверить достоверность этих сведений было невозможно, что делало эту работу бессмысленной²¹⁸.

---

²¹⁵ ГАОПИКО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 716. Л. 170.

²¹⁶ Там же. Л. 299.

²¹⁷ ГАТО. Ф. Р–663. Оп. 1. Д. 1913. Л. 17–18.

²¹⁸ Фрадкин Л. Статистический учет социального положения жалобщиков, обращающихся в прокуратуру // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 36/37. С. 31.

При местных прокуратурах формировались группы содействия. Группы выбирались на собраниях рабочих, колхозников, инженерно-технических работников, групп бедноты и секций Советов. В зависимости от величины предприятия или колхоза численность их составляла от 3 до 7 человек. В группы содействия избирались «трудящиеся, достигшие 18 лет, не лишенные избирательных прав, не имеющие судимости, не опороченные по работе в общественных организациях, проявившие себя ударниками на производстве»²¹⁹. В группе должно было быть обеспечено участие женщин и молодежи.

Объем и характер задач, поставленных перед прокуратурой, объясняли предвзятость в отношении к ней местных властей, которые в начале и середине 1920-х годов считали прокуратуру «излишним балластом в структуре Советского аппарата»²²⁰, стесняющим местную инициативу.

Однако, в конце 1920 – начале 1930-х статус прокуратуры начинает меняться. Особенно ярко это проявилось в период кампании по поддержке коллективизации, когда на местных прокуроров впервые была сделана основная ставка как на ведущих исполнителей политической воли государства и укрепления позиций советского режима.

Об изменении статуса прокуроров свидетельствовал тот факт, что к середине 1930-х «многие прокуроры стали избираться в составы местных и областных партийных комитетов, а иногда становились членами бюро парткомов. Таким образом, прокуроры укрепили свои позиции в качестве составной части местных политических элит»²²¹.

Местные прокуратуры, как и все местные органы и учреждения юстиции, допускали в своей работе множество «перегибов», которые часто приводили к ведомственным противоречиям. В частности, это касалось

---

²¹⁹ ГАКО. Ф. Р-1174. Оп. 1. Д. 34. Л. 1.

²²⁰ ГАОПИКО. Ф. П-65. Оп. 1. Д. 700. Л. 202.

²²¹ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 166–167.

взаимоотношений с судами, к которым прокуратуры предъявляли требования о даче объяснений по поводу отдельных дел. Масштабы подобной практики были таковы, что НКЮ в ноябре 1922 года вынужден был выпустить циркуляр, в котором разъяснял, что «...в отношении к прокуратуре суд отнюдь не является подчиненным учреждением и посему предъявление каких-либо требований по отношению к судебным учреждениям со стороны прокуратуры недопустимо»²²².

Еще одним результатом судебной реформы стало создание нотариальных контор. Нотариальные столы, действовавшие при отделах юстиции, а позже при судебных участках, упразднились, вместо них Декретом СНК от 4 октября 1922 г.²²³ во всех городах РСФСР и крупных поселках создавались государственные нотариальные конторы.

Если нотариальные конторы, в силу каких-либо причин не создавались, то нотариальные действия на местах совершались народными судами (исключая совершение актов и засвидетельствование договоров). Главы нотариальных контор назначались президиумами губсовнарсудов из лиц, не лишенных политических прав. Претенденты должны были сдать экзамен в комиссии совнарсуда по разработанной НКЮ программе.

На нотариальные конторы возлагались совершение актов, для которых был установлен нотариальный порядок совершения; засвидетельствование договоров; совершение протестов векселей; засвидетельствование доверенностей, копий и подлинности подписей; удостоверение бесспорных обстоятельств (например, времени предъявления документов, нахождения лица в определенном месте); выдача различных выписок, хранение документов²²⁴.

---

²²² О взаимоотношениях прокуратуры и судебных учреждений. Циркуляр НКЮ от 11 ноября 1922 г. № 128 // Сборник циркуляров Наркомюста РСФСР за 1922 – 1925 гг. (действующих на 15 июля 1926 г.). М., 1926 г. С. 90.

²²³ О государственном нотариате. Декрет СНК РСФСР от 4 октября 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 63. Ст. 807.

²²⁴ Там же.

Сведения из Орловского Губсуда за 1925 год дают представление о численности нотариальных контор. В Орловской губернии в указанный год работали 11 контор: две в Орле, по одной в Ельце, Ливнах, Болхове, Малоархангельске, Дмитровске и Новосиле, по одной при 6 и 7-м участках Орловского уезда и нотариальное отделение Губсуда²²⁵. Штаты нотариальных контор были небольшими. По данным Орловского Губсуда количество служащих в нотариальных конторах колебалось от одного до 10 человек²²⁶. В 1923 году в Острогожском уезде Воронежской губернии в государственной нотариальной конторе работали заведующий и один сотрудник²²⁷. Судя по количеству совершенных нотариальных сделок, этого было вполне достаточно. С февраля по май в Острогожской конторе было совершено 130 нотариальных действий, с июня по август – 170, а в октябре – ноябре – 42²²⁸. Подобное положение было и в Орловской губернии – в декабре 1924 года Болховской нотариальной конторой было совершено 88 нотариальных действий²²⁹.

По данным Воронежского Губсуда с 1 октября 1923 г. по 1 октября 1924 г. по нотариальному отделению было совершено 8794 нотариальных действия, наиболее частыми из них были протесты векселей (5118), оформление нотариальных актов (927) и засвидетельствование сделок (764)²³⁰. Количество нотариальных сделок нарастало. В 1925 году нотариальное отделение Орловского Губсуда констатировало увеличение числа нотариальных сделок в губернии на 60 % в связи с развитием гражданского и торгового оборота²³¹. В 1925 году в 8 нотариальных

---

²²⁵ ГАОО. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 20. Л. 39.

²²⁶ ГАОО. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 20. Л. 73.

²²⁷ ГАВО. Ф. Р-410. Оп. 1. Д. 21. Л. 376.

²²⁸ Там же. Л. 240, 372, 482.

²²⁹ ГАОО. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.

²³⁰ ГАВО. Ф. Р-661. Оп. 1. Д. 46. Л. 117.

²³¹ ГАОО. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 20. Л. 71.

конторах, действовавших в районе Орловского Губсуда было совершено 31955 нотариальных действий на сумму 24 317 279 руб. 37 коп²³².

Так же как и для всех советских учреждений, для государственных нотариальных контор были характерны бюрократизм и волокита. Например, с такой мотивировкой в 1927 году в Воронеже был уволен с должности заместителя нотариуса П.П. Виллиамс²³³.

Деятельность нотариальных контор контролировалась нотариальными отделениями Губсудов и финотделами губернских исполкомов. Кроме того, нотариальные конторы обязаны были ежемесячно направлять отчеты о работе в отдел Госнотариата НКЮ. Размер таксы оплаты всех видов нотариальных действий устанавливался Декретом СНК РСФСР²³⁴.

Таким образом, в исследуемый период организационное строение системы юстиции подвергалось неоднократным изменениям. Причиной этого было усложнение социально-политических процессов и изменение их характера, а также изменение представлений власти о роли органов юстиции.

Одним из основных результатов действующей под эгидой Наркомюста РСФСР административной системы в период с 1917 по 1922 годы стало создание советской судебной системы. Однако нахождение судебных учреждений под управлением административных органов Наркомата юстиции оказалась невыгодна государству. В этой связи ликвидация местных отделов и бюро юстиции и передача функций управления губернским судебным органам представляется логичным

---

²³² Там же. Л. 74.

²³³ ГАВО. Ф. Р-3253. Оп. 1. Д. 4. Л. 5-6.

²³⁴ Такса оплаты нотариальных действий. Декрет СНК РСФСР от 8 декабря 1922 г. [Электронный ресурс] // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1429.htm (дата обращения: 25.06.2016).

шагом на пути обособления судебной системы, последовательно развивавшегося в рамках исследуемого периода.

Основополагающим элементом созданной большевиками судебной системы стал народный суд. Концепция народного суда складывалась под воздействием следующих факторов.

Убедившись в бесперспективности принципа революционной целесообразности, новая власть начала активно пропагандировать тезис о необходимости создания и безусловного применения революционной законности.

Это означало необходимость создания системы цивилизованного правосудия, максимально обеспечивавшей интересы народных масс. Большевики всячески стремились продемонстрировать цивилизованное советское правосудие не только собственному народу, но и буржуазным оппонентам в качестве бесспорного преимущества советского строя. Это подтверждал нарком юстиции Д.И. Курский: «...мы должны сказать, что мы создали наше право, что Европа должна будет приспособиться к этому праву, построенному на нашей экономике, так как по мере роста последней, мы диктуем наше право и Западу»²³⁵.

Отстаивая преимущество советского строя как самой передовой политической модели, большевики не могли открыто пропагандировать суд, как классовый орган, к тому же, явно классовые названия буквально воспринимались на местах как оправдание допустимости произвола по отношению ко всем остальным социальным слоям. Термин «народный суд» более соответствовал стратегическим целям большевистского режима.

Учреждение прокуратуры, адвокатуры и нотариата было вызвано не только усложнением задач, которые призвана была решать система

---

²³⁵ Курский Д.И. Итоги судебной работы и очередные задачи НКЮ. Доклад на V Всероссийском съезде деятелей советской юстиции // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 11. С. 18.

юстиции, но и стремлением большевиков продемонстрировать готовность к созданию цивилизованного правосудия, основанного на законности и способного не допустить нарушения прав советских граждан.

3.2. Условия деятельности органов и учреждений юстиции на местах

3.2.1. Кадровый потенциал и подготовка юридических кадров

Проблема недостатка кадров для новой власти была глобальной и касалась всех отраслей. Не хватало ни квалифицированных специалистов, которые могли бы наладить функционирование той или иной системы, ни рядовых работников. Во всех сферах это приводило к тому, что работники были перегружены, в результате эффективность решения поставленных задач была крайне низкой.

Смена власти неизбежно приводит к обновлению кадрового состава государственного аппарата. Заявив о непринятии и необходимости слома старых устоев государственного управления, большевики обрекли себя на ограниченные возможности использования опыта, накопленного в этой области. Для высших чиновников, владевших навыками управления сложными социальными процессами, сотрудничество с большевиками было невозможно по классовым причинам. Кроме того, сам принцип народного самоуправления предполагал, что на государственную службу должны прийти новые люди, представители ранее угнетенных классов.

В советской историографии на протяжении длительного периода господствовала идеализация советских, а особенно, партийных работников первых послереволюционных лет. Подчеркивалась их ответственность, целеустремленность, стремление преодолевать любые трудности. Самопожертвование, обусловленное верой в справедливость

новой власти и верой в светлое будущее, представлялась как основа усилий, которые предпринимались неопытными и необразованными людьми в решении сложнейших государственных задач.

Большевикам действительно удалось создать государственный аппарат, способный решать сложные и масштабные задачи. Этого невозможно было достичь, опираясь только на революционный энтузиазм и самопожертвование. Накопление управленцем профессионального опыта невозможно вне формализованной структуры с заданными функциями. На местах это были исполнительные комитеты местных советов, включавшие в себя отделы, руководившие отдельными отраслями, в том числе, и отделы юстиции.

Еще одним важным условием продуктивной деятельности управленца является наличие у него общих и профессиональных знаний. Возможность планомерного обучения исключалась сложившимися в послереволюционную эпоху реалиями, которые требовали немедленных решений. Поэтому многие советские управленцы осваивали необходимые профессиональные знания параллельно с практической деятельностью, что в известной степени, повышало их общую компетентность.

Сфера юстиции имеет свои особенности, которые значительно ограничивали возможности эксплуатации революционного энтузиазма. Когда стала очевидна бесперспективность идеи о том, что революционная сознательность сделает ненужными государственное правосудие и государственную деятельность по охране правопорядка, стало ясно, что для юстиции, как и для других государственных отраслей, необходимы профессиональные кадры, однако, получить эти кадры оказалось сложнее.

Сохранение содержания юридического образования в новой политической системе было невозможно, так как новый политический режим создал новое советское право. Кроме того, кадры, которые преподавали старое право, были не готовы преподавать новое, к тому же часто они не принимали его на концептуальном уровне.

В результате исследования кадрового потенциала органов и учреждений юстиции на местах нами были выделены четыре категории работников юстиции исследуемой эпохи²³⁶.

К первой категории относились сторонники нового режима, которые понимали и принимали его принципы и идеалы, искренне верили в изменения, стремились ответственно относиться к работе, с энтузиазмом выполняли свои обязанности. Главной их проблемой было отсутствие образования, профессионального опыта, и низкий культурный уровень. Один из сотрудников НКЮ в воспоминаниях, написанных в эмиграции, отмечал: «Некоторые из людей, выдвинутых переворотом из совершенного ничтожества на степень государственных работников, чрезвычайно ревниво относились к этому своему положению и изо всех сил старались исполнять возложенные на них обязанности, стремились обдумать и обсосать каждое дело так, чтобы, как говорится, комар носа не подточил, но в силу полного отсутствия навыка к работе безнадежно погрязали в мелочах и теряли возможность добраться до правильного разрешения коренного вопроса»²³⁷.

Ко второй категории относились лица, которые понимали свободу и народовластие как произвол и вседозволенность. Они открыто совершали должностные правонарушения, злоупотребляли властью,

---

²³⁶ Крыжан А.В. Провинциальные работники юстиции первого десятилетия Советской власти // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 4 (10). 2011. Часть 1. С. 87.

²³⁷ Майер Н. Служба в комиссариате юстиции и народном суде // Архив русской революции. Т. 8. М., 1991. С. 86.

оправдывая это революционными лозунгами. Подобное поведение дискредитировало идею народной власти, дестабилизировало и без того непрочную ситуацию. Особенно заметно это было на местах. Неподобающее поведение местных советских и партийных чиновников было настолько распространенным явлением, что большевики вынуждены были официально признать эту проблему. В докладе на 2-й Курской губернской партийной конференции в октябре 1918 года говорилось: «в исполкомах сидят уголовные преступники, за которыми числится не один случай подлога и растраты денежных сумм. В Новом Осколе исполком торгует водкой, которую он успел продать на 4 млн. рублей²³⁸. Комиссары пьянствуют вместе с членами комитета партии и, вдобавок, спаивают красноармейцев»²³⁹.

Третью категорию составляли бывшие судебные-следственные работники, согласившиеся сотрудничать с новой властью. Их преимуществом было наличие профессиональных знаний и опыта. К таким работникам относились с недоверием. Поскольку назначения на руководящие должности зависели от местных исполкомов, они имели минимальные шансы на продвижение по службе. К тому же, дореволюционные юристы не понимали отношения большевиков к правосудию как к временному институту, которое на местном уровне сохранялось до середины 1930-х годов. Не приветствовали они и чрезмерного увлечения трибунальной юстицией²⁴⁰. Большинство юристов, получивших образование до революции, работали в качестве правозащитников. Это еще более усугубляло недоверие к ним, поскольку адвокатура многими воспринималась как институт, не соответствовавший основой нового государства.

---

²³⁸ Для сравнения – в 1918 году Щигровский уездный исполком запросил у Наркомата юстиции на полугодовое содержание местных судей 92250 рублей.

²³⁹ ГАОПИКО. Ф. П–65. Оп. 1. Д. 3. Л. 38.

²⁴⁰ См. Право Советской России: Сборник статей. Прага, 1925.

Четвертую категорию составляли люди, которым просто не на что было жить, а в учреждениях юстиции ощущалась острая нехватка кадров. К претендентам на низовые должности не предъявлялось вообще никаких требований, а от желающих занять ответственные должности требовалась только политическая лояльность. Работа в органах юстиции вообще считалась не слишком серьезным делом, и наиболее образованные и квалифицированные кадры к ней не привлекались²⁴¹.

Один из первых Наркомов юстиции Д.И. Курский считал кадровую проблему одной из самых важных. В сентябре 1918 года, фактически сразу после своего назначения, он запросил сведения о состоянии кадров местных судов (всего были представлены данные по 3267 судам), на основании которых сделал неутешительный вывод: судьи и народные заседатели избирались из людей совершенно не подготовленных, но имевших «правильное» социальное происхождение. Он считал неверной практику, при которой требования политической лояльности преобладают над требованиями профессиональной подготовки, а «профессиональные судьи составляют сравнительно ничтожный процент»²⁴².

В «Пожеланиях губернского совещания народных судей, народных следователей и исполнителей судебных решений», состоявшегося в г. Курске 27 декабря 1921 г., вопрос о пополнении кадров работниками более высокой квалификации рассматривался как один из важнейших²⁴³.

По данным анкет и спискам ответственных и канцелярских работников, представлявшихся уездными бюро юстиции в губернский

---

²⁴¹ Очерк первых дней советской юстиции (автор указан как «Обозреватель») // Еженедельник Советской юстиции. 1922. № 46–47. С. 5.

²⁴² Курский Д.И. Избранные статьи и речи. М., 1958. С. 61–62.

²⁴³ ГАКО. Ф. Р–451. Оп. 2. Д. 7. Л. 4.

отдел, нами проанализирован образовательный уровень работников юстиции Курской губернии в 1921 году²⁴⁴.

В Курском уездно-городском бюро из 12 работников только один окончил университет, а двое – гимназию. В Дмитриевском и Старооскольском уездах высшее образование имели по два работника, при этом в Дмитриевском уезде 22 работника из 31 имели только начальное образование. Наиболее высоким был образовательный ценз работников Белгородского бюро юстиции: пять сотрудников имели высшее университетское образование, семь – среднее и один – домашнее»²⁴⁵.

Данные Курского губернского отдела позволяют проследить образовательный уровень работников юстиции различных учреждений.

Таблица 1

Сведения о личном составе судебных учреждений Курского судебного округа в июле 1920 г.²⁴⁶

Наименование учреждения	Кол-во работников	Партийность		Образование		
		члены РКП (б)	б/парт	высшее	среднее	начальное
Следственные комиссии	43	20	23	9	13	21
Народные суды	84*	9	75	6	31	47
Совет народных судей	4	3	1	1	2	1
Революционный трибунал	6	6	–	1	3	2
Коллегия защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе	25*	1	24	10	7	8
Судебные исполнители	17	–	17	–	14	3

²⁴⁴ Крыжан А.В. Кадровое обеспечение деятельности органов юстиции в первые годы советской власти // Научные ведомости БелГУ. № 1 (120). 2012. Выпуск 21. С. 180–181.

²⁴⁵ ГАКО. Ф. Р–451. Оп. 1–Л. Д. 28. Л. 20–28.

²⁴⁶ Таблица составлена по данным, представленным в Курский губернский отдел юстиции. См. ГАКО. Ф. Р–451. Оп. 1–Л. Д. 6. Л. 112–120.

Карательный отдел	12	1	11	1	10	1
Всего	191	40	151	28	80	83

* без данных по Тимскому уезду

Таблица 1 показывает, что по сравнению с судами, количество работников, имевших высшее образование, в следственных комиссиях было в полтора раза больше. Причина этого в разнице требований, предъявлявшихся к народным судьям и народным следователям Положением о народном суде РСФСР. И те и другие выбирались из числа лиц, имевших избирательное право, однако, судьи должны были «иметь политический опыт работы в пролетарских организациях» или «иметь теоретическую и практическую подготовку для должности советского судьи», тогда как от следователей требовалось «иметь теоретическую и практическую подготовку для должности советских следователей»²⁴⁷.

Данные таблицы свидетельствуют, что наилучшие кадровые показатели имела коллегия защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе. Из 25 членов коллегии 10 имели университетское образование, семь человек окончили гимназию или городские либо уездные училища, остальные восемь в анкетах определяют свое образование как начальное²⁴⁸.

После упразднения в конце 1920 года коллегий защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе были образованы юридические консультации. К началу 1921 года в Курской губернии в должности консультанта было утверждено 28 человек. Университетское образование имели 15 работников (из них двое – неоконченное), среднее образование – 10, начальное – один,

²⁴⁷ Положение о Народном Суде РСФСР. Декрет ВЦИК РСФСР от 21 октября 1920 г. // СУ РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407.

²⁴⁸ ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 1-Л. Д. 6. Л. 112-120.

образовательный уровень двоих в документах не указан. В дореволюционных судебных учреждениях работали 15 из 28 человек. Среди них не было ни одной женщины, ни одного коммуниста²⁴⁹.

По данным таблицы 1 видно, что в 1920 году 56 % работников органов и учреждений юстиции Курской губернии имели высшее и среднее образование. С современных позиций такое положение, безусловно, можно считать неудовлетворительным. Применительно к исследуемому периоду, следует иметь в виду, что штаты органов и учреждений юстиции на местах были немногочисленными, эти люди работали в постоянном контакте друг с другом. В этих условиях, потенциал работников, имевших высшее юридическое образование, несомненно, оказывал корректирующее влияние на качество работы необразованных сотрудников.

Помимо этого, играло свою роль и централизованное руководство местными органами юстиции со стороны Наркомюста. Многочисленные циркуляры и письма четко регламентировали их деятельность, предписывая те или иные мероприятия, что снижало остроту кадровой проблемы, поскольку работники на местах могли воспользоваться готовыми решениями.

Кадровая проблема заключалась не только в недостаточной образованности, но и в отсутствии у значительной части работников практического опыта. Данные об этом приведены в таблице 2.

Данные таблицы 2 позволяют составить словесный портрет среднестатистического работника уездного бюро юстиции: это 36-летний мужчина, не состоявший в партии, со средним или начальным образованием и, возможно, опытом работы в дореволюционной судебной системе (наиболее

---

²⁴⁹ ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 1. Д. 20. Л. 2-16.

часто – в качестве делопроизводителя, помощника мирового судьи или присяжного поверенного)²⁵⁰.

Таблица 2

**Сведения об ответственных работниках уездных бюро
Курской губернии²⁵¹**

Название уезда	Кол-во работников	Средний возраст	Образование			Пол		Партийность		Опыт работы в суде
			высшее	среднее	начальное	муж	жен	ком-ты	б/п	
Щигровский	9	24	–	1	8	9	–	3	6	3
Новооскольский	9	42	1	3	5	9	–	–	9	4
Белгородский	12	36	6	2	4	12	–	3	9	10
Обоянский	10	31	1	4	5	10	–	1	9	3
Рыльский	11	41	2	4	5	11	–	2	9	5
Грайворонский	10	42	3	6	1	10	–	2	8	5
Дмитриевский	10	40	1	5	4	10	–	3	7	3
Всего	71	36	14	25	32	71	–	14	57	33

Если работник проявлял себя как знающий и квалифицированный, его быстро перемещали на более ответственный участок работы. Такие ситуации приводили к очевидным сбоям в работе – в условиях нехватки кадров заменить квалифицированного работника не представлялось возможным. Уход одного человека из уездной структуры мог парализовать её работу. В одном из отчетов Обоянского уездного бюро юстиции отмечалось, что уездный исполнительный комитет постановлением отозвал от должности председателя бюро товарища Ташкова, вследствие чего «убюст, лишившись штатного юриста, оказался если не в беспомощном в смысле предстоящей специальной работы, то в очень затруднительном положении»²⁵².

²⁵⁰ ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 1. Д. 28. Л. 22.

²⁵¹ Таблица составлена по данным, представленным уездными бюро в Курский губернский отдел юстиции. См. ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 1–Л. Д. 6.

²⁵² ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 1. Д. 13. Л. 8.

Текучесть кадров являлась острой проблемой для молодого советского правосудия. Свои посты покидали как компетентные работники, хорошо зарекомендовавшие себя, которых быстро переводили на другую, более престижную работу, так и некомпетентные, случайные люди. Опыт практической деятельности, несомненно, мог компенсировать недостаток формального образования, но у работников молодой советской юстиции не было ни того, ни другого. Можно согласиться с выводом П. Соломона: «Советские работники правовой сферы не были общественниками, работавшими бесплатно, но они не были также профессионалами, поскольку не обладали образованием и чувством корпоративной солидарности, присущим статусу юриста. Большинство работников судебной сферы в СССР, как и большинство политических руководителей на местах, были любителями, простыми людьми, которые выполняли новые для них роли, странные и прекрасные»²⁵³.

Небезынтересными являются сведения о партийной принадлежности работников юстиции в 1920 году.

Таблица 3

Сведения о партийной принадлежности служащих органов управления юстицией и работников судебно-следственных учреждений Курской губернии²⁵⁴

Должность	Муж	Жен	Партийная принадлежность				Всего
			коммунисты	сочувствующ. коммунистам	безпартийные	другие партии	
Народные судьи	73	1	10	12	52	–	74
Заведующий отделом юстиции,	1	–	1	–	–	–	1

²⁵³ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 34.

²⁵⁴ Таблица составлена по данным анкет, полученных НКЮ 4 августа 1920 г. См. ГАРФ. Ф. А–353. Оп. 3. Д. 158.

председатель губревтрибунала							
Председатель бюро Совещания народных судей	1	–	–	–	1	–	1
Председатель коллегии правозаступников и обвинителей	1	–	–	–	1	–	1
Председатель следственной комиссии губревтрибунала	1	–	1	–	–	–	1
Председатели уездных следственных комиссий	7	–	7	–	–	–	7
Члены губернского Совнарсуда	1	–	1	–	–	–	1
Члены коллегии губревтрибунала	2	–	2	–	–	–	2
Члены следственной комиссии губревтрибунала	2	–	1	–	1	–	2
Члены уездных следственных комиссий	20	–	4	1	15	–	20
Члены коллегии правозаступников	2	1	–	–	3	–	3
Судебные следователи	2	–	–	2	–	–	2
Исполнители судебных решений	12	–	–	1	11	–	12
Правозаступники	16	–	1	–	15	–	16
Инструкторы	2	–	–	–	2	–	2
Бухгалтеры	1	–	–	–	1	–	1
Заведующий уголовно-следственной комиссией	1	–	1	–	–	–	1
Секретари отдела юстиции	–	1	–	–	1	–	1
Секретари Губсовнарсуда	–	3	–	–	3	–	3
Секретари Губревтрибунала	1	–	–	–	1	–	1
Секретари карательного подотдела	1	–	–	–	1	–	1
Секретари уездных следственных комиссий	6	1	–	–	7	–	7
Секретари нарсудов	61	8	3	7	59	–	69
Итого	214	16	32	23	175	–	230

Данные таблицы показывают, что в летом 1920 года только 14 % юридических работников Курской губернии (32 из 230) были членами РКП(б)²⁵⁵.

Профессиональная некомпетентность работников юстиции стала особенно очевидной к концу 1920 года с вступлением в силу гражданского, уголовного, уголовно-процессуального и гражданско-

²⁵⁵ ГАРФ. Ф. А–353. Оп. 3. Д. 158. Л. 15.

процессуального кодексов РСФСР. В этих условиях судьи, «которые не в состоянии по малоразвитости и неподготовленности самостоятельно писать приговоры и решения»²⁵⁶ и следователи, которые прекращали дела «вследствие не обнаружения виновного»²⁵⁷ могли спровоцировать нежелательные для власти последствия.

В марте 1928 года в газете «Орловская правда» была опубликована заметка «Шемякин суд», подписанная «Н.Б.», в которой высмеивался оправдательный приговор, вынесенный судьей Степановым братьям Павловым, подозреваемым в краже семян конопли и ржи из амбаров Россошевского пункта «Хлебопродукта». Несмотря на то, что при обыске у братьев были обнаружены украденные конопля и рожь, судья мотивировал оправдательный приговор тем, что «кража была осуществлена через забор трехметровой высоты и для этого нужна лестница, а у Павловых есть только короткая лестница с тремя порожками и по ней невозможно подниматься и спускаться с мешком конопли»²⁵⁸.

В 1927 году в Тамбовский губернский суд поступила кассационная жалоба М.В. Фомина: его отцовство было признано вопреки отсутствию четких доказательств. Кроме того, на одном из заседаний в качестве судебного заседателя по данному делу была привлечена гражданка Севастьянова, которая не состояла в списках заседателей 1927 года²⁵⁹.

В 1928 году нарсуд одного из судебных участков Тамбовской губернии признал отцовство гражданина Филатова и взыскание с него алиментов по иску гражданки Шуваловой на основании «установления сходства глазами» с Филатовым дочери Шуваловой, которой было уже 17 лет²⁶⁰.

---

²⁵⁶ ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 1. Д. 38. Л. 39.

²⁵⁷ ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

²⁵⁸ Н.Б. Шемякин суд // Орловская правда. 1928. 3 марта.

²⁵⁹ ГАТО. Ф. Р-524. Оп. 1. Д. 858. Л. 213.

²⁶⁰ Там же. Л. 112.

Приведенные случаи влекли материальные затраты, влияли на судьбы людей. Кроме того, такие курьезы означали, что правонарушитель был избавлен от наказания, что в целом дискредитировало саму идею правосудия. Очевидно, что причиной подобных действий судей могла быть не только безграмотность и отсутствие профессиональных компетенций, но и коррупция.

Попытки решения кадровой проблемы предпринимались еще в начале 1920-х годов. В поисках кадров губернские отделы юстиции предписывали уездным бюро обращаться к партийным комитетам²⁶¹. Говорить о профессионализме партийных выдвиженцев не приходилось – они были далеки от юридических знаний.

Можно утверждать, что привлечение партийно-советских работников к исполнению судебно-прокурорских должностей было первым этапом «выдвиженчества» в сфере юстиции, хотя сам термин вплоть до второй половины 1920-х широко не использовался. Сущность выдвиженчества и масштабы использования выдвиженцев в органах и учреждениях юстиции на местах будут проанализированы ниже. В середине 1920-х привлечение партийных и советских кадров на работу в органы юстиции было явлением распространенным, таким путем оказались на службе в органах юстиции многие рядовые сотрудники судебно-следственных органов и прокуратур. Однако, эффективность партийно-советского «выдвиженчества» была крайне низкой.

В 1921 году вопрос об органах юстиции был рассмотрен Президиумом ВЦИК. Это свидетельствовало об изменении отношения власти к органам и учреждениям юстиции, признании их важности. В постановлении говорилось: «...на деятельность органов юстиции должно

---

²⁶¹ ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 1. Д. 22. Л. 69.

быть обращено особое внимание, их авторитет должен быть укреплен и поднят на соответствующую высоту»²⁶².

Власть все чаще указывала, что налаживание и укрепление Советского государственного аппарата невозможно без проведения четкого разграничения между законом и субъективным мнением, без приоритета закона и устранения самоуправства. Органам и учреждениям юстиции в этом процессе отводилась ключевая роль, для её выполнения необходимо было принять конкретные меры по повышению профессионального и образовательного уровня работников.

Однако после судебной реформы 1922 года из-за роста численности судебных работников на местах изменения происходили, скорее, в худшую сторону. Негативную роль в этом сыграла установка на привлечение для работы в юстиции членов партии. По данным Курского Губсуда «руководящая роль в судорганах принадлежит членам ВКП(б), которых на 1 июля 1926 г. было: среди членов Губсуда – 81,9%, уполномоченных Губсуда – 100%, нарсудей – 77,6 %. Беспартийные товарищи работают на менее ответственных должностях и наибольший % беспартийных приходится: на запасных судей Губсуда – 60%, старших следователей – 71,4%, нарследователей – 55,6%, нотариусов – 93,7%. Объясняется это тем, что эти должности требуют специальной подготовки и среди партийных товарищей нет достаточного числа лиц, обладающих специальными знаниями»²⁶³.

В таблице 4 представлены данные Курского губернского суда за 1926 г.

---

²⁶² ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 27. Л. 156.

²⁶³ ГАКО. Ф. 325. ОП. 1. Д. 1112. Л. 4.

Таблица 4.

**Образование, социальное положение и стаж работников
Курского Губернского суда²⁶⁴**

Наименование должности	Общ кол- во	Образование			Соц. положение			Юр. стаж	
		выс	ср	низ	раб	кр- не	служ	до рев	посл рев
Председатель Губсуда, его заместители и члены Губсуда	22	3	5	17	7	-	15	1	21
Запасные судьи	11	3	2	6	2	1	8	1	10
Народные судьи	85	2	26	57	27	17	41	1	84
Уполномоченные Губсуда	7	2	2	3	-	-	7	-	7
Старшие следователи	7	2	2	3	-	-	7	1	6
Народные следователи	45	12	9	24	3		42	2	43
Нотариусы	16	4	3	9	2	-	14	6	10
Секретари нарсудов	86	2	8	76	5	68	13	8	78
Судебные исполнители	22	-	1	21	3	2	17	1	21
Всего	301	25	56	220	50	89	161	21	280

Как видим, по-прежнему, большинство работников имели весьма низкий образовательный уровень, только 8,3% имели высшее образование. Наиболее образованной категорией, как и в 1918–1922 гг., оставались следователи. Численность личного состава увеличилась в три раза, работники с высшим и средним образованием составляли теперь 27%, что в два раза ниже данного показателя в 1920 года (56%). Доля служащих, имевших дореволюционный стаж, сократилась до 7%, по сравнению с 46% 1920 годом.

Портрет среднестатистического работника местной юстиции 1926 года изменился по сравнению с началом 1920-х. Это был мужчина с

²⁶⁴ Таблица составлена по данным о работниках Курского Губернского суда за 1926 год. ГАКО. Ф. 325. ОП. 1. Д. 1112. Л. 5.

начальным образованием, незначительным опытом работы в судебных органах или вообще без такового.

Благодаря так называемым «выдвиженцам» в органах юстиции появились и женщины. В середине 1926 года в Курском губсуде одна женщина занимала руководящую должность и три работали на рядовых должностях, две женщины являлись членами Коллегии правозащитников. В октябре 1928 года председатели окружных судов в ЦЧО получили из областного суда секретный циркуляр: «В связи с осуществлением директив ЦК ВКП(б) и постановления бюро Обкома ВКП(б) об усилении выдвижения женщин как членов партии, так и беспартийных, на ответственную работу, облсуд предлагает срочно сообщить, какое количество мест и на какую работу в окрсуде может быть предоставлено женщинам-выдвиженкам»²⁶⁵.

С образованием ЦЧО образовались областные и окружные суды. По данным Президиума центрально-черноземного областного суда, предоставленным в Облисполком в октябре 1928 года в окружные суды были избраны 92 работника, из них 95,6 % были членами ВКП(б), 60,9 % – выходцами из рабочих, 21,7 % – из крестьян. Высшее образование имели 3,3 %, среднее – 7,6 %, низшее – 89,1 %. Так, например, в Орловском окружном суде из 144 работавших, включая и вновь избранных, высшее образование имели 13 человек²⁶⁶.

Единственная положительная тенденция наблюдалась в изменении соотношения работников, имеющих практический опыт и стаж работы – 59,8 % имели стаж более 5 лет. Однако, при сравнении с показателями, свидетельствующими об образовании, становится ясным, что этот практический опыт в большинстве случаев был связан с исполнением в судебно-следственных учреждениях технической работы, не требующей

---

²⁶⁵ ГАВО. Ф. Р-3253. Оп. 1. Д. 4. Л. 13.

²⁶⁶ ГАОО. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 42. Л. 18.

специальных знаний. Характерно, что Президиум областного суда нашел, что «в общем состав вполне удовлетворителен», озабоченность вызвало то, что «количество женщин (10 %), избранных в состав окрсудов, является явно недостаточным». Президиум предложил «всем окрсудам ЦЧО при заполнении вакантных мест заполнять таковые по возможности женщинами»²⁶⁷.

Значительно увеличилось количество коммунистов. В 1926 году среди курских следователей и судей было более 70% коммунистов, тогда как в 1920 году их было только 19%. В Воронежской губернии в период с 1923 по 1924 год количество коммунистов в составе Губсуда выросло с 14,8 % до 16 %²⁶⁸. Однако улучшение количественных показателей по партийности кадрового состава не улучшало качества кадров.

В октябре 1927 года Председатель Курского губернского суда Малышев вынужден был написать секретное письмо в организационный отдел Курского губкома ВКП(б) и Председателю Курского губисполкома, в котором обвинял местные власти в несерьезном отношении к вопросу выдвижения кандидатов на судебно-следственную работу. Он подчеркивал, что «Губсуд бывает вынужден возбуждать ходатайства перед ГИКом об отзыве Нарсудьи вследствие несоответствия его как по своей работе, так, зачастую, по нравственным его качествам. Немало среди нарсудей, отозванных ГИКом, за пьянство, за неавторитетность, за дискредитирование власти, взятки, растраты и за ряд других преступных деяний. <...> Число привлеченных за 1926/27 год нарсудей и нарследователей к уголовной ответственности (14 чел.) говорит, что подбор судебно-следственных работников производится без должного внимания и большая доля в этом вины, безусловно, падает на местные партийные и советские организации»²⁶⁹.

---

²⁶⁷ ГАВО. Ф. Р-3253. Оп. 1. Д. 4. Л. 14.

²⁶⁸ ГАВО. Ф. Р-661. Оп. 1. Д. 46. Л. 38.

²⁶⁹ ГАОПИКО. Ф. П-65. Оп. 1. Д. 716. Л. 251.

Здесь сделаем отступление, связанное с грифом «секретно». Завеса секретности и таинственности сознательно поддерживалась большевиками. С одной стороны, это привлекало людей, воспитанных в первое постреволюционное десятилетие в духе революционной романтики. «Право на дозированную информацию, не предназначенную для других, создавало у рядовых членов партии иллюзию приобщения к власти и гордость доверием, оказанным им»²⁷⁰. С другой стороны, власти, все более отдалявшейся от народа, приходилось сталкиваться с обстоятельствами, о которых не желательно было информировать широкие массы.

Если вернуться к письму Малышева, то на первый взгляд в нем нет ничего секретного – о пьянстве и взятках судей обывателям было хорошо известно. Однако основания для грифа «секретно» были. Во второй части Малышев сообщает: «на такое ненормальное положение дела в подборе судработников обращено внимание Верховным Судом, который 17 октября с.г. доподлинно написал Губсуду следующее: “из вашего суда почти каждый день поступают коротенькие сообщения о том, что привлечен такой-то нарсудья или нарследователь и дело о них направляется или на предание суду или на прекращение. Нас эти ваши сообщения заинтересовали, во-первых, потому что их очень много по сравнению с другими судами, и, во-вторых, потому что из этих сообщений следует, что видимо состав нарсудей и нарследователей у вас недостаточно хорошо подобран и проверен. Поступающие сообщения указывают или на взяточничество, или на дискредитирование власти”»²⁷¹.

Проблема недостаточной образованности и квалификации советских судей сохранялась и в начале 1930-х годов. П. Соломон приводит слова А.Я. Вышинского, сказанные на I Всесоюзном совещании судебно-прокурорских работников в 1934 году: «Некоторые [судьи] считают, что

---

²⁷⁰ Смоленский архив // Вопросы истории. 2003. № 11. С. 4.

²⁷¹ ГАОПИКО. Ф. П-65. Оп. 1. Д. 716. Л. 251.

если приговор напичкан ссылками на индустриализацию, вторую пятилетку, классовую борьбу, империалистические происки и пр., то значит, приговор политически выдержан»²⁷².

Одной из наиболее сложных проблем до реформы 1922 года была проблема отсутствия квалифицированных защитников. В середине – второй половине 1920-х ситуация в лучшую сторону не изменилась. Численность адвокатских коллегий до 1928 года постоянно возрастала. Так, в Воронежской губернии состав коллегии увеличился с 55 человек в 1923 году до 70 человек в 1924. Численность членов партии среди адвокатов оставалась на низком уровне – в 1924 году в Воронежской губернской коллегии работал только один большевик²⁷³. Анализируя эту ситуацию, президиум Воронежского Губернского суда признавал: «Единственное, чего лишен возможности провести Губсуд – это бросить в Коллегию партийные силы. Отсутствие подходящих к этой работе партийцев делает все попытки в этом направлении безрезультатными»²⁷⁴.

В составе Курской коллегии правозащитников по данным на второе полугодие 1923 года работали 60 человек с высшим образованием, 40 – со средним и 28 – с низшим²⁷⁵. Таким образом, количество адвокатов с высшим и средним образованием за два года снизилось с 89% до 78 %. Произошло это из-за роста численности коллегий. Таковы были результаты политики в отношении молодой советской адвокатуры, исчерпывающе охарактеризованной в плане работы Воронежской губернской коллегии защитников на 1924–1925 годы: «истолкование и применение действующих норм права должно основываться, прежде всего, на классовом их понимании и, т.о., юридическое специальное образование

---

²⁷² Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 158.

²⁷³ ГАВО. Ф. Р-661. Оп. 1. Д. 46. Л. 40.

²⁷⁴ ГАВО. Ф. Р-661. Оп. 3. Д. 18. Л. 90.

²⁷⁵ Там же. Л. 217.

является желательным, но не обязательным требованием для работников юридических консультаций»²⁷⁶.

Численность работников советской прокуратуры, образованной в ходе судебной реформы, была сопоставима с численностью адвокатуры. В феврале 1924 года в Орловской Губернской прокуратуре работали 62 человека, из них 30 – в г. Орле и 32 – в уездах²⁷⁷. В начале 1930-х годов численность работников прокуратур сократилась. В прокуратуре г. Курска в начале 1933 года работало 13 человек, а к лету того же года количество работников сократилось до 11 чел²⁷⁸. Из них только 4 имели юридическое образование (36,3%), двое были членами ВКП(б), один – кандидат (27,2%). Самому старшему работнику было 46, а самому молодому – 27 лет²⁷⁹.

Понимая значимость прокурорского надзора, Наркомюст предпринимал последовательные шаги к повышению образовательного уровня работников местных прокуратур. В 1923 году был выпущен циркуляр, согласно которому Отдел прокуратуры НКЮ предлагал принимать на должности ответственных работников (прокуроры и их уездные помощники) только после проверки теоретических знаний и практических умений претендентов. Для этого при губернской прокуратуре создавались испытательные комиссии, состоявшие из губернского прокурора или его заместителя и помощника прокурора по общему надзору и надзору за органами следствия и дознания.

В задачу комиссии входило выяснение знания претендентом Конституции, судеоустройства РСФСР, советского законодательства, инструкций и распоряжений НКЮ, правил составления юридических документов, основ делопроизводства и отчетности. Для выяснения

---

²⁷⁶ ГАВО. Ф. Р-661. Оп. 1. Д. 46. Л. 112.

²⁷⁷ ГАОО. Ф. Р-1220. Оп. 1. Д. 105. Л. 17.

²⁷⁸ ГАКО. Ф. Р-1174. Оп. 1. Д. 66. Л. 1.

²⁷⁹ Там же. Л. 34.

практических навыков претенденту предлагалось написать заключение по жалобе, постановление или обвинительное заключение²⁸⁰.

Сведения о партийной принадлежности работников прокуратуры противоречивы. На 1-м окружном съезде работников юстиции, проходившем в 1929 году, в докладе окружной прокуратуры было сказано, что все её сотрудники являются коммунистами²⁸¹. Между тем, приведенные выше цифры этого не подтверждают. Можно предположить, что в докладе учитывались только ответственные работники, без учета данных технического персонала и «партийность» прокуратуры, так же как и остальных учреждений юстиции была на невысоком уровне.

Невысок для того времени был и процент следователей коммунистов. В следственном комитете Курской окружной прокуратуры на 1 января 1929 г. было 63 % членов или кандидатов ВКП(б) и ВЛКСМ²⁸².

Из общей картины не выбивались и народные заседатели. Это была довольно многочисленная категория.

Таблица 5

Сведения о народных заседателях, избранных в Богучаровском уезде Воронежской губернии на 1925 год²⁸³

	1	2	3	4	5
	участок	участок	участок	участок	участок
Всего	204	204	202	200	198
мужчин	174	175	179	163	180
женщин	30	29	23	37	18
По партийности					
членов ВКП(б)	26	13	14	5	6
кандидатов	5	10	5	3	3
РЛКСМ	8	10	12	16	5
б/п	166	171	171	176	184

²⁸⁰ Об установлении проверки знаний при приеме ответственных работников прокуратуры. Циркуляр НКЮ от 9 ноября 1923 г. № 239 // Сборник циркуляров Наркомюста РСФСР за 1922– 1925 гг. (действующих на 15 июля 1926 г). М., 1926 г. С. 111–112.

²⁸¹ ГАКО. Ф. Р–1721. Оп. 1. Д. 8. Л. 16.

²⁸² ГАКО. Ф. Р–1721. Оп. 1. Д. 8. Л. 16.

²⁸³ Таблица составлена по данным по пяти судебным участкам Богучаровского уезда Воронежской губернии за 1925 г. ГАВО. Ф. Р–410. Оп. 1. Д. 25. Л. 11.

По социальному положению					
рабочих	15	7	-	-	-
крестьян	91	159	174	175	153
красноармейцев	1	5	11	6	40
служащих	98	29	7	18	5
По образованию					
неграмотные	1	-	16	26	3
малограмотные	24	57	52	73	2
низшее	126	138	129	91	192
среднее	51	9	5	10	1
высшее	3	-	-	-	-

Из таблицы видно, что из 1008 избранных в уезде народных заседателей 75 % были выходцами из крестьян. Женщин было выбрано 13,5 %, процесс их выдвижения только набирал обороты. Очевидна и проблема с партийностью избранных – 8,9 % были членами и кандидатами в члены ВКП(б). Даже если усилить эту цифру комсомольцами, то все равно процент партийных заседателей был нежелательно мал – 13,9 %. Красноречивыми являются сведения об образовании: лишь 7,8 % народных заседателей Богучарского уезда имели среднее или высшее образование.

В октябре 1928 года Воронежский окружной комитет ВКП(б) дал указание всем райкомам «добиться большего участия в выборах народных заседателей рабоче-крестьянских масс и улучшения социального состава избираемых за счет большего вовлечения рабочих, бедняков и батраков, особенно женщин». Было установлено процентное соотношение выдвигаемых кандидатов: «для женщин – не менее 30 %, батраков – не менее 10 %»²⁸⁴.

Таким образом, на протяжении всего периода 20–30-х годов система юстиции испытывала острую кадровую проблему. Она имела несколько составляющих. Во-первых, острая нехватка работников,

²⁸⁴ ГАВО. Ф. Р-3253. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

имевших профессиональное юридическое образование и опыт работы в отрасли. Во-вторых, крайне низкий образовательный и культурный уровень большинства работников. В-третьих, фактическая нехватка работников, обусловленная непривлекательными условиями труда и непрестижностью деятельности.

В 20-е годы кадровую проблему удалось частично нивелировать путем централизации управления всеми органами юстиции в руках НКЮ РСФСР. В Наркомате с первых дней советской власти работала плеяда профессиональных юристов, имевшая, помимо профессиональных знаний, опыт организационной партийной работы. Подчинение НКЮ губернских и уездных административных органов предполагало наличие регулярных отчетов по различным аспектам деятельности, что позволяло Наркомату отслеживать общую ситуацию на местах и предупреждать или разрешать наиболее острые проблемы. Кроме того, ведомственное подчинение означало наличие инструкций и конкретных предписаний, исходивших из центра.

Специфика сферы юстиции такова, что партийная дисциплина и энтузиазм не могли стать решающим фактором повышения эффективности и качества работы, они лишь стимулировали человека учиться. Но для получения специального образования нужно время и условия.

Кадровая проблема в органах юстиции осознавалась как острая на высшем государственном уровне. В 1921 году постановление ВЦИК поставило задачу: «обеспечить отделы юстиции и другие местные органы юстиции лучшими силами, направляя в эти органы наиболее опытных и надежных работников»²⁸⁵. Неправомерно говорить о том, что для её разрешения не предпринималось усилий.

---

²⁸⁵ ГАВО. Ф. Р-3253. Оп. 1. Д. 2. Л. 157.

В конце 1920-х проблему обеспечения органов юстиции надежными работниками пытались решить при помощи выдвиженцев.

В результате исследования использования выдвиженчества в органах и учреждениях юстиции на местах, нами выделено два этапа этого процесса²⁸⁶. Первый этап осуществлялся в начале – середине 1920-х годов и был связан с партийно-советским выдвиженчеством. Оно оказалось не эффективным вследствие указанных выше причин.

Второй начался в конце 1920-х и основывался на идее «орабочивания». На официальном уровне идея о выдвижении рабочих на ответственную работу была сформулирована еще на XI съезде ВКП(б) в 1922 году²⁸⁷. К концу 1920-х большевики начинали активно продвигать идею «более широкого вовлечения рабочих-выдвиженцев, на основе развернутой подготовки кадров для всех органов пролетарской диктатуры»²⁸⁸. 30 сентября 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили постановление «О мероприятиях по созданию лучших условий для работы выдвиженцев», согласно которому, выдвиженцами назывались лица, направленные на ответственную работу в государственные и кооперативные предприятия и учреждения.

Выдвижение производилось по согласованию с администрацией того учреждения или предприятия, в которое направлялся выдвиженец²⁸⁹.

Согласно Постановлению, за выдвиженцами сохранялись все права и льготы, которыми они пользовались до выдвижения как рабочие и

---

²⁸⁶ Крыжан А.В. Выдвиженчество в местных органах советской юстиции в 1920-е годы // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. Курск, 2018. № 4(48). URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/053-017.pdf>.

²⁸⁷ Роль и задачи профсоюзов в условиях новой экономической политики. Резолюция XI съезда ВКП(б) // Всероссийская коммунистическая партия (большевиков) в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК: 1898–1939. Часть I: 1898–1925. М., 1940. С. 418–424 [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «Наука Права». URL: <https://naukaprava.ru/catalog/12108/38356?view=1> (дата обращения: 11.02.2019).

²⁸⁸ По отчету Центрального Комитета ВКП(б). Резолюция XVI съезда ВКП(б) // Директивы КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам 1917 – 1957 годы: Сборник документов: Том 2: 1929 – 1945 годы. М., 1957. С. 186.

²⁸⁹ О мероприятиях по созданию лучших условий для работы выдвиженцев. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 30 сентября 1929 г. [Электронный ресурс] // Правовая Россия. URL: <http://lawru.info/dok/1929/09/30/n1199797.htm> (дата обращения: 12.01.2019).

крестьяне, причем сохранение этих льгот не было обусловлено конкретным сроком. В течение года сохранялось и прежнее место работы. В первый год выдвиженца не могли уволить или перевести на другую работу без согласия выдвинувшей его организации. Далее увольнение происходило уже на общих основаниях, однако, под сокращение штатов выдвиженцы попадали в последнюю очередь.

Постановлением закреплялись и условия оплаты труда. Зарплата не могла быть ниже той, которую выдвиженец получал на прежнем месте работы.

В августе 1929 года НКЮ направил своим органам и учреждениям директивное письмо «По вопросу о выдвиженчестве», в котором указал, что «выдвиженец или выдвиженцы должны быть прикреплены к таким ответственным работникам суда и прокуратуры, знания и качества которого являются твердой гарантией выработки из выдвиженца работника соответствующей квалификации»²⁹⁰. В опубликованной «Еженедельником советской юстиции» заметке член Смоленского Губернского суда Генкин отмечал: «От нас, давно работающих в суде, требовалось оказание всемерной помощи выдвиженцам. И, несмотря на очень большую нагрузку, члены губсуда по мере сил и возможности оказывали и оказывают помощь выдвиженцам в деле ознакомления их с советским законодательством и практической судебной работой»²⁹¹. Таким образом, предполагалось, что выдвиженцы могли обучаться непосредственно на практике.

Вопреки оптимистичным отчетам, с выдвиженцами возникали проблемы. Суды и прокуратуры были перегружены текущей работой,

---

²⁹⁰ Директивное письмо по вопросу выдвиженчества. Циркуляр Наркомата юстиции РСФСР от 16 августа 1929 г. № 102 // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 34. С. 21.

²⁹¹ Генкин (член Смоленского губсуда). От станка к судейскому столу // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 25. С. 7.

опытных специалистов не хватало, их прикрепление к выдвиженцам носило чисто формальный характер.

По признанию прокурора 3-го судебного участка Курского округа Гладилина выдвиженцы «оказались забытыми не только местными партийными организациями, которые смотрят на них как на лиц, лишь занимающих определенное служебное положение, но и НКЮ»²⁹².

Каковы были масштабы привлечения выдвиженцев к судебной следственной и прокурорской работе? Архивные данные и анализ материалов «Еженедельника советской юстиции» позволяют заключить, что в органах юстиции количество выдвиженцев было не значительным.

В 1928 году в Орловском Губсуде работало 16 выдвиженцев. В большинстве своем это были рабочие и крестьяне, практически все с низшим образованием²⁹³. В 1929 году по предприятиям Орла вновь были сделаны запросы о выдвижении работников на судебную работу. В качестве требований назывались грамотность, политическая развитость, возраст от 25 лет. При окружном суде для выдвиженцев организовывались краткосрочные месячные курсы. Вначале они зачислялись в суды практикантами, а уже после прохождения курсов избирались на должность нарсудей²⁹⁴.

Таким образом, второй этап выдвиженчества, связанный с привлечением на службу в местные органы и учреждения юстиции выходцев из рабочей среды, так же нельзя признать эффективным. Выдвиженцы без юридического образования и опыта работы ухудшили кадровую ситуацию в учреждениях юстиции.

Предпринимались целенаправленные усилия по организации профессиональной подготовки советских юристов. Постановлением СНК

---

²⁹² Гладилин (прокурор 3-го уч. Курского округа). О выдвиженцах забыли // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 42. С. 17.

²⁹³ ГАОО. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 42. Л. 50-56.

²⁹⁴ ГАОО. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 165. Л. 1-4, 22.

РСФСР от 22 декабря 1922 г. открывались Высшие Юридические Курсы для подготовки высшего персонала юстиции в Москве и десять областных юридических курсов для подготовки народных судей и следователей, с годичным сроком обучения²⁹⁵.

На основе нормативных правовых актов и архивных материалов нами проведен комплексный анализ деятельности областных юридических курсов²⁹⁶. Областными они были названы для того, чтобы отличить их от Высших юридических курсов. Они организовывались в крупных городах и обслуживали кадровые потребности различных губерний, причем не обязательно соседних. Так в июне 1923 года Курской губернии было предоставлено 14 мест на областных юридических курсах в г. Ивано-Вознесенске. Губисполком должен был принять на себя часть расходов по организации курсов, пропорционально количеству предоставленных мест. Организаторы курсов сообщили Курскому губисполкому, что «согласно смете содержания курсов приходится по 100 товарных рублей в год на каждого курсанта»²⁹⁷.

К слушателям предъявлялось требование наличия стажа работы в должности судьи или следователя не менее года. Однако на местах таких работников было значительно меньше требуемого по разрядке. В этом случае предписывалось посылать на курсы лиц, рекомендованных районными партийными или профсоюзными организациями, имевших некоторый уровень образования.

В Курской губернии не смогли найти среди работников юстиции достаточно лиц, отвечающих требованиям к стажу. При чрезмерной

---

²⁹⁵ Об открытии юридических курсов. Постановление Совета Народных комиссаров РСФСР от 22 декабря 1922 г. [Электронный ресурс] // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1465.htm (дата обращения: 12.09.2017).

²⁹⁶ Крыжан А.В. Подготовка кадров для органов советской юстиции в 20-30-е годы // Материалы международной заочной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного общества: вопросы социологии, политологии, философии, истории». Новосибирск, 17 декабря 2012 г. С. 89–95.

²⁹⁷ ГАКО. Ф. Р–325. Оп. 1. Д. 362. Л.170.

загруженности судов, отрывать любого судью или следователя от выполнения своих обязанностей на год было не возможно. Поэтому председатель Курского Губсуда обратился в губернский исполком с предложением: «ввиду недостатка судебного персонала с юридическим образованием, желательно командировать не менее 4-х человек, но ввиду невозможности снимать судебных работников для отправки на курсы, полагаю необходимым выставление кандидатур от Губкома РКП»²⁹⁸.

Слушатели, направлявшиеся на обучение, должны были знать основные понятия марксизма и коммунизма, уметь грамотно излагать свои мысли, производить вычисления с целыми числами и знать простейшие дроби.

После зачисления курсантам выплачивалось пособие в размере 25 рублей, можно было привозить с собой семьи, для которых, как и для несемейных курсантов, выделялось жилье. Курсанты, кроме того, обеспечивались питанием²⁹⁹. Ограничения были введены лишь для Высших юридических курсов в Москве – циркуляром НКЮ было запрещено привозить в Москву семьи в связи с жилищным кризисом в столице³⁰⁰.

Учебная программа областных юридических курсов соответствовала поставленным перед ними задачам. Она включала идеологические дисциплины: Историю ВКП(б) и основы ленинизма, а также Исторический материализм в объеме по 16 часов, Основы политэкономии в объеме 18 часов. Остальные дисциплины были юридическими: Общая теория права и государства, Конституции СССР и РСФСР (18 часов), Гражданское право (46 часов), Уголовное право (38 часов), Карательная политика и исправительно-трудовой кодекс (8 часов), Уголовный процесс (16 часов),

---

²⁹⁸ ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 362. Л. 219.

²⁹⁹ ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 362.. Л. 171.

³⁰⁰ О порядке приема и командирования на высшие юридические курсы в Москве. Циркуляр НКЮ от 17 ноября 1924 г. № 202 // Сборник циркуляров Наркомюста РСФСР за 1922 – 1925 гг. (действующих на 15 июля 1926 г.). М., 1926. С. 131.

Гражданский процесс (20 часов), Земельное право (16 часов), Трудовое право (12 часов), Семейное право (8 часов), Судоустройство (6 часов), Судебная медицина (6 часов), Нотариат, Положение о векселях и Гербовый устав (16 часов), НОТ в нарсудах (2 часа).

Занятия велись широко практикуемым в то время лабораторно-семинарским методом. Слушатели получали задания с указанием материала для проработки, по которому должны были подготовиться к занятию.

Аудиторные занятия длились 8 часов: по 4 часа утром и вечером. Всего курсы были рассчитаны на 400 учебных часов, из них 136 часов практических занятий. Для каждого набора курсантов планировалось 50 учебных дней³⁰¹. Поскольку курсы были годичными, не трудно высчитать, что занятия проходили 1–2 раза в неделю. В свободное время курсанты могли работать, так как пособия на обучение были крайне низкими.

Эффективность работы областных юридических курсов была низкой. В августе 1924 года ревизия Воронежских курсов выявила негативную ситуацию. Из бесед с курсантами ревизоры выяснили, что посещение лекторами курсов было неаккуратным, занятия часто отменялись, журналы учета занятий не велись. Нарушения были допущены уже при наборе слушателей. Вместо предусмотренных сметой 75 курсантов было набрано 92, из них только 35 человек прошли через вступительные испытания. Кроме курсантов было набрано еще 54 слушателя, которые принимались по рекомендации Губсуда. Причиной такого увеличения контингента стало постановление ГубРКИ от 12 июня 1924 г., в котором в качестве основного недостатка работы Губсуда называлась слабая обеспеченность кадрами.

Попытка оперативно решить вопрос привела к тому, что до 30% обучающихся были малообразованными или вообще малограмотными.

---

³⁰¹ ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 1112. Л. 49–50.

Нарушалась и предусмотренная методика обучения, поскольку проводились в основном лекции без проработки материала на практических занятиях. Один из лекторов курсов вынужден был признать, что «большинство выпускников нельзя использовать для судебной работы»³⁰².

В середине 1920-х годов появилась практика организации испытаний для лиц, претендующих на занятие должности судьи. Такие испытания организовывались в форме экзамена, который принимали специально организованные при губернских судах экспертные комиссии. Экзамен на право занять должность народного судьи могли сдавать работники, имевшие стаж работы в органах юстиции менее 3-х лет.

Результаты работы комиссий не отличалась от результатов деятельности юридических курсов. Во-первых, работников, имевших трехлетний стаж работы в отрасли, было очень не много, поэтому, на экзамены направляли любых кандидатов. В 1924 году в Курском губсуде экзамен на замещение должности народного судьи сдавали 25 претендентов, не имевших нужного стажа³⁰³. Далеко не всем кандидатам удавалось пройти испытание. В январе – апреле 1926 года из 23 кандидатов экзамен в комиссии Курского губсуда сдали 14 человек³⁰⁴.

Часть работников, зараженные революционным энтузиазмом, искренне стремилась учиться и преодолевать любые трудности и материальные невзгоды. Пособия курсантам областных юридических курсов и их семьям должны были выплачивать местные исполкомы, которые испытывали постоянную нехватку средств. Пособия обучающихся были для них ощутимой нагрузкой, поэтому они часто выплачивали их частично и со значительным опозданием, либо вообще не выплачивали. Архивные фонды содержат множество обращений обучавшихся на

---

³⁰² ГАВО. Ф. Р-661. Оп. 1. Д. 46. Л. 20-25.

³⁰³ ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 423. Л. 14-17.

³⁰⁴ ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 1112. Л. 10.

юридических курсах с просьбой о выплате пособий на содержание семей, поскольку работник в течение года находился на обучении³⁰⁵. Однако, курсанты не поднимали вопрос об освобождении от учебы.

Уделялось внимание подготовке через юридические курсы не только ответственных работников, но и рядовых служащих (секретарей, делопроизводителей и иных категорий работников). Циркуляром от 6 октября 1925 г. НКЮ предложил всем краевым, губернским и областным судам приступить к разработке программ краткосрочных юридических курсов по подготовке и переподготовке низовых работников судов. На местах должны были изыскать средства для организации курсов, учебные планы и программы курсов должны были утверждаться президиумом губернского суда, а копии их пересылались в отдел судебного управления НКЮ³⁰⁶.

В 30-е годы проблема юридического образования так же была далека от разрешения. Перейдя к использованию правосудия в качестве орудия господства, власть озаботилась подготовкой юристов-профессионалов в формате университетского образования. Удержать нужных и проверенных работников в сфере юстиции можно было, только обеспечив им возможность профессиональной карьеры. Учитывая постоянную нехватку кадров, наиболее целесообразным был вариант расширения системы заочного юридического образования, которое было организовано крайне плохо.

В мае 1931 года нескольким сотрудникам Наркомата юстиции было поручено изучить заочное юридическое образование в Московском государственном университете. Эти материалы стали предметом обсуждения на майском и июньском заседаниях Коллегии НКЮ.

---

³⁰⁵ ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 571. Л. 155.

³⁰⁶ Об организации краткосрочных юридических курсов по подготовке и переподготовке низовых работников юстиции. Циркуляр НКЮ от 6 октября 1925 г. № 198 // Сборник циркуляров Наркомюста РСФСР за 1922 – 1925 гг. (действующих на 15 июля 1926 г.). М., 1926. С.132–133.

Организация заочного юридического образования была признана неудовлетворительной, в решении Коллегии указывались следующие причины: «...это дело при 1-м МГУ находилось в полном загоне, без специального руководства, без специального наблюдения, с неподготовленным составом преподавателей, при отсутствии правильного учета заочников и какой бы то ни было системы их комплектования»³⁰⁷.

Было предложено передать контроль за заочным юридическим образованием от Наркомпроса Наркомату юстиции, что позволило бы комплектовать наборы на заочные курсы, исходя из потребностей местных учреждений юстиции. На июльском заседании Коллегии был рассмотрен вопрос о юридической подготовке через заочное обучение рабочих-выдвиженцев, особенно тех, кто работал в НКЮ или Верховном суде³⁰⁸.

Одним из факторов, влиявших на повышение образовательного уровня работавших и подготовку новых юридических кадров, было наличие, доступность и качество специальной юридической литературы. С декабря 1917 года в структуре Наркомата юстиции РСФСР действовал издательский отдел. В 1922 году на его базе было образовано издательство Госюриздат. Наиболее весомым результатом издательской деятельности НКЮ являлся выпуск периодического издания «Собрания узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства». Кроме этого, НКЮ выпускал журнал «Пролетарская революция и право».

Помимо публикаций официальных документов и нормативных правовых актов, одной из важнейших и успешно решаемых задач Госюриздата был выпуск популярной юридической литературы. Нужно отметить, что продукция Госюриздата отвечала всем требованиям к популярной просветительской литературе: она была написана простым, доступным языком, содержала информацию по актуальным вопросам,

---

³⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 21. Л. 17.

³⁰⁸ Там же. Л. 18.

имела минимальный объем и стоила дешево. Продукция издавалась большими тиражами: брошюра «Сельские примкамеры» – три издания по 60 тысяч экземпляров, «Как писать заявления и жалобы по крестьянским делам» – четыре издания по 75 тысяч, «Кабальные сделки» – два издания по 100 тысяч экземпляров (все издания относятся к 1929 году)³⁰⁹.

Высокие тиражи при небольших объемах изданий были характерным явлением. Некоторые брошюры имели объем в 1–2 листа (например, брошюра «Спутник колхозника»). Это решало задачу популяризации права в малограмотной крестьянской среде. В период с 1928 по 1930 год тиражи изданий возросли на 65%, а объемы сократились с 11,5 листов до 6,7³¹⁰.

Увеличение тиража коснулось и профессиональных юридических изданий, например, тираж журнала «Советская юстиция» вырос на 20%³¹¹.

Журнальная продукция тоже решала задачу популяризации права. Для рабочих и крестьян с 1930 года большим тиражом стал издаваться популярный журнал «Суд идет». Объемы подписок на него были внушительными: в декабре 1930 года подписку оформили 22879 рабочих ленинградских заводов³¹².

В 1930-е годы наиболее сложным был вопрос издания учебников по юридическим дисциплинам. Это признавал заведующий Госюриздата А. Стоклицкий: «Из доклада на коллегии НКЮ как и из выступлений по данному вопросу выяснилось, что самым уязвимым местом в работе Госюриздата является издание учебников. Вопрос о создании учебника по линии правовой литературы необходимо рассматривать как одну из боевых задач»³¹³. Сложности с выпуском учебников по праву объяснялись рядом факторов. Прежде всего, для учебника нужен автор, обладающий не

³⁰⁹ ГАРФ. Ф. А–353. Оп. 10. Д. 24. Л. 6.

³¹⁰ ГАРФ. Ф. А–353. Оп. 10. Д. 24. Л. 8.

³¹¹ Там же. Л. 11.

³¹² ГАРФ. Ф. А–353. Оп. 10. Д. 24. Л. 23.

³¹³ ГАРФ. Ф. А–353. Оп. 10. Д. 21. Л. 24.

только профессиональными знаниями, но и научно-методическими навыками. В условиях отсутствия отлаженной системы высшего юридического образования таковых было немного. Во-вторых, динамичность социальных процессов в исследуемый период порождала столь же динамичные правовые изменения. Учебная литература часто не успевала за реалиями жизни. Наконец, учебники, в отличие от небольших популярных брошюр, в меньшей степени решали пропагандистские задачи, и при всех разговорах об их важности, приоритет отдавался массовой популярной литературе.

Таким образом, в 1920-х – первой половине 1930-х годов кадровая проблема органов и учреждений юстиции на местах выражалась как в недостаточности кадров, так и в неудовлетворительном уровне их образования и профессиональной квалификации. На протяжении исследуемого периода власти пытались решить эту проблему. Повышение образовательного и профессионального уровня осуществлялось путем организации ведомственной системы профессионального образования, развития высшего юридического образования, организацией испытаний для претендентов на должности судей, издательством и распространением популярной, специальной и учебной юридической литературы. Ни одну из мер нельзя признать эффективной.

Практика направления в органы юстиции выдвиженцев себя не оправдала. Партийно-советское выдвиженчество начала 1920-х не достигло своей цели, поскольку партийные и советские работники привыкли действовать, ориентируясь на собственное усмотрение и революционную сознательность, а не на закон.

Несмотря на то, что оформившаяся в конце 1920-х годов идея «орабочивания» основывалась на необходимости обучения и профессиональной подготовки, привлечение к юридической службе рабочих и крестьян не возымело успеха, поскольку предложенные формы

обучения не учитывали ни реального образовательного уровня выдвиженцев, ни условий их работы. После начала индустриализации грамотные и квалифицированные и социально активные рабочие имели реальные шансы на стабильный заработок и профессиональный рост. В органах и учреждениях юстиции эти люди оказывались в сфере с низкими зарплатами, малопонятной для них деятельностью и полным отсутствием карьерных перспектив.

В остроте кадровой проблемы в сфере юстиции определенную роль сыграла идея отмирания права по мере построения социализма. На местах вплоть до середины 1930-х годов юрист рассматривался как представитель временной профессии.

Кроме того, малограмотные работники не были исключительной проблемой юстиции, для региональной власти безграмотность и непрофессионализм были привычным явлением, поэтому от работников юстиции на этом уровне много не требовалось.

3.2.2. Материальные условия трудовой деятельности

С первых дней советской власти особую остроту для молодого большевистского государства имела проблема материальной обеспеченности государственных органов и учреждений, в том числе это касалось и системы юстиции.

В 1917–1922 гг. финансирование местных учреждений осуществлялось Народным комиссариатом юстиции через соответствующие Советы рабочих и крестьянских депутатов. До июня 1918 года административно-хозяйственный отдел НКЮ перечислял средства на счета как губернских, так и уездных Советов. Это подтверждается отношением административно-хозяйственного отдела в Курский Губернский Совет рабочих, солдатских и крестьянских

депутатов от 21 февраля 1918 г. за № 1292: «Нарком юстиции уведомляет, что согласно установленным правилам НКЮ предоставляются необходимые суммы местным Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, работающим в контакте с ЦИК Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Советом Народных комиссаров на судебные и следственные надобности»³¹⁴. На запросы о размере кредитов на первое полугодие 1918 года административно-хозяйственный отдел отвечал, что «кредиты на содержание судебных установлений по смете Народного комиссариата на период январь – апрель открыты в размере прошлогодних сметных исчислений на этот период. На содержание же личного состава судебных установлений Народным комиссариатом сделано распоряжение по местным казначействам отпускать на период январь – апрель суммы свыше открытого кредита»³¹⁵.

Однако наличие механизма финансирования не означало его фактического осуществления. Так, 7 июня 1918 г. съезд народных судей Щигровского уезда Курской губернии обратился в отдел личного состава и судоустройства Наркомюста: «Вследствие отношения Народного комиссариата от 17 мая с/г № 4271 об ассигновании по смете на 1-е полугодие 1918 г. на содержание местных судей Щигровского уезда 92500 руб., уездный съезд Народных мировых судей просит комиссариат юстиции сообщить, сделано ли распоряжение комиссариатом юстиции о переводе указанной суммы на местное казначейство, и если нет, то покорная просьба перевести эту сумму на Щигровское казначейство, по возможности в непродолжительном времени, т.к. служащие местных судебных

---

³¹⁴ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 1. Д. 23. Л. 2.

³¹⁵ Там же. Л. 11-13.

учреждений не удовлетворяются содержанием в течение 2-х месяцев»³¹⁶.

Характерно, что в первой половине 1918 года каждый уездный совет обращался в Наркомат самостоятельно, минуя губернские органы.

Нарком юстиции Д.И. Курский телеграммой от 24 мая 1918 г. сообщил комиссару юстиции по Старооскольскому уезду, что «кредиты по смете комиссариата на январь – июнь 1918 г. будут открыты в распоряжение местного Совдепа»³¹⁷. Однако уже 15 июня административно-хозяйственный отдел Наркомюста указал, что «кредиты на содержание местных судебных установлений всей Курской губернии, по смете Наркомата юстиции на период январь – июнь 1918 г., открыты в распоряжение Курского губернского Совета»³¹⁸. Смета предполагаемых расходов всех судебных учреждений в Курской губернии во втором полугодии 1918 года составлена уже губернским комиссариатом юстиции. Согласно этой смете, общая сумма предполагаемых расходов в период с июля по декабрь составила 680 160 рублей³¹⁹.

Централизация финансового обеспечения привела к тому, что местный комиссариат стал заложником бюрократизма, нарастающего во всех звеньях управленческого механизма. Приведем лишь некоторые факты.

Заведующий бухгалтерским отделом Курского губернского комиссариата юстиции телеграммой от 7 октября 1918 г. за № 1878 сообщил в административно-хозяйственный отдел НКЮ, что «при выполнении данного мною сообщения о разассигновании кредита,

---

³¹⁶ ГАРФ. Ф. А–353. Оп. 1. Д. 23. Л. 14.

³¹⁷ ГАРФ. Ф. А–353. Оп. 1. Д. 32. Л. 13.

³¹⁸ Там же. Л. 15.

³¹⁹ ГАРФ. Ф. А–353. Оп. 1. Д. 32. Л. 29–31.

назначенного в сентябре месяце, Курская казенная палата кредит <...> не разассигновала». В октябре 1918 года губернский комиссар юстиции сообщил в бухгалтерию НКЮ об отсутствии сведений о кредите на очередной месяц³²⁰. Заведующий Курским губернским отделом юстиции в отчетном докладе за 1-е полугодие 1921 года отметил, что «несмотря на своевременно составленную отюстом, рассмотренную Губфинотделом и РКИ, утвержденную Губисполкомом смету расходов на 1921 г., НКЮ кредит в полном размере не открыл». Было недоассигновано 12 644 744 рублей³²¹.

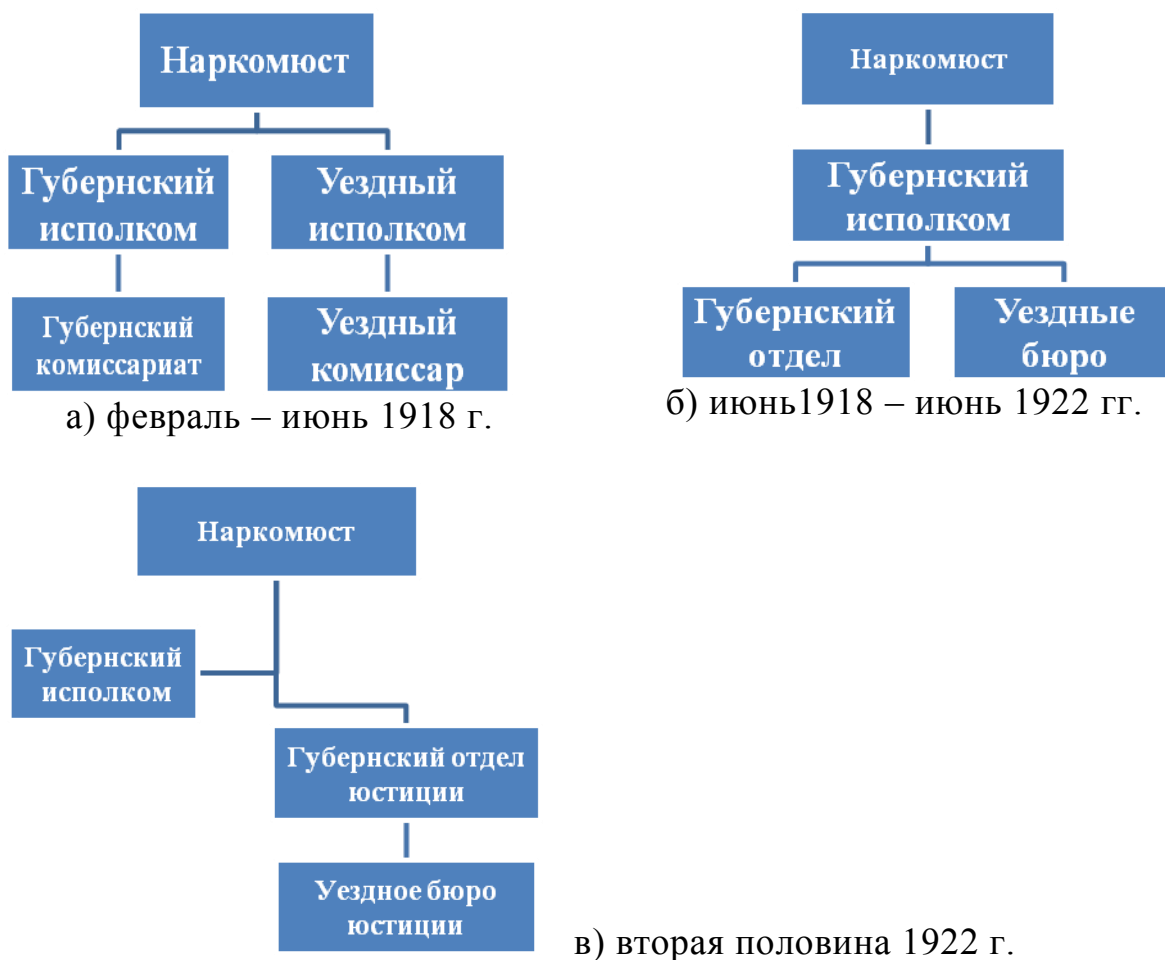
Ситуацию не улучшило и то, что в июне 1922 года СНК РСФСР принял решение отнести расходы по содержанию судебных учреждений на местные бюджеты. Исключением стали заработная плата личного состава, канцелярские, хозяйственные и почтово-телеграфные расходы и путевое довольствие губернского отдела юстиции со всеми его подотделами, личного состава особых сессий и революционных трибуналов. В связи с принятием этого постановления губернским отделам предписывалось в срочном порядке установить минимальную денежную потребность народных судов и следственных участков, а также необходимый штат канцелярии. В результате финансирование органов управления юстицией на местах не увеличилось, а количество отчетов и смет возросло.

Для обеспечения финансирования местных учреждений в распоряжение губернских исполкомов был передан ряд налогов: промысловые, с промышленных садов и огородов, со строений, имущества, торговли, извоза. Что же касается установленных законом судебных пошлин, канцелярских и нотариальных сборов и штрафов, то они по-прежнему перечислялись в государственный бюджет.

---

³²⁰ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 1. Д. 32. Л. 37-38.

³²¹ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 5. Д. 42. Л. 9-10.

Рис. 2. Изменение порядка финансирования комиссариатов юстиции в 1918–1922 гг.

Таким образом, за пять лет существования местных органов управления юстицией механизм финансирования изменялся трижды (смотри рис. 2).

Недостаток выделяемых средств сказывался на зарплате сотрудников. Декретом о заработной плате от 27 сентября 1918 г. Курск был отнесен к 6-й районной норме. Это означало, что оклады для курских работников устанавливались в размере 70 % от аналогичных окладов в г. Москве³²². В декабре тарифное отделение Наркомата труда сообщило Наркомату юстиции, что «Тарифная коллегия НКТ в

³²² ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 1. Д. 32. Л. 35–36.

заседании своем 13/XII постановила установить для г. Курска процентное понижение ставок к московским в 20 %»³²³.

В Курском губернском отделе юстиции самыми низкооплачиваемыми были должности курьеров и рассыльных, чей оклад составлял 488 рублей в месяц. Далее следовали машинисты и корреспонденты, получавшие по 532 рубля, помощники секретаря и делопроизводители с окладом в 576 рублей. Заработная плата секретарей составляла 664 рубля в месяц, а заведующего отделом – 752 рубля. Административно-хозяйственный подотдел имел в своем штате бухгалтера и кассира с зарплатой 664 и 532 рубля соответственно³²⁴.

Согласно приведенным выше данным за 1919 год, зарплата канцелярских служащих губернского отдела составляла 94 % от зарплаты заведующего. В подотделах зарплата самой низкооплачиваемой категории работников – курьеров и рассыльных – составляла 64 % от зарплаты руководителя, а зарплата секретарей – 88 %. При этом на 1918–1919 гг. приходится наибольшая активность в процессе становления советской судебной системы, вся ответственность за реализацию этого процесса лежала персонально на руководителях местных органов юстиции.

Столь очевидное несоответствие между масштабом ответственности и уровнем заработной платы можно объяснить тем, что, во-первых, руководители местных отделов юстиции были коммунистами, которых в этой системе было не так много, и они воспринимали свой труд не столько как профессиональную деятельность, сколько как партийный долг. Во-вторых, большинство новых ответственных работников стимулировала сама престижность власти. Нельзя не учитывать и того, что в 1918–1919 гг. в обществе

---

³²³ ГАРФ. Ф. А–353. Оп. 1. Д. 32. Л. 39.

³²⁴ ГАКО. Ф. Р–451. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

бытовал революционный романтизм и идиллические ожидания новой жизни, ради которой можно было терпеть временные трудности.

В судебных учреждениях так же отсутствовала заметная разница в оплате судей и технических работников. Однако в 1921 году наметились изменения. Ведомости за первую половину года свидетельствуют: жалование народных судей, следователей и консультантов в уездных бюро юстиции исчислялось в размере 4 125 рублей, а секретаря – 2 970 рублей, т.е. 72 % от зарплаты народного судьи, курьера – 1 419 рублей, т.е. 34 %. В мае 1921 года размер окладов ответственных работников был увеличен до 7 700 рублей, а повышения зарплаты канцелярских служащих не произошло, поэтому их зарплаты стали составлять только 18–38 % от зарплат ответственных работников. В ноябре того же года месячный оклад судьи исчислялся в сумме 1 141 140 рублей, секретаря – 965 580 рублей, курьера – 438 900 рублей³²⁵.

Были повышены и заработные платы губернских чиновников. В январе 1922 года заведующий губернским отделом получил оклад в размере 1 674 000 рублей, заведующие подотделами – 1 634 000 рублей, секретари – 972 000 рублей, курьеры – 504 000 рублей³²⁶. Таким образом, размер заработной платы канцелярских работников составлял в среднем 30 % от зарплаты руководителей.

Для уездных бюро была предусмотрена отдельная статья расходов на выплату сверхурочных и премиальных. Например, за 1921 год Дмитриевскому уездному бюро Курской губернии на эти цели было переведено 1 038 618 рублей³²⁷. Согласно ведомостям Суджанского уезда Курской губернии, премиальные выплачивались только канцелярским служащим, и никогда не выплачивались ответственным

---

³²⁵ ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 1-Л. Д. 62. Л. 22.

³²⁶ ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 1-Л. Д. 59. Л. 34.

³²⁷ ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 2. Д. 6. Л. 16.

работникам. Правда, размеры премиальных в течение года заметно урезались. Так, в январе – марте выплаты исчислялись в сумме, равной месячной заработной плате, в апреле премиальные сократились до 83 %, в июле – августе колебались от 50 до 75 % от начисляемой зарплаты. В сентябре – декабре премиальные уже не выплачивались. Всего в 1921 году Суджанским бюро выплачено премиальных на сумму 1 111 957 рублей³²⁸.

Регулярные выплаты канцелярским служащим были продиктованы стремлением привлечь на службу в органы юстиции квалифицированные кадры и сохранить имеющихся работников. Отсутствие компетентных работников на должностях секретарей, бухгалтеров и т.д., по мнению губернских работников юстиции, являлось одной из причин, препятствовавших налаживанию работы уездных бюро.

Все указанные меры не смогли кардинальным образом решить проблему недостаточной оплаты труда юридических работников. По мере усложнения общественных отношений эти люди становились все более востребованными, тем более что высококвалифицированных юристов на местах было крайне мало.

Особенно плохо финансировались уездные бюро юстиции. В начале 1921 года на содержание личного состава Дмитриевского уездного бюро Курской губернии было переведено 538 654 рублей. В конце июля перерасход средств по этой статье составил 13 048 рублей. Очередной перевод денежной суммы был осуществлен губернским отделом юстиции 21 июля. Она была израсходована в течение июля – августа. Перерасход составил уже 105 199 рублей. В сентябре уездному бюро был открыт кредит на сумму 145 000 рублей, который был превышен на 90 406 рубль. В октябре и декабре губюстом были

---

³²⁸ ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 1-Л. Д. 62. Л. 23.

открыты еще два кредита на общую сумму 1 500 000 рублей, при этом выплаты за ноябрь не производились. В январе 1922 года кредит на содержание личного состава исчислялся в сумме 55 500 000 рублей. В течение месяца он был перерасходован на 36 %³²⁹.

Как свидетельствует приведенный выше пример, несмотря на регулярное перечисление денег, объемы финансирования уездных органов были явно недостаточными. Например, в январе 1921 года Дмитриевскому уездному бюро было перечислено 25 000 рублей на канцелярские расходы. Согласно счету, выданному 12 мая, стоимость писчей бумаги составляла 25 рублей лист, перьев – 30 рублей штука³³⁰. Полностью указанного финансирования хватило бы только на 1000 листов бумаги, в то время как в потребности бюро, как любого канцелярского учреждения, входили перья, чернила, копировальная и промокательная бумага и т.д. О недостатке бумаги в указанных учреждениях свидетельствуют сами архивные фонды. Значительное количество документов (отчеты, справки, отношения, копии циркуляров и т.д.) написаны на обороте старых бланков судебных присутствий и других дореволюционных учреждений.

Нельзя забывать и об инфляции. Уже в январе 1922 года бумага и перья стоили соответственно 800 рублей лист и 1000 рублей штука³³¹. В июле 1921 года губернский отдел юстиции открыл Дмитриевскому бюро кредит на канцелярские расходы в размере 10 000 рублей. Учитывая приведенные выше цены на основные канцелярские принадлежности, во втором полугодии 1921 года уездное бюро могло приобрести, например, только 10 перьев.

При вступлении в должность председатель Старооскольского уюбюста констатировал, что «в суде освещения никакого нет, бумаги

---

³²⁹ ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 2. Д. 6. Л. 23–27.

³³⁰ ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 1-Л. Д. 55. Л. 19, 21.

³³¹ ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 1-Л. Д. 55. Л. 133.

пишущной, чернила, карандашей, перьев, обложек абсолютно нет, дров для отопления также нет»³³².

Недостаток финансирования зачастую приводил к конфликтным ситуациям между местными и центральными органами управления юстицией. Например, в августе 1923 года НКЮ командировал некоего Кузьмичева в распоряжение Воронежского губисполкома «для использования на ответственной судебной работе в Губсуде». В мае 1924 года Кузьмичев был утвержден в должности председателя губернского суда, а уже в октябре НКЮ поставил вопрос о его снятии.

Судя по протоколам заседаний Президиума Воронежского Губернского суда, летом 1924 года в Губсуде работали инструкторы-ревизоры НКЮ, которые пришли к выводу о неудовлетворительной работе судебных учреждений губернии. Основными претензиями ревизоров были недостаток юридической литературы и оторванность народных судей от своих районов.

Очевидно, что за полгода работы в должности Кузьмичев не мог кардинально изменить ситуацию. За него вступились коллеги по Губсуду, которые направили в Губком ВКП(б) протест по поводу мотивов НКЮ к снятию председателя с должности. К заседанию Президиума Губкома была подготовлена выборка из квартальных отчетов, согласно которой Воронежский Губернский суд ежеквартально представлял НКЮ сведения о том, что при имевшемся финансировании наладить нормальную работу судебных учреждений невозможно. Губком постановил поручить губернской РКИ в спешном порядке обследовать и дать заключение о работе Губсуда³³³.

С лета 1922 года финансирование судебных участков осуществлялось местными властями, однако это не только не решало

---

³³² ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 1. Д. 9. Л. 29.

³³³ ГАВО. Ф. Р-661. Оп. 1. Д. 46. Л. 89, 102, 113.

проблему нормального материального обеспечения, но и порождало зависимость судей на местах. В середине 1920-х годов на страницах «Еженедельника советской юстиции» часто публиковались письма с мест, свидетельствовавшие о том, что губернские власти в условиях ограниченного финансирования прибегали к различным уловкам, в частности, понижали разряды, по которым начислялись зарплаты судьям и следователям, не относя их к так называемым «ответственным работникам»³³⁴.

В начале 1930-х годов снабжение работников юстиции по-прежнему оставалось на столь низком уровне, что потребовалось вмешательство ЦК партии. Однако и это не решило проблему, о чем свидетельствует выдержка из письма и.о. прокурора Курского округа в обком ВКП(б): «Решение ЦК ВКП(б) от 10 июля 1934 г. и решение обкома от 9 августа того же года в части снабжения судебно-следственных работников наравне с руководящим партактивом не проводится и по существу этот вопрос приобретает издевательскую форму»³³⁵.

Прокуратура также испытывала недостаток финансирования, несмотря на то, что она изначально избежала двойного подчинения, поскольку была учреждена в составе Наркомата Юстиции РСФСР. Анализируя советскую юстицию в 30-е годы, П. Соломон пишет, что «хотя средства на текущие расходы прокуратуры и поступали из бюджета республиканской прокуратуры, местные власти часто предоставляли в распоряжение своих прокуратур дополнительные денежные фонды»³³⁶. Он признает, что основным мотивом подобного поведения местных властей было поддержание добрых отношений с неподчиненными им прокурорами.

---

³³⁴ Мякишев (нарсудья 1-го участка Слободского уезда Вятской губернии) Еще о материальном положении судработников // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 11. С. 12–13.

³³⁵ ГАОПИКО. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 353. Л. 69.

³³⁶ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М. 2008. С. 93.

Средств местным прокуратурам не хватало даже на канцелярские расходы. В декабре 1923 года в «Еженедельнике Советской юстиции» был опубликован циркуляр НКЮ, содержащий перечень канцелярских книг и бланков, которыми в обязательном порядке должны были быть обеспечены прокуратуры любого уровня. По сведениям Орловского Губпрокурора, общая стоимость заказанных на 1924 год книг и бланков составила 524 рубля 25 копеек. Однако прокуратуре требовались и иные канцелярские принадлежности.

Согласно составленному Орловской губернской прокуратурой перечню, запросы её работников были весьма умеренными: на одного работника в год требовалось: стопка писчей бумаги, 4 дюжины стальных перьев, по одному флакону черных и красных чернил, 20 листов копировальной бумаги, одна ручка, 25 почтовых конвертов и т.д. В среднем годовой расход на канцелярские принадлежности на одного работника составлял 50 рублей 25 копеек³³⁷. В феврале 1924 года в Орловской губпрокуратуре работало 62 человека, то есть для их обеспечения канцелярией требовалось 3115 рублей 50 копеек в год или 259 рублей 62 копейки в месяц³³⁸. При этом в декабре 1923 Орловской Губпрокуратуре был открыт кредит на покупку канцтоваров в январе 1924 года в размере 64 рублей.

Между тем, расходы канцелярских изделий в прокуратуре были немалыми: в 1923 году через Орловскую Губпрокуратуру прошли 15963 исходящих и 19695 входящих бумаг³³⁹. Очевидно, что при указанном ассигновании оплата заказанных книг и бланков была невозможна.

В марте 1924 года Орловский губернский прокурор Фридберг обратился с письмом в отдел прокуратуры НКЮ: «При личном свидании мною было доложено вам о той задолженности нашей прокуратуры,

---

³³⁷ ГАОО. Ф. Р-1220. Оп. 1. Д. 105. Л. 64.

³³⁸ Там же. Л. 17.

³³⁹ ГАОО. Ф. Р-1220. Оп. 1. Д. 105. Л. 137.

которая образовалась при заказе книг на 1924 г. и вами тогда же было изъявлено согласие на отпуск нам 200 руб. на покрытие этих задолженностей, но распоряжения об отпуске этих денег до сего времени мною не получено»³⁴⁰. Через месяц Фридберг написал в НКЮ: «В числе открытых на май кредитов суммы на погашение задолженности по оплате за заказанные книги не оказалось»³⁴¹.

Контекст переписки Орловского губернского прокурора с НКЮ мало чем отличается от приведенного ниже письма Прокурора СССР А.Я. Вышинского Председателю СНК и СТО СССР В.М. Молотову, написанного в конце 1935 года. «Предусматриваемые на 1936 г. ассигнования на административно-хозяйственные расходы являются абсолютно недостаточными и ни в коей мере не покрывают самых необходимых расходов наших органов. На районную прокуратуру в среднем по союзу приходится 100–150 руб., которых не хватает на оплату расходов на канцелярские принадлежности, бумагу, отопление, освещение, воду, телефон, наем помещения, приобретение специальной литературы и т.д.»³⁴². Как видим, ситуация по сравнению с началом 20-х годов не изменилась, несмотря на то, что в 1935 году у Советского государства были иные экономические возможности. Небезынтересна резолюция Молотова, обращенная к заместителям Председателя СНК и СТО СССР: «Тов. Рудзутаку, Чубарю, Межлауку: Наверное, тов. Вышинский не запрашивает лишнего»³⁴³.

Недофинансирование прокуратуры могло иметь специфические последствия – по свидетельству того же Вышинского здания прокуратур часто не охранялись, поскольку в штате отсутствовала охрана, судебные и следственные дела хранились на обыкновенных полках или в деревянных

---

³⁴⁰ ГАОО. Ф. Р-1220. Оп. 1. Д. 105. Л. 79.

³⁴¹ ГАОО. Ф. Р-1220. Оп. 1. Д. 105. Л. 89.

³⁴² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 884. Л. 21.

³⁴³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 884. Л. 21.

шкафах, почти повсеместно райпрокуроры и следователи не имели средств передвижения.

Немаловажной составляющей системы юстиции является адвокатура. Не будучи государственным органом, она не получала государственного финансирования, но это не значит, что власть могла оставить без контроля финансовые процессы, возникавшие при организации правозащиты.

Такса оплаты адвокатов была установлена Положением о коллегии защитников 1922 года, и составляла по гражданским делам 5% с присужденной решением суда суммы, а по уголовным делам – в размере, устанавливаемом органом, выдавшем ордер на ведение дела, в зависимости от его размера и сложности. Сумма уплачиваемого вознаграждения не могла быть выше 25 рублей золотом по официальному курсу. С каждого полученного вознаграждения защитники обязаны были не реже одного раза в месяц отчислять в фонд коллегии 3%. Президиум коллегии имел право производить проверку правильности внесения защитниками процентного отчисления и требовать у них представления книг, в которых необходимо было вести счет поступлений расходов и расчетов по порученным делам. Если процентные отчисления не покрывали расходов президиума коллегии, он имел право увеличивать процентное отчисление или установить единовременный сбор на те, или иные специальные нужды³⁴⁴.

В юридических консультациях плата за оказание адвокатских услуг зависела от социального и материального положения клиентов.

---

³⁴⁴ Положение о коллегии защитников. Утверждено Народным комиссариатом юстиции РСФСР 5 июля 1922 года // СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 425.

Таблица 6

Такса за оказание адвокатских услуг в юридической консультации Тамбовского окружного суда³⁴⁵

Виды услуг	Рабочие и служащие, получающие до 50 руб.	Крестьяне, рабочие и служащие, получающие свыше 50 руб.	Кустари, ремесленники и пр.
За составление заявления	50 коп	1 руб.	2 руб.
За составление жалоб	2–3 руб.	3–5 руб.	5–15 руб.
Ведение гражданских дел 1-й инстанции по делам до 500 руб.	10 руб.	20 руб.	40 руб.
Ведение гражданских дел 1-й инстанции по делам до 2000 руб.	на 3% больше	на 4% больше	на 5% больше
Уголовные дела (в день)	15 руб.	20 руб.	40 руб.

Адвокатская практика не гарантировала безбедного существования. Будучи «лицами свободной профессии», адвокаты обязаны были приобретать патент, а также платить сбор на приобретение облигаций золотого займа. В протоколе заседания Президиума Тамбовской губернской коллегии защитников от 13 февраля 1923 г. читаем: «Возбудить ходатайство перед Губисполкомом о том, чтобы была дана отсрочка и рассрочка во взносе денег за патент и трудналог в течение трех месяцев потому, что все защитники по своему заработку денег 100 руб. на патент не имеют»³⁴⁶.

Неудовлетворительные материальные условия, характерные для всех учреждений юстиции на местах, ни в коей мере не снижали сложности и объема выполняемых ими функций. Постоянно растущий документооборот в условиях острой нехватки или отсутствия

³⁴⁵ Таблица составлена по данным Тамбовского окружного суда за август 1928 г. ГАТО. Ф. Ф. Р–659. Оп. 1. Д. 59. Л. 7.

³⁴⁶ ГАТО. Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 557. Л. 16.

канцелярских товаров порождал своеобразные практики, которыми рядовые работники делились на страницах «Еженедельника советской юстиции». Они предлагали рационализировать производственные процессы путем отказа от бессмысленных действий, которые будучи сами по себе незначительными, в масштабе губернии приводили к потере значительного времени и расходованию материальных ресурсов.

Так, например, существовало правило при направлении дела из нарсуда в губернский суд на кассацию составлять так называемые «препроводительные». Из-за отсутствия пишущих машин и печатных бланков большинство из них писались от руки, для чего использовались 1/6 или 1/4 часть листа писчей бумаги. В масштабах губернии на кассацию могло быть направлено из нарсудов около 10 тысяч дел, из них порядка четверти передавались на новое рассмотрение. Это приводило к необходимости составления около 12,5 тысяч «препроводительных». Отказ от подобной практики позволял сэкономить значительное количество писчей бумаги и времени работников. В верхнем углу обложки дела стали проставлять аббревиатуры «УКО» или «ГКО», которые указывали, в какой именно кассационный отдел губсуда необходимо направить дело³⁴⁷.

Первоначально существовало правило, по которому при перемещении дела суд, принявший его к производству, заводил новую обложку. Возникали случаи, когда дело могло иметь до пяти обложек. В условиях нехватки бумаги это было неоправданным расточительством, поэтому канцелярские работники стали зачеркивать номера участка, из которого дело прибыло и присваивать ему собственный номер³⁴⁸.

В целях экономии средств за счет сокращения штатов делопроизводителей, расходов на периодическую печать, закупку канцелярии и почтовых расходов предлагалось объединить

---

³⁴⁷ Коновалов П. Рационализация судопроизводства // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 36/37. С. 31.

³⁴⁸ Там же.

делопроизводство нарследователей и участковых помощников прокурора «в тех местностях, где камера следователя расположена в одном населенном пункте с камерой пом. прокурора»³⁴⁹.

Данные публикации размещались в постоянной рубрике Еженедельника советской юстиции под заголовком «НОТ».

Термин «научная организация труда», или НОТ, был введен в оборот основоположником советской науки управления О.А. Ерманским. Специализированные отделы НОТ организовывались при ВСНХ и многих наркоматах. В структуре Наркомата юстиции вопросами научной организации труда занималось Организационно-плановое бюро.

Проведенный нами анализ позволил заключить, что для местных органов и учреждений юстиции НОТ являлась одним из инструментов повышения эффективности их работы, поскольку в рамках НОТ создавались практики преодоления неудовлетворительных материальных условий³⁵⁰.

Во второй половине 1920-х годов в рамках внедрения инструментов НОТ Наркомюст проводил реформу делопроизводства. Целью её был переход на безрегистрационную систему документооборота. Система базировалась на следующих основаниях:

- 1) отсутствие «входящей» регистрации и передача поступившего дела непосредственно исполнителю;
- 2) подготовка исполнителем любых справок по делу;
- 3) оформление учетных документов по делу самим исполнителем³⁵¹.

---

³⁴⁹ Гурьев С. Объединить делопроизводство // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 30. С. 17.

³⁵⁰ Крыжан А.В. Использование элементов научной организации труда в деятельности учреждений юстиции на местах во второй половине 1920-х годов (по материалам «Еженедельника советской юстиции») // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 3. С. 14–24.

³⁵¹ Карп Н., Фрадкин Л. Новое в делопроизводстве // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 19. С. 16.

Для учета судебных дел Наркомюстом были введены три вида карточек. Форма карточки № 1 использовалась для учета судебных дел, затем их отправляли в архив, где они образовывали самостоятельную картотеку. Во второй форме судебные дела вносились по алфавиту, в нее также вносились сведения об осужденных. Эти карточки формировали алфавитную картотеку. Форма № 3 предназначалась для учета циркуляров вышестоящих органов.

Безрегистрационная система не была обязательной, это был эксперимент по использованию передового немецкого опыта делопроизводства. С мест поступали комментарии и предложения: отказаться от использования формы № 2, дублировавшей форму № 1³⁵²; отказаться от карточек и продолжать использовать алфавитную книгу учета уголовных дел и жалоб, ведение которой не требовало дополнительных расходов³⁵³.

Таким образом, на всем протяжении исследуемого периода финансирование системы юстиции было недостаточным. Несмотря на то, что система централизованного снабжения через органы управления юстицией на местах была создана и начала действовать уже в первые послереволюционные годы, объемы финансирования не удовлетворяли потребностей ни одной из юридических структур. Это сказывалось как на содержании самих учреждений, что снижало эффективность их деятельности, так и на материальном положении сотрудников, что снижало мотивацию развития профессиональных компетенций у уже работающих и препятствовало притоку в сферу юстиции грамотных и социально активных специалистов. Тем более, что служащие

---

³⁵² Карп Н. Фрадкин Л. Основные принципы реформы управления // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 30. С. 16.

³⁵³ Семикин (инициалы не указаны). Без карточек и ящиков // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 30. С. 16.

учреждений юстиции, в отличие от милиции, ВЧК или партийных органов, не получали никакого иного довольствия, кроме денежного³⁵⁴.

В 1920-е годы возможными способами мотивирования работников были: идеологическое воздействие со стороны партийных комитетов, дисциплинарный контроль над членами РКП(б) и эксплуатация революционного энтузиазма той части служащих, которые были коммунистами или приверженцами большевистской идеологии. Кроме того, в конце 1920-х годов для повышения эффективности деятельности местных органов и учреждений юстиции использовались инструменты НОТ, но они могли лишь снизить остроту материальных проблем.

В 1930-х революционный пафос стал ослабевать, социальная ситуация толкала людей к поискам жизненной стабильности. В органах юстиции такая стабильность отсутствовала не только вследствие низких зарплат, но и по причине постоянного реформирования и отсутствия возможности сделать профессиональную карьеру внутри ведомства.

3.3. Бюрократизм и злоупотребления в работе местных советских учреждений юстиции

В советской историографии деятельность советских государственных органов и учреждений преподносилась исключительно в позитивном ключе, с позиций обеспечения интересов трудящихся. Действительно, советские суды с первых дней существования разбирали бесчисленное количество дел, возникавших в повседневной жизни граждан нового государства по самым разнообразным поводам (от бытовых конфликтов до притеснений со

---

³⁵⁴ ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 1. Д. 29. Л. 49.

стороны местных властей). Прокуратуры отстаивали нарушенные права работников, выявляли многочисленные нарушения налогового законодательства. Члены адвокатских коллегий давали консультации, составляли иски, защищали интересы граждан в суде.

Обыватели относились к новому советскому правосудию с большим доверием, чем в дореволюционное время. Новые судебные работники были выходцами из народа, а участвовавшие в судебных процессах народные заседатели воспринимались как «свои». Работая в органах юстиции, бывшие рабочие и крестьяне буквально воспринимали понятие «правоохранительная деятельность»: предписанные им надзорные функции еще более усиливали рвение в пресечении нарушений правопорядка любыми учреждениями и организациями, в том числе и местной властью. Наконец, судебные участки функционировали в уездах, и вероятность того, что гражданин имел среди участников судебного процесса родственников, односельчан или знакомых, была велика.

Однако подобная демократичность имела и обратную сторону. Юстиция относится к сферам профессиональной деятельности, которые требуют не только наличия теоретических знаний и определенного уровня культуры, но и специфического мировоззрения.

Работа любого юридического учреждения, с одной стороны, предполагает неминуемое столкновение с непредсказуемыми, порой невероятными, коллизиями человеческих судеб. С другой стороны, она ограничивается жесткими формальными рамками закона и организационными процедурами, объективно порождающими волокиту и бюрократизм. В условиях не устоявшейся социально-политических реалий приток в систему правосудия значительного количества неподготовленных людей не только усиливал волокиту, присущую любой бюрократической системе, но и породил новые проблемы.

До 1922 года деятельность судебных учреждений регламентировалась последовательно заменявшими друг друга декретами Совнаркома РСФСР «О суде» и ведомственными циркулярами Наркомюста. Если положения декретов еще претворялись в жизнь, то с распоряжениями наркомата дело обстояло хуже.

Так, циркуляром Наркомюста от 16 сентября 1920 г. учреждались особые сессии судов. В губернских городах они формировались при Советах народных судей, а в уездных городах – при бюро юстиции³⁵⁵. В особую сессию могли передаваться для слушания любые дела, в отношении которых признавалось, что они имеют крупное общественное значение. Например, к таковым относились дела по обвинению в должностных преступлениях уездных ответственных работников³⁵⁶. Однако, квартальные отчеты о работе бюро юстиции Грайворонского, Щигровского, Обоянского уездов Курской губернии в период с октября 1920 по январь 1921 года свидетельствуют о том, что суды особой сессии так и не были созданы³⁵⁷.

После судебной реформы деятельность порожденных ей судебносудебных учреждений, прокуратур, адвокатских коллегий и нотариата на местах протекала в условиях объективных сложностей и коллизий, порожденных постреволюционным временем.

Рассмотрим бюрократизм и злоупотребления в работе отдельных звеньев системы юстиции, начиная с самого крупного из них – судебных учреждений.

В судах процветала волокита. Жалобы, особенно гражданские, рассматривались годами. Так, например, в Воронежской губернии дело о назначении пособия семье красноармейца Мишина тянулось три года и разрешилось только после вмешательства Отдела общего надзора

---

³⁵⁵ ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.

³⁵⁶ ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 1. Д. 22. Л. 41.

³⁵⁷ ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 1. Д. 13. Л. 8.

Прокуратуры Республики, в результате которого было возбуждено уголовное дело «по факту волокиты виновных лиц»³⁵⁸.

Нередко правозащитники, пытаясь способствовать продвижению дел своих клиентов, жаловались в прокуратуру или в высшие судебные инстанции³⁵⁹.

Случались утери судебных дел. Иллюстрацией типичной ситуации подобного рода являются события, произошедшие в Тамбовской губернии. В феврале 1923 года народный суд 8-го участка Моршанского уезда Тамбовской губернии рассматривал дело по обвинению П.А. Толстошеина в краже лошади у С.Д. Долгова. Приговором суда Толстошеин был оправдан, а лошадь передана Долгову. По жалобе ответчика приговор был отменен губернским судом. В январе 1924 года дело было передано на новое рассмотрение в народный суд 9-го участка Моршанского уезда. Через три года, в апреле 1926, от П.А. Толстошеина поступила жалоба в Тамбовский губернский суд о том, что повестки из 9-го участка он не получил и настаивает на пересмотре дела. В губернском суде в результате проведенного разбирательства выяснили, что дело действительно было направлено в 9-й участок с нарочным³⁶⁰.

Через год Толстошеин снова пожаловался в губернский суд, а уполномоченный губернского суда по Моршанскому уезду сообщил, что дело утеряно. На запрос губернского суда народный судья 9-го участка ответил, что указанное дело в суд не поступало³⁶¹.

Уполномоченный губернского суда по Моршанскому уезду вынес постановление о возобновлении дела в 8-м участке, где оно рассматривалось изначально (к тому времени он стал 7-м). В декабре 1927 года нарсуд 7-го участка Моршанского уезда постановил: «Имея в виду

---

³⁵⁸ ГАВО. Ф. Р-3253. Оп. 1. Д. 2. Л. 90-92.

³⁵⁹ ГАТО. Ф. Р-524. Оп. 1. Д. 829. Л. 75.

³⁶⁰ ГАТО. Ф. Р-524. Оп. 1. Д. 829. Л. 11-12.

³⁶¹ Там же. Л. 14, 16.

давность совершенного (1922 г.), ряд амнистий за время с 1922 г. по настоящее время и нецелесообразность возобновления дела ... в возобновлении указанного выше дела гр. Толстошеину отказать с предоставлением права разобрать дело в гражданском порядке»³⁶².

Судебные работники находили различные оправдания фактам регулярных потерь дел, например, возлагали на почтовых служащих вину за утерю дел при почтовой пересылке. В июне 1927 года заведующий Почтово-телеграфной конторой Воронежа обратился с письмом к учреждениям и организациям Воронежа, в котором писал: «При тщательной проверке поступающих жалоб на постановку работы обменного бюро установлено, что имеющиеся место ненормальности происходят только по вине самих же подателей корреспонденции по следующим причинам: адреса пишутся небрежно и очень сокращенно, расшифровать которые не всегда представляется возможным; бумаги с адресом в различные учреждения сдаются сшитыми или склотыми в одну пачку; сдаются пакеты в использованных конвертах, на которых имеются разные адреса с обеих сторон; поступают бумаги совершенно без адреса, или с адресом, написанным настолько неясно, что даже по догадкам определить, кому следует бумага, очень сложно»³⁶³.

Зачастую судебные работники демонстрировали полную безответственность. В августе 1928 года Полномочное представительство ОГПУ СССР по Центрально-Черноземной области запросило Воронежский окружной суд о привлечении к ответственности и розыске гражданина А.М. Капранова, работавшего в 1920–1922 гг. в Воронежском художественном техникуме и скрывшегося с казенными деньгами. Окружной суд ответил, что подобное уголовное дело в суде отсутствует. Через несколько дней Полпредство ОГПУ направило суду письмо, в

---

³⁶² ГАТО. Ф. Р-524. Оп. 1. Д. 829.. Л. 7.

³⁶³ ГАВО. Ф. Р-410. Оп. 1. Д. 45. Л. 38.

котором указывало, что «дело Капранова у вас имеется и 31 августа уполномоченный ОГПУ ознакомился с этим делом у секретаря Уголовного отдела тов. Никитина». Полпредство потребовало выслать дело и принять меры к сотрудникам суда, приславшим сообщение, не соответствующее действительности. В ответ Воронежский окружной суд сообщил, что «неправильные сведения о судимости Капранова даны вследствие того, что по описи дел за 1924 г. значится Капралов, тогда как на подлинном производстве именуется Капрановым»³⁶⁴.

Обращает на себя внимание тот факт, что в ответах судебных работников отсутствует стремление оправдаться в своих действиях или поторопиться с исполнением требований. В начале 1920-х Наркомюст и органы управления юстицией на местах считали своим долгом противостоять ВЧК, действия которой не были ограничены никакими правовыми рамками. После реорганизации ВЧК в Главное политическое управление при НКВД РСФСР, а затем и формирования в 1923 году Объединенного государственного политического управления при СНК СССР, эти учреждения стали восприниматься работниками юстиции как звенья параллельной бюрократической структуры, чем они по форме и являлись. Рядовые служащие суда не были способны увидеть в новом органе ключевой инструмент раскручивающейся репрессивной политики партии большевиков. Поэтому они спокойно признали, что не нашли нужное Полпредству ОГПУ дело, поскольку «просто ошиблись» в написании фамилии на обложке.

Нарсуды допускали и нарушения финансовой дисциплины. Они были обязаны вести строгий учет постановлений по взысканиям штрафов, судебных издержек и удовлетворения исковых требований в пользу государственных учреждений, и регулярно отчитываться по этому вопросу перед финансовыми отделами уездных исполкомов. Однако, по сведениям

---

³⁶⁴ ГАВО. Ф. Р-3253. Оп. 1. Д. 5. Л. 12-17.

Воронежского губернского суда, нарсуды таких сведений не предоставляли или делали это несвоевременно³⁶⁵.

Немало нарушений допускалось и в Следственных отделах нарсудов. Обвинительные заключения народных следователей зачастую нарушали статьи применяемых кодексов, строились «на одних только априорных предположениях нарследователя, и в них пестрят слова “по-видимому”, “очевидно”, “надо полагать”, без ссылки на конкретные данные»³⁶⁶.

Так, в марте 1928 года в Тамбовский губернский суд поступила кассационная жалоба К.П. Лугина и О.К. Бабайцевой, приговоренных к лишению свободы на 3 месяца за торговлю водкой, в которой отмечалось отсутствие в деле каких бы то ни было свидетельских показаний против осужденных. Свидетели лишь «слышали» об этих фактах от третьих лиц, причем одна из свидетельниц признала, что «находится с подсудимой в ссоре с угрозами о мщении»³⁶⁷.

Нарушения имели место и в деятельности адвокатов. Из всех работников юстиции члены коллегии защитников, в силу специфики своей деятельности, были самыми образованными, поэтому курьезными их нарушения были не столь часто. Адвокаты допускали неявку на дежурства, заведомо ложные утверждения в кассационной жалобе, дисциплинарные нарушения (например, неявка на собрание членов коллегии защитников или не вовремя представленный отчет), выступления в суде без ордера³⁶⁸. К примеру, Президиум Тамбовской губернской коллегии защитников указывал на «продолжающиеся до сих пор единоличные нетактичные поступки товарищей: бесцельное пребывание в кулуарах суда с целью вербовать клиентов, не совсем удовлетворительное знакомство с делами, опаздывания на судзаседания, отсутствие чуткого и отзывчивого подхода

---

³⁶⁵ ГАВО. Ф. Р-410. Оп. 1. Д. 32. Л. 61.

³⁶⁶ ГАКО. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 3. Л. 77.

³⁶⁷ ГАТО. Ф. Р-524. Оп. 1. Д. 858. Л. 97.

³⁶⁸ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 557. Л. 6.

при даче бесплатных консультаций, написание в жалобах непроверенных фактов и т.п.»³⁶⁹

Местные прокуратуры зачастую ограничивались лишь выявлением правонарушений, не принимая в дальнейшем никаких мер по их пресечению. Так, в 1932 году прокуратурой Центрально-Черноземной области были установлены факты несвоевременной выплаты работникам зарплаты на ряде государственных предприятий, в том числе по причине нецелевого расходования фонда зарплат. Никаких санкций областной прокуратурой не было применено. Это не помешало областному прокурору указать на «недостаточность борьбы со стороны райпрокуроров с этим недопустимым явлением и неиспользование райпрокурорами предоставленных им по закону прав: возбуждение судебных исков о взыскании зарплаты и обращение взыскания на все средства предприятия или учреждения и привлечения руководителей, виновных в расходовании фондов зарплаты не по назначению, к уголовной ответственности»³⁷⁰.

Еще одним фактом, подтверждающим пассивность местных прокуратур, могут служить события, произошедшие в августе 1932 года в городе Льгове. В 1930 году почтовая контора Льгова заключила договор с горсоветом о предоставлении своим работникам квартир в строящемся доме. Согласно договору, горсовету за шесть квартир было перечислено 25 тысяч рублей. Когда строительство дома было завершено, выяснилось, что оплаченные связистами квартиры уже заняты работниками райисполкома, в том числе его председателем Федоровым. Почтовые работники обратились с жалобой в облисполком, а затем и во ВЦИК РСФСР, которые потребовали вернуть связистам квартиры.

Однако председатель горсовета Жданкин проинформировал ВЦИК, что квартиры почтовой конторе предоставлены. Только после того, как

---

³⁶⁹ Там же.

³⁷⁰ Распоряжение Прокурора Центрально-Черноземной области // Коммуна. 1932. 8 марта.

стало известно, что председатель горсовета передал в Москву заведомо ложную информацию, вмешалась прокуратура, которая передала дело в суд. По решению суда председатель горсовета был приговорен к 6-ти месяцам принудительных работ условно с трехгодичным испытательным сроком, однако фактического выселения незаконных жильцов так и не произошло.

Прокуратура прореагировала на решение суда следующим образом: «предложила старшему судье Фолтареву, чтобы он, в случае неосвобождения квартир к 1 сентября немедленно, на основе постановления ВЦИКа выселил жильцов из квартир почтового ведомства без предоставления жилой площади. Одновременно прокуратура передала материал о самоуправстве предрика тов. Федорова в облисполком для наложения на него дисциплинарного взыскания».

Вопрос, заданный редакцией газеты, был правомерен: «Почему областная прокуратура игнорирует распоряжение ВЦИКа, который приказал в десятидневный срок обеспечить выполнение договора? Передача квартир на бумаге, в то время как требовалось фактическое предоставление квартир работникам связи, является по сути дела новой самовольной оттяжкой осуществления директивы ВЦИК, на этот раз со стороны прокуратуры»³⁷¹.

Что касается государственных нотариальных контор, то их работе был присущ не столько бюрократизм, сколько намеренные финансовые нарушения. Это объяснялось тем, что в условиях НЭПа клиентами нотариальных контор становились лица, которые сами были готовы к коррупционным действиям, а кроме того, бывшие частные нотариусы привычно рассматривали нотариальные сборы как источник своего заработка.

---

³⁷¹ «Льговская законность» еще в силе // Коммуна. 1932. 27 августа.

Существовало несколько коррупционных схем. Например, помимо платы за совершение нотариальных действий, конторы имели право взимать деньги за техническую работу – составление проектов, актов, договоров и т.д. Вместо сведений о количестве сборов за техническую работу, в отчетах указывалось, что граждане приносили уже готовые документы, а сборы присваивались нотариусами и их помощниками.

Был и другой способ: собранные нотариальные сборы шли на оплату содержания конторы по смете, утверждаемой пленумом губернского суда, а остаток должен был сдаваться в казну раз в три месяца, а если сборы были значительными, то и чаще. Но нотариусы часто этого не делали, и, по прошествии трех месяцев, остатков либо уже не было, либо они были минимальными.

В июле 1924 года житель Воронежа А.М. Скоморох подал жалобу в губернский суд на деятельность городской нотариальной конторы, в которой утверждал, что один из ее работников через несколько месяцев после открытия конторы купил дом «в несколько сотен червонцев»³⁷². Жалоба возымела действие: в конторе была проведена ревизия. Выводы ревизии не дают однозначного ответа на вопрос о том, прав ли был жалобщик в своих обвинениях. Ревизия действительно обнаружила нарушения в хранении денежных сумм и несвоевременную сдачу денег в кассу Наркомфина, что привело «к незначительному ущербу казне». Однако размер ущерба в акте не указан³⁷³.

Немало претензий к органам юстиции возникало и у губернских Рабоче-крестьянских инспекций, особенно по вопросу борьбы с должностными преступлениями чиновников и руководящих работников учреждений и организаций. Для решения этого вопроса в середине 1920-х годов в губерниях начали создаваться междуведомственные комиссии по

---

³⁷² ГАВО. Ф. Р-661. Оп. 1. Д. 46. Л. 16.

³⁷³ Там же. Л. 15.

изучению должностных преступлений, включавшие представителей РКИ, органов юстиции и ОГПУ. Однако попытка объединения усилий различных органов в борьбе с должностными преступлениями не дала значительного эффекта.

Так, в Воронежской губернии междуведомственная комиссия при губернской Рабоче-крестьянской инспекции по изучению должностных преступлений была образована в 1924 году. Через три года, в марте 1927, постановление комиссии констатировало нарушения по всем направлениям: в следственных органах дела рассматривались по 5–7 месяцев и дольше, суды необоснованно приговаривали обвиняемых к условным наказаниям и имели высокий процент сумм, не взысканных по исполнительным листам. Были претензии и к прокуратуре: выступления прокурорских работников на показательных процессах и выездных сессиях были слишком малочисленными³⁷⁴.

Являясь органами судебного контроля, губернские суды признавали недостатки в борьбе с должностными преступлениями: «В карательной политике судов <...> наблюдаются слишком мягкие меры репрессии, несоответствующие тому ущербу, который причинен растратчиком. Кроме того, из дел, прошедших через Губсуд, усматривается, что карательная политика слишком неравномерна – в одном случае нарсуд за ничтожную растрату в несколько десятков рублей подвергает лишению свободы на продолжительный срок, а в другом случае – за довольно крупную растрату – налагает слишком мягкое наказание»³⁷⁵.

Губернские суды предъявляли народным судам и другую претензию: те не обеспечивали гражданских исков в делах о растратах, из-за чего растратчики успевали избавиться от своего имущества и причиненные ими убытки оставались не возмещенными. Еще одним нарушением было то,

---

³⁷⁴ ГАВО. Ф. Р–661. Оп. 3. Д. 18. Л. 3.

³⁷⁵ ГАВО. Ф. Р–661. Оп. 3. Д. 18. Л. 10.

что часто суды отправляли дело на доследование без мотивированного определения, ограничиваясь лишь общей фразой – «ввиду неясности дело обратить к дознанию»³⁷⁶.

Немало фактов бюрократизма в работе органов юстиции вскрывалось и в ходе рассмотрения заявлений, направляемых в Бюро жалоб при губернских РКИ, членами которых были работники местных прокуратур. Сами бюро являлись, скорее, дополнительным звеном бюрократической машины, поскольку их работа процесс рассмотрения жалоб не ускоряла. Так, в 1926 году в Валуйском уезде Воронежской губернии «имущественный раздел крестьянина Кудрявцева дошел до таких пределов, что жалобщик обвиняет весь советский и прокурорско-следственный аппарат в волоките, жалобщиком было направлено в бюро жалоб 11 заявлений с просьбой ускорить рассмотрение и 3 заявления в Центральное бюро жалоб»³⁷⁷.

Дело об увольнении с должности счетовода отделения сельскохозяйственной опытной станции Хавского рассматривалось с августа 1925 года до конца 1926 года. В частный производственный конфликт вмешались губернские РКИ и прокуратура, а затем и Центральное бюро жалоб и Прокуратура Республики³⁷⁸.

Таким образом, в 1920–1930-е гг. главным недостатком в работе губернских органов юстиции являлась традиционная для любого государственного ведомства бюрократическая волокита. Она усиливалась специфическими для той эпохи факторами.

Прежде всего, на смену подготовленным юристам-профессионалам и грамотным делопроизводителям пришли новые работники. Зачастую их главным достоинством была «революционная сознательность». Часто это

---

³⁷⁶ ГАВО. Ф. Р-661. Оп. 3. Д. 18. Л. 11.

³⁷⁷ ГАВО. Ф. Р-661. Оп. 1. Д. 98. Л. 32.

³⁷⁸ Там же.

были люди, которые не только не обладали профессионализмом, но и не испытывали интереса к своей работе – им надо было просто выжить в стране, еще не вышедшей из революционного катаклизма.

Безграмотность и безответственность работников юстиции не только усиливали бюрократизм и проволочки, но и порождали злоупотребления, приводили к тому, что неправильно проведенное следствие, абсурдные судебные решения, нарушения адвокатской этики и иные негативные явления в этой сфере пагубно влияли на судьбы людей и подрывали доверие обывателей к Советской власти.

Выводы по Главе 3

Поиски оптимальной структуры системы юстиции продолжались на всем протяжении исследуемого периода. Перестроения в сфере юстиции свидетельствуют, что большевики не сразу оказались готовы к открытому произволу, и поначалу попытались совместить идею диктаторского государства с идеей правового общественного порядка. Роль органов и учреждений юстиции в системе государственного аппарата постоянно менялась.

В 1917–1922 гг. местные административные органы управления юстицией в форме губернских комиссариатов/отделов и уездных бюро юстиции под руководством НКЮ РСФСР выполнили задачу организации системы советских судов, заложив организационные и правовые основы надзора за законностью и основы организации судебной защиты и обвинения, а также юридической помощи населению. Вместе с тем, они сыграли важную роль в сдерживании излишней «революционности» местных руководителей, грозившей разрастанием анархии.

В 1920–1930-е годы с созданием Верховного суда РСФСР, Наркомюст РСФСР сохранил лишь общее управление судами и не мог реально влиять на вопросы судебной политики, тем более что на местах

функции контроля и управления были сосредоточены в Губсудах, контролируемых Верховным судом РСФСР.

Формирование в системе НКЮ Прокуратуры не означало признания за наркоматом статуса высшего надзорного органа, поскольку с 1923 года прокуратуры в системе Наркомюста действовали только на республиканском уровне, а с образованием СССР возникла более значимая по статусу союзная система прокурорского надзора, возглавляемая Верховным Судом СССР.

Выведение судебной и прокурорской систем из ведомства Наркомюста позволило выхолостить их правоохранительный статус. Превратив суд и прокуратуру в самостоятельные органы, действовавшие в условиях тоталитарного режима, их легко было заставить служить не правопорядку (юстиции в широком смысле), а власти. После этого можно было отбросить все ширмы и напрямую перейти к репрессиям.

Известно, что правопорядок может поддерживаться двумя способами. Первый основывается на сознательном восприятии гражданами правовых норм как обязательных социальных регуляторов, использовать которые в повседневной жизни необходимо, целесообразно и, в конечном счете, удобно. Второй – на страхе перед силой государства и его репрессивными действиями. На практике граждане руководствуются и тем и другим мотивом. Мотив страха развивается легко, поскольку опирается на человеческие инстинкты. Однако для поддержания правопорядка репрессивными методами нужен мощный государственный аппарат, для формирования которого необходимы ресурсы и время.

В первые два десятилетия после Октября процесс становления такого аппарата еще не был завершен. Поэтому в начале 20-х – середине 30-х годов для большевиков немаловажное значение имело сознательное поддержание гражданами правопорядка. Речь, разумеется, уже не шла о «революционной сознательности масс», которые должны проявлять

образцы нравственности и пресекать любые попытки несознательных элементов нарушить общественный порядок. Несостоятельность этой идеи стала очевидной уже в первые послеоктябрьские месяцы, она продолжала использоваться как привлекательный лозунг. Нужно было поддерживать социальный порядок путем создания правовых норм и поддержания у граждан уверенности в том, что при нарушении этих норм они могут обратиться к структурам, которые могут защитить или, по крайней мере, помочь.

Однако благодаря отсутствию у власти четкого видения места и роли органов и учреждений юстиции в новом государстве, их деятельность в 1917–1936 гг. происходила в неоднозначных условиях. Наблюдались противоречивые процессы.

С одной стороны, власть осознавала существующие проблемы и пыталась предпринимать некие шаги для их разрешения. Так, например, очевидная нехватка квалифицированных кадров заставила создать внутриведомственную систему профессиональной подготовки юридических работников в форме юридических курсов, было налажено издание юридической литературы как профессионального, так и популярного характера, наконец, была взята под контроль Наркомюста и оптимизирована система заочного обучения по юридическим специальностям в высших учебных заведениях. Все это были меры, способствовавшие становлению профессиональной юридической среды, и кроме того, они требовали определенных материальных затрат, в отличие от направления партийных выдвиженцев на тот или иной фронт работ.

К середине 1930-х годов органы и учреждения юстиции все больше стали рассматриваться как удобное средство для решения конкретных социально-политических задач. Кроме того, они должны были внешне олицетворять идеалы гуманности, демократизма и законности нового строя, в то время как власть все больше прибегала к репрессиям. Для

выполнения такой миссии нужен был прочный сплав коммунистической идеи и развитых навыков манипулирования правовыми нормами.

С другой стороны, кроме демагогических заявлений об общественной важности системы юстиции, власть очень мало делала для людей, работавших в этой системе. Зарплаты большинства судебно-следственных и прокурорских работников были невелики, гонорары адвокатов контролировались и урезались процентными отчислениями и высокой стоимостью адвокатского патента. Условия труда были малопривлекательными вследствие недостаточного финансирования. Кроме того, постоянное реформирование системы юстиции, сложившаяся после образования СССР двойственность республиканских прокуратур и прокуратуры Верховного суда СССР, отсутствие союзного наркомата юстиции не могло не сказаться на стабильности системы. К тому же бюрократизм и волокита в судебно-прокурорских учреждениях значительно снижали эффективность их работы как раз в тот момент, когда власть начала активно использовать механизм тотальных репрессий, одним из важных «узлов» которого должно было стать эффективное советское правосудие.

Глава 4. Советская юстиция и власть

Говорить о государственной власти в исследуемый период нужно с учетом того, что все силовые рычаги были сосредоточены в центре. Местная же власть была очень неоднородна и аморфна, и часто предпринимала несогласованные действия.

Согласно главе X Конституции РСФСР 1918 года власть на местах была организована в форме Съездов Советов, и Советов депутатов³⁷⁹. Съезд Советов избирал исполнительный орган – Исполнительный комитет, число членов которого было ограничено Конституцией и не превышало по области и губернии – 25 человек; по уезду – 20 человек; по волости – 10 человек. Исполнительный комитет был ответствен перед съездом Советов. При исполкомах формировались соответствующие отделы, осуществлявшие управление различными отраслями. В селах (деревнях) на постоянной основе действовали сельсоветы, как правило, в составе трех человек. В годы гражданской войны местную власть представляли и многочисленные чрезвычайные органы: военно-революционные комитеты, революционные комитеты, комитеты бедноты, части особого назначения, отряды Продармии и местные ЧК.

Эта разнообразная структура с первых дней своего существования была связана механизмами партийного руководства, действие которого постепенно усиливалось. Сам же партийный аппарат, построенный по принципу «демократического централизма», состоял из областных, губернских и уездных комитетов и починенных им низовых партийных ячеек³⁸⁰.

---

³⁷⁹ Конституция РСФСР. Принята на заседании V Всероссийского съезда Советов 10 июля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

³⁸⁰ Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917 – 1932 гг. М., 2010. С. 92–95.

Местная власть отнюдь не всегда выступала послушным исполнителем распоряжений центра. Отчасти, это происходило потому, что её некомпетентные представители не всегда могли правильно сформулировать поставленные перед ними задачи и осознать смысл политики в очень быстро меняющейся ситуации. Кроме того, действия центральной власти зачастую порождали непредвиденные тенденции.

Исследуя социальную динамику сталинских репрессий, В.З. Голдман пришла к заключению, что в 1930-х годах «демократия не являлась второстепенным делом, не была дымовой завесой или набором ничего не значащих лозунгов, предназначенных скрыть реальное значение событий. Она была тем средством, при помощи которого репрессии дошли до каждой профсоюзной организации, завкома или первички»³⁸¹. Использование большевиками демократических инструментов не вызывает сомнения. Утверждение механизмов выборности и отчетности, насаждаемая «смычка» чиновников с массами в форме массовых собраний, организации докладов на предприятиях и в сельской местности, поощрение деятельности активистов на местах, поддержка различных общественных объединений и участия в них рядовых граждан – все это позволяло ленинскому, а затем сталинскому руководству решать конкретные задачи управления страной. Например, кампания 1929 года по привлечению наиболее социально-активных рабочих к работе в административных структурах на непостоянной основе в качестве социалистических совместителей, которая масштабно охватила и систему юстиции, должна была не только продемонстрировать идею народовластия. Соцсовместители были призваны решить задачу оказания конкретной помощи в работе, например, народным судам, которые не успевали в сроки рассматривать огромное количество находящихся у них

---

³⁸¹ Голдман В.З. Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. М., 2010. С. 172.

дел. Утопичность и сомнительные результаты этого процесса не меняют того факта, что в начале 1930-х годов соцсовместители действительно оказывали помощь судьям, особенно, когда последние были вовлечены в кампанию по обеспечению коллективизации и попросту не имели времени на «некрестьянские» дела³⁸².

Подобное «инструментальное» применение демократии привело к тому, что «низы» считали нормальным иметь собственную позицию и мнение по отношению к происходящему. Если в 1920-е это приветствовалось, то к началу 1930-х годов для руководства страны подобная ситуация стала неприемлемой.

В последние десятилетия ряд отечественных и зарубежных историков занятых исследованием советской истории 1920–1930-х гг., фокусируют внимание на взаимосвязи интересов «низов» и приказов «верхов» и реакции различных социальных групп на политику центра. Большинство из них сходятся во мнении о наличии в СССР в конце 1920-х – середине 1930-х годов организационного противостояния между центральным и региональным руководством³⁸³.

Однако, такое противостояние не могло ограничиться только уровнем региональной власти, оно должно было проецироваться на всю социально-политическую жизнь того или иного региона и на работу местных учреждений, принадлежавших отдельным ведомствам.

На наш взгляд, учреждения системы юстиции в этом отношении оказалось в исключительной ситуации. Вплоть до 1922 года местные органы управления юстицией, являясь формально отделами местных Советов, фактически находились в ведомстве Наркомюста, в чьей компетенции находился надзор за законностью деятельности местных

---

³⁸² Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 124–125.

³⁸³ См. об этом подробнее: Голдман В.З. Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. М., 2010. С. 11–23, 170; Истер Дж. М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010. С. 111–132; Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 451.

властей. Пять лет работы в условиях непрерывных преобразований революционного государства – это значительный срок для формирования опыта взаимоотношений с местными властными структурами.

При всех проблемах, связанных с низким образовательным и профессиональным уровнем местных работников юстиции и присущей времени недооценкой роли права в процессе государственного строительства, поддержка и предписания Наркомюста сделали надзор за законностью решений местных Советов нормальным и привычным делом для губернских отделов и уездных бюро юстиции. Активная законотворческая деятельность наркомата способствовала появлению у малограмотных судей профессионального руководства к действию в виде первых советских кодексов.

Первые пять послереволюционных лет имели еще один немаловажный для системы юстиции результат. Советское государство заявило о создании принципиально нового – советского суда, а это означало и появление нового типа судей. Для того чтобы обеспечить классовый характер советского правосудия, власть всячески поощряла революционную сознательность судей. Специфика сферы юстиции такова, что для работников её учреждений закон является не только общеобязательной нормой, но еще и профессиональным руководством. Для того чтобы совместить революционную сознательность судей и «букву закона», советские партийно-государственные руководители и правоведы применили принцип свободы суда, который предполагал усмотрение судей в разрешении конкретных дел³⁸⁴. Этот принцип действовал на всем протяжении исследуемого периода. Однако власти рассчитывали на то, что судьи будут всегда «усматривать» с позиций классового принципа, не предполагая, что усмотрение судей может определяться и принципом справедливости.

---

³⁸⁴ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 29.

Позиция Наркомюста, обязанность руководствоваться «буквой закона» и право усмотрения привели к тому, что органы и учреждения юстиции не только оказывали сопротивление злоупотреблениям чиновников на местах, но и могли трансформировать репрессивные намерения центральной власти.

4.1. Противостояние органов и учреждений юстиции злоупотреблениям местной власти

Взаимоотношения отделов юстиции и судебно-следственных органов с местной властью на протяжении 1920–1930-х годов складывались сложно и неоднозначно.

Как отмечалось выше, местная власть обладала тенденцией к хаотичности и самостийности, отличалась неподобающим моральным обликом советских и партийных руководителей, особенно в сельской глубинке.

Исследуя процесс становления российской государственности в постреволюционный период в фундаментальном труде «История Советской России», Э. Карр высказал точку зрения о том, что «местным органам [исполкомам Советов] пришлось довольствоваться формальной властью, которая нормально не осуществлялась»³⁸⁵.

В последнее время как отечественные, так и зарубежные исследователи, признавая неэффективность и хаотичность местной власти, отстаивают тезис о том, что руководители на местах не были слепыми исполнителями воли центра. Официальные бюрократические структуры на местах были пронизаны возникавшими на горизонтальном уровне

---

³⁸⁵ Карр Э. История Советской России. Кн.1. М., 1990. С. 180.

неформальными отношениями местных чиновников. По этой причине они ограничивали монопольные притязания центра на власть³⁸⁶.

Благодаря системе двойного подчинения местные органы управления юстицией, были, в определенной степени, защищены от давления со стороны исполкомов. Однако это не означало, что местные советские и партийные чиновники не пытались влиять на систему правосудия.

На практике местным органам и учреждениям юстиции достаточно часто приходилось преодолевать преграды со стороны различных советских органов, смотревших на юстицию как на орган второстепенной важности. Наиболее очевидно это проявлялось на уездном уровне.

Действовавшие до 1922 года уездные бюро юстиции, как отмечалось выше, входили в структуру уездных исполнительных комитетов. Очевидно, что такая ситуация вызывала у председателей исполкомов представление о непосредственном подчинении им народных судов, действовавших при убюстах. Они пытались воздействовать на судей в отношении характера выносимых приговоров, отстраняли их от должности, вызывали для объяснений по итогам разрешения дел³⁸⁷.

Частые попытки воздействовать на процесс судопроизводства вынуждали губернские исполкомы разъяснять уездным работникам, что советские органы не вправе вмешиваться в работу судов и следователей и не могут требовать от судей объяснений по поводу вынесенного приговора или решения, а должностные лица, сделавшие распоряжение об отстранении в административном порядке от должности судьи или следователя, подлежат преданию суду за превышение власти³⁸⁸.

---

³⁸⁶ См. об этом подробнее: Goldman В.З. Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. М., 2010. С. 11–23, 170; Истер Дж. М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010. С. 111–132; Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 451.

³⁸⁷ ГАКО. Ф. Р–451. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.

³⁸⁸ ГАКО. Ф. Р–451. Оп. 1. Д. 38. Л. 71.

Конфликты с исполкомами касались не только работы судов, но зачастую возникали по вопросу защиты права отдельных граждан. Показательным является случай братьев Осадчих, произошедший в Рыльском уезде Курской губернии в начале 1921 года. Дело началось с заявления гражданина К.Д. Осадчих следователю 2-го следственного участка Дроздову о том, что у него по предписанию Рыльского уездного исполкома отобрали имущество, принадлежавшее его детям, близнецам Александру и Михаилу. Действительно, распоряжение председателя уездного исполкома Самойлова от 17 января 1921 г. предписывало начальнику милиции 2-го района Рыльского уезда «произвести опись имущества сирот Осадчих Александра и Михаила, проживающих в д. Маниной и по описи передать их опекуну – деду Толстых Павлу. Если же со стороны гр. Осадчих Константина Дмитриевича будет оказано сопротивление к производству описи, то немедленно такового арестовать и представить в Рыльский уисполком»³⁸⁹.

К.Д. Осадчих – отец указанных братьев, не был лишен родительских прав, поэтому следователь 2-го участка счел действия властей незаконными и вынес постановление о рассмотрении этого вопроса уездным Съездом народных судей. Съезд поручил следователю Дроздову провести предварительное следствие, однако, председатель уисполкома Самойлов не только отказался от дачи показаний, но и пригрозил Дроздову арестом на 14 суток³⁹⁰.

Дело об имуществе «сирот» постановлением председателя уездного бюро юстиции Костромина было передано в суд 2-го участка, который признал изъятие имущества незаконным³⁹¹. Рассмотрение действий уездного исполкома было выделено в отдельное делопроизводство и

---

³⁸⁹ ГАОПИКО. Ф.П–3. Оп. 1. Д. 39. Л.55.

³⁹⁰ ГАОПИКО. Ф.П–3. Оп. 1. Д. 39. Л. 53.

³⁹¹ ГАОПИКО. Ф.П–3. Оп. 1. Д. 39. Л. 58.

передано «в убуост для направления по подсудности на предмет привлечения виновных к ответственности»³⁹².

Несомненно, подобные действия органов правосудия по защите законных интересов граждан ущемляли властные амбиции советских руководителей.

Немало сложностей в отношениях отделов юстиции с исполкомами возникало и по вопросам ликвидационной политики.

В 1921 году в Курской губернии встал вопрос о закрытии Знаменского монастыря. Губернский отдел юстиции обратился в губисполком с письмом, в котором отмечалось, что монастырь являлся центром религиозной жизни губернии, в нем хранилась чудотворная икона. Слишком резкий перелом власти в отношении к монастырю мог «вызвать недоразумения, превратные толки, неправильно понято как оскорбление религиозных чувств верующих»³⁹³. Во избежание этого губюост предложил провести предварительную агитацию среди населения.

В другом циркуляре Курского губернского отдела юстиции отмечалось, что «от усмотрения местных Советов всегда зависит удовлетворить ходатайство о представлении верующим помещения храма или другого здания под занятие того или другого культа...»³⁹⁴. Обращает на себя внимание лояльный тон документов. На наш взгляд, сдержанная позиция в осуществлении ликвидационной политики, стала результатом, во-первых, наличия среди работников советской юстиции служащих дореволюционных судебных учреждений, а во-вторых, отсутствием на тот период четко сформулированных принципов во взаимоотношении государства и церкви.

---

³⁹² ГАОПИКО. Ф.П-3. Оп. 1. Д. 39. Л. 57.

³⁹³ ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 1. Д. 35. Л. 190.

³⁹⁴ ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 2. Д. 1. Л. 89.

Взаимоотношения системы юстиции с органами внутренних дел и ВЧК имели ряд особенностей, которые были обусловлены следующими факторами:

- 1) отсутствием четкого разграничения полномочий и механизма межведомственного взаимодействия;
- 2) беспрецедентно обширной компетенцией ВЧК как органа, созданного для поддержки диктатуры пролетариата;
- 3) недостаточной разработанностью правового регулирования борьбы с преступностью.

Отсутствие урегулированных отношений между милицией и органами и учреждениями юстиции зачастую становилось препятствием на пути к осуществлению правосудия. В отчете заведующего Курским губернским отделом юстиции отмечалось, что «отношение работников милиции к розыску преступников, производству дознаний явно халатное, вследствие чего в следкомах есть случаи приостановки производства следствия. Были случаи, когда милиция сама приступала к дознанию, либо уездная милиция направляла дознание не уездным следственным властям, а в г. Курск»³⁹⁵.

В свою очередь, Курское управление милиции сообщало о том, «что во многих случаях при разборке дел судами несвоевременно посылаются в учреждения милиции извещения о дне слушания»³⁹⁶.

Взаимоотношения с ВЧК были еще более сложными. Положение о ВЧК фиксировало прямое подчинение её Совнаркому и указывало, что комиссия работает в тесном контакте с НКЮ³⁹⁷. Однако на местах тесный контакт не складывался.

---

³⁹⁵ ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

³⁹⁶ ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 2. Д. 8. Л. 29.

³⁹⁷ Новоселов Д.С. Кризис ВЧК в конце 1918 – начале 1919 годов // Отечественная история. 2005. № 6. С. 69.

В феврале 1921 года нарком юстиции Д.И. Курский обратился с письмом к заместителю председателя ВЧК И.К. Ксенофонтову, в котором обращал внимание на то обстоятельство, что к ведению уголовных дел на местах часто параллельно приступают следственные органы юстиции и следственные органы ВЧК, «причем последние нередко не считаются с тем, что дело носит чисто уголовный характер и не включает в себя признаков, которые давали бы повод к рассмотрению этого дела ЧК»³⁹⁸. В результате возникало два уголовных дела, которые либо поступали в один и тот же суд, затягивая делопроизводство, либо вообще рассматривались в разных судах, порождая абсурдную ситуацию, когда по одному и тому же делу выносились два несогласованных между собой приговора.

Характерна резолюция совещания деятелей советской юстиции Курской губернии, в которой записано: «1) Губернскую ЧК реорганизовать так, чтобы она, в конечном счете, стала подлинным и совершенным политическим органом. 2) Необходимо отобрать у ЧК судебные функции вообще, оставив за ней право непосредственной расправы всеми мерами лишь в случае вооруженных восстаний. 3) Постепенно ликвидировать следственный аппарат ЧК, передавая функции народным следователям»³⁹⁹.

Местные ЧК реагировали на попытки повлиять на их деятельность, опираясь на наиболее сильного из имеющихся союзников – РКП(б). В сентябре 1921 года Курская губернская чрезвычайная комиссия обратилась с письмом в губернский комитет РКП(б), которое было разослано во все партийные организации. Признавая наличие антагонизма и конфликтов, ГубЧК называла в качестве причины этих явлений несознательность «работающих на местах товарищей. Подчеркивая это слово, комиссия утверждает, что первопричиной происходящих конфликтов является задор, дебоширство, озорство, самовластие, местничество, взаимная грызня»⁴⁰⁰.

---

³⁹⁸ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 28. Л. 37.

³⁹⁹ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 5. Д. 42. Л. 21.

⁴⁰⁰ ГАОПИКО. Ф. П-65. Оп. 1. Д. 143. Л. 125.

Однако проблема имела более глубокие корни. Д.С. Новоселов приводит утверждение члена ВЦИК М.Ф. Владимирского о том, что «органы по борьбе с контрреволюцией оторвались от самого Совета и повели не только изолированное от него существование, но зачастую сами стали себя считать более высшими органами, чем сам Совет»⁴⁰¹. Это объяснялось тем, что ВЧК являлась карательно-репрессивным органом большевистской партии⁴⁰².

Будучи чрезвычайным органом и имея дело с особо опасными преступлениями, ЧК использовала чрезвычайные методы борьбы с ними, которые далеко не всегда были законными. В то же время, фактическая бесконтрольность создавала благодатную почву для разного рода злоупотреблений.

В сентябре 1919 года в результате оперативных действий, произведенных губернским отделом юстиции совместно с Реввоенсоветом, был арестован и передан суду трибунала заведующий секретным отделом Курского ГубЧК Орлов. В ходе расследования выяснилось, что за взятки «спиртными напитками, бриллиантами, в крайнем случае, деньгами»⁴⁰³ Орлов освобождал из ЧК любых заключенных. Подобные случаи были далеко не единичными, и причиной их была не только бесконтрольность, но и то обстоятельство, что ВЧК «была, пожалуй, единственная структура в системе новой государственной власти, которая не испытывала недостатка в кадрах. Многие перешли на службу Советской власти прямо из царской охранки, профессионально выполняя свои прежние функции с особенным тщанием и усердием»⁴⁰⁴.

Отношения органов юстиции с партийными комитетами определялись тем, что процент коммунистов в них на всем протяжении

---

⁴⁰¹ Новоселов Д.С. Кризис ВЧК в конце 1918 – начале 1919 годов // Отечественная история. 2005. № 6. С. 67.

⁴⁰² Там же. С. 68.

⁴⁰³ ГАРФ. Ф. А–353. Оп. 3. Д. 81. Л. 75.

⁴⁰⁴ Искендеров А.А. Первые шаги Советской власти // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 94–95.

исследуемого периода был не очень высок. Характерен случай, произошедший в Старооскольском уезде Курской губернии в июне 1920 года. По постановлению уездного бюро РКП(б) был отстранен от должности и арестован судья 3-го участка В.Т. Зыбенко, который настаивал на справедливом рассмотрении дела по обвинению члена Ольшанского волостного исполкома Овсянникова, местного начальника милиции Садовникова и бывшего председателя Ольшанского волостного ревкома Солодченко в дискредитации Советской власти. В своей жалобе, направленной в НКЮ, Зыбенко прямо утверждает, что его отстранение и арест были обусловлены тем, что все трое обвиняемых были членами РКП(б) и занимали ответственные посты, непосредственно контролируемые уездным партийным комитетом⁴⁰⁵.

Приведенный случай ареста по указанию партийных органов не был единичным. В начале февраля 1919 года по распоряжению председателя Курской губернской следственной комиссии был арестован бывший председатель Губсовнархоза Хильченко. Губернский комитет партии постановил, что «находит возможным послать т. Хильченко в Путивль с обязательством Хильченко по требованию губкома или исполкома явиться для дачи возможных показаний следственной комиссии Ревтрибунала»⁴⁰⁶. Более того, президиум губкома обвинил председателя следственной комиссии, следователя и работника, осуществившего арест, в «грубом отношении не только к отдельным лицам, но и к исполкому» и нашел необходимым привлечь указанных сотрудников к ответственности. Производство дознания и следствие по вопросу привлечения к ответственности председателя следственной комиссии и следователей было передано юридическому отделу губернской чрезвычайной комиссии⁴⁰⁷.

---

⁴⁰⁵ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 81. Л.104-109.

⁴⁰⁶ ГАОПИКО. Ф. П-65. Оп. 1. Д. 3. Л. 17.

⁴⁰⁷ ГАОПИКО. Ф. П-65. Оп. 1. Д. 3. Л. 17.

Приведенные выше примеры показывают, что правоохранительная деятельность не всегда заканчивалась для работников юстиции благополучно. Большинство межведомственных конфликтов было обусловлено стремлением органов юстиции выполнять свою прямую функцию – защищать законность и обеспечивать правопорядок в обществе.

Судебная реформа 1922 года не ликвидировала указанных противоречий, продолжались они и в 1930-е годы, однако, расстановка сил изменилась, поскольку в качестве арбитра во взаимоотношениях любых государственных органов теперь выступала прокуратура.

В отчете Тамбовского губпрокурора за октябрь 1922 – январь 1923 года читаем: «Наблюдались случаи вмешательства в действия судебных органов, которые ликвидировались, когда в дело вступала прокуратура»⁴⁰⁸.

В начале 1930-х годов судебно-следственные бригады были вовлечены в кампанию колхозного строительства. В одной из докладных записок народного следователя Шкабенко отмечалось: «Следует вместе с этим провести некоторую параллель между последней [судебно-следственной бригадой] и Уполномоченными, присылаемыми РИКом, а именно, не чувствуется никакой работы от них, до нашего приезда не могли добиться того, чтобы Шумаковское земобщество приняло план, мирилось с рассуждениями отдельных граждан этого общества, объяснявших, что сеять свеклу там ввиду плохой земли нельзя, на этом работники сельсовета и уполномоченные и успокаивались и даже не постарались послать на место агронома для исследования почвы, который кстати сказать был на месте и без труда это можно было выполнить, что было сделано лишь нами»⁴⁰⁹.

---

⁴⁰⁸ ГАТО. Ф. Р-1. Оп.1. Д. 557. Л. 10.

⁴⁰⁹ ГАКО. Ф. Р-1174. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

Взаимоотношения органов юстиции с карательными органами не изменились, поскольку злоупотребления со стороны ОГПУ в конце 1920-х – начале 1930-х годов отнюдь не сократились. Так, в мае 1932 года нарследователь Н.М. Скобелев обратился в прокуратуру Курского округа с запросом о законности ареста некоего Г.И. Рутько, осуществленного уполномоченным ОГПУ Курского района. Скобелев отмечал, что «середняк Рутько Г.И., являющийся предколхоза им. “Петровского” ... состоит в колхозе с 1929 г., в 1930 г. при распаде колхоза он еще с 4-мя хозяйствами колхоз удержал. Сев по колхозу выполнил с превышением на 9 га. После его ареста среди колхозников ведутся разговоры, что взяли кулаков, берут и середняков-активистов. В связи с его арестом часть колхозников хочет уходить из колхоза»⁴¹⁰.

Если в начале 1920-х годов большинство конфликтов было спровоцировано неправомерными действиями исполкомов, то в конце 1920-х – начале 1930-х пальму первенства захватили партийные органы. В официальных отчетах этого периода, предоставленных в вышестоящие инстанции, имевшие место конфликты явно затушевывались, подавались как незначительные разногласия, которым стороны не придают серьезного значения. На самом деле ситуация приобрела иной, более принципиальный, системный характер.

В середине 1920-х годов представления самих большевиков о своих обязанностях и ответственности как членов партии начали меняться. Сформировавшийся в годы революции и гражданской войны «образ аскета, рыцаря революции, образ бойца, прошедшего через невзгоды гражданской войны, воевавшего против белых, образ героя и победителя»⁴¹¹ все больше становился официальной иконой. Конец 20-х – начало 30-х при всей своей нестабильности были годами мирной жизни в

---

⁴¹⁰ ГАКО. Ф. Р-1174. Оп. 1. Д. 49.

⁴¹¹ Бровкин В.Н. Культура новой элиты, 1921–1925 гг. // Вопросы истории. 2004. № 8. С. 83.

государстве, сумевшем отстоять своё право на существование, и это не могло не сказаться на образе жизни и мысли людей, находившихся на различных уровнях власти. На смену аскетизму пришел гедонизм. На разных уровнях власти это имело различные последствия – для видных большевиков-ленинцев революция была детищем выстраданным, за обладание властью они заплатили большую или меньшую цену. Бытовой комфорт рассматривался ими как некое заслуженное приложение к выполнению государственных обязанностей. На местах ситуация была гораздо более острой. В результате ленинского призыва ряды местных коммунистов были сильно «разбавлены» людьми, не пострадавшими ради революции и получившими власть уже в готовом виде. В их представлении власть означала только богатство и привилегии. На селе это приводило к тому, что коммунисты стали считать себя частью социальной верхушки⁴¹². Проблема достигла такого масштаба, что ЦК вынужден был официально признать её существование. В 1923 году в губкомы было разослано письмо «О борьбе с чрезмерной роскошью и преступным использованием служебного положения»⁴¹³.

В 1921 году в центральном аппарате разгорелась дискуссия по вопросу о правовом положении большевиков. Она была вызвана циркуляром ЦК ВКП(б), пункты 4 и 5 которого требовали, чтобы предание коммуниста любого уровня суду предварялось санкцией местного партийного комитета. «На местах циркуляр истолковали как основание для того, чтобы уводить коммуниста от ответственности перед общегражданскими судами или даже поставить судебные решения в зависимость от мнений парткома»⁴¹⁴. Д.И. Курский в весьма категоричной форме потребовал от ЦК исключить из циркуляра названные пункты.

---

⁴¹² См. подробнее: Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М., 2010. С. 91–114.

⁴¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 467. Л. 2.

⁴¹⁴ Лютов Л. Н. Система привилегий членов правящей партии в 1921–1923 гг. // Вопросы истории. 2006. № 10. С. 102.

Наркома юстиции поддержал Ленин, который так же полагал, что «§§ 4 и 5 по своему вредны»⁴¹⁵.

В результате в январе 1922 года появился циркуляр, подписанный секретарем ЦК В. М. Молотовым, Наркомом юстиции Д.И. Курским и Председателем Верховного трибунала Н.В. Крыленко. Документ содержал требование усилить ответственность членов руководящей партии в случае совершения ими правонарушений. «Член партии, “совершивший общегосударственный проступок”, предавался “суду народного суда или ревтрибунала ... на общих со всеми гражданами основаниях”»⁴¹⁶.

Однако это не изжило проблему. В ноябре 1928 году, рассматривая вопрос о работе одной из низовых парторганизаций, бюро Воронежского окружкома ВКП(б) вынуждено было признать, что «организация в значительной степени не здорова. Её руководители потеряли связь с массой, утратили классовую выдержанность, имеют общение с чуждыми элементами (кулаками и спекулянтами) и дискредитировали себя в глазах населения пьянством и рядом должностных преступлений»⁴¹⁷.

Нужно признать, что «еще в самом конце 1920-х годов нередко были случаи, когда партийные органы сами требовали привлечь к уголовной ответственности нарушавших закон коммунистов. Но, начавшаяся вскоре сталинская “революция сверху”, очень быстро вывела партию из сферы действия правоохранительных органов, суда и прокуратуры»⁴¹⁸.

В начале 1930-х годов секретари райкомов партии продолжали вмешиваться в работу судов, требовали, например, чтобы их ставили в известность о вызове представителей колхозов и других должностных лиц,

---

⁴¹⁵ Ленин В.И. О взаимоотношении судебных и следственных органов // Полн. собр. соч. (5-е издание). Т. 44. М., 1970. С. 243.

⁴¹⁶ Лютов Л. Н. Система привилегий членов правящей партии в 1921–1923 гг. // Вопросы истории. 2006. № 10. С. 103.

⁴¹⁷ ГАВО. Ф. Р–3253. Оп. 1. Д. 2. Л. 22.

⁴¹⁸ Смоленский архив // Вопросы истории. 2003. № 11. С. 5.

мотивируя эти требования тем, что колхозное строительство находилось под непосредственным партийным контролем.

В случаях, когда учреждения юстиции пытались вернуть в правовое поле советских чиновников, последних все чаще стало брать под защиту партийное руководство. Для оценки действий учреждений юстиции стал применяться термин «искривления и перегибы», который позволял идеологически обосновать тенденцию к пресечению борьбы прокуратур со злоупотреблениями на местах. В местных газетах появлялись следующие материалы: «Практика работы органов юстиции в деле привлечения к судебной ответственности работников низового советского аппарата обнаружила ряд искривлений и перегибов. Бесспорно, мы должны вести самую решительную борьбу с корыстными должностными преступлениями – прямыми злоупотреблениями. Растратами, с преступной халатностью, повлекшей вредные последствия, с чиновниками и бюрократами, искривляющими линию партии и власти. Но совершенно иным должен быть подход органов юстиции к тем работникам низового аппарата, которые совершили тот или иной проступок в силу своей неопытности, неумения ориентироваться в сложной обстановке классовой борьбы на селе, неумения в должной мере овладеть техникой своего дела»⁴¹⁹.

Следует сказать, что в борьбе со злоупотреблениями чиновников и должностных лиц органы юстиции имели и союзников, прежде всего, в лице РКИ. Инспекция имела контрольно-ревизионные полномочия в отношении органов юстиции, которые заключались в проверках их деятельности путем изучения судебных дел и иных документов судов, прокуратур и следственных участков. РКИ имела право запрашивать и получать любые документы, личные и письменные объяснения, справки и

---

⁴¹⁹ Гуревич Я. Органы юстиции на новом этапе (ко II съезду работников юстиции ЦЧО) // Коммуна. 1932. 23 июня.

т.д.⁴²⁰. В ходе таких инспекционных проверок РКИ зачастую поддерживала действия органов юстиции по борьбе со злоупотреблениями.

Одной из форм сотрудничества органов юстиции и РКИ стало создание упомянутых выше губернских междуведомственных комиссий, в состав которых входили представители Рабоче-крестьянской инспекции, прокуратуры, Губсуда, Губрозыска и отделов ГПУ. Задачей таких комиссий было изучение должностных преступлений и координация действий всех заинтересованных органов.

Согласно большевистскому уголовному законодательству, должностные преступления включали корыстные преступления – мошенничество и взяточничество, и собственно чиновничьи правонарушения – превышение или злоупотребление властью и халатность. По данным межведомственной комиссии Воронежской губернии в середине 1920-х годов наиболее часто совершаемыми должностными лицами преступлениями были взяточничество и растраты (в 1924 году – 35 и 28,5 % соответственно). 24 % совершивших преступления служили в низовом советском аппарате, а 50 % были выходцами из крестьян. Всего же за полтора года (1924 – первая половина 1925 года) в губернии было возбуждено 585 дел о должностных преступлениях, при этом 56 % обвиняемых получили условное наказание⁴²¹.

В качестве причин значительного числа должностных преступлений междуведомственные комиссии называли следующие:

- отсутствие работы заинтересованных органов по учету и изучению должностных преступлений;

---

⁴²⁰ О взаимоотношениях между органами РКИ и органами советской юстиции и прокуратуры. Циркуляр НКЮ от 12 июня 1926г. № 86 // Сборник циркуляров Наркомюста РСФСР за 1922 – 1925 гг. (действующих на 15 июля 1926 г.). М., 1926. С. 8.

⁴²¹ ГАВО. Ф. Р-661. Оп. 3. Д. 15. Л. 1–2.

- слабая карательная политика судебных органов и медленность рассмотрения этих дел;
- слабость бухгалтерий учреждений и организаций по причине отсутствия квалифицированных кадров;
- отсутствие серьезного отношения администрации к приему на работу должностных лиц.

О том, что количество должностных преступлений поступательно росло, свидетельствуют цифры: если в первом полугодии 1924 года в Воронежской губернии было возбуждено 310 дел, то в 1925 году их было уже 747. Отсутствие надлежащего контроля за расходованием средств советскими учреждениями создавало благоприятную среду для злоупотреблений, искушая пришедших на службу рядовых обывателей – из 275 осужденных в первом полугодии 1925 года 246 никогда не судились. То есть только 3 % осужденных имели некоторый опыт финансовых махинаций и злоупотребления властью⁴²².

Еще одной формой сотрудничества органов юстиции с РКИ была их совместная работа в губернских и уездных бюро жалоб, действовавших при Уполномоченных ГубРКИ. Членами таких бюро являлись работники местных прокуратур. Бюро создавались с целью ускорения рассмотрения жалоб трудящихся на действия любых должностных лиц и государственных органов. Несмотря на то, что в целом бюро не решили проблемы волокиты с рассмотрением жалоб, их деятельность являла немало примеров конструктивного взаимодействия различных структур. Граждане обращались в бюро по очень разным поводам. Так, например, в сентябре 1926 года Воронежское губернское бюро рассматривала дело по заметке газеты «Коммуна» «Посудимся еще», в которой как неправильное оценивалось решение Губсуда по делу гражданина Анжарова. Ему было отказано в возвращении лошади, конфискованной у него военными

---

⁴²² ГАВО. Ф. Р-661. Оп. 3. Д. 15. Л. 65.

частями в период гражданской войны. Архивные материалы не позволяют судить, была ли эта жалоба результатом многолетней судебной тяжбы, или Анжаров по каким-либо причинам через много лет вспомнил о понесенном ущербе. Документы свидетельствуют, что бюро постановило дело прекратить, так как решение суда было признано правильным⁴²³.

Другой пример – дело по заявлению гражданина Талдыкина о ненормальностях и злоупотреблениях администрации на Рамонском сахарном заводе. Бюро постановило указанные в жалобе факты грубого обращения администрации с рабочими считать подтвердившимися и передать материал в Губпрокуратуру⁴²⁴.

Таким образом, выполняя свои профессиональные обязанности, чиновники от юстиции, судебно-прокурорские работники и правозащитники вынуждены были вникать в подробности конкретных жизненных ситуаций, применять к ним нормы закона, что приводило их к отстаиванию прав простых граждан вопреки действиям и желаниям местных властей.

Противостояние с местной властью было обусловлено стремлением органов и учреждений юстиции на местах, следуя букве закона, отстаивать интересы простых граждан, нарушавшиеся местными чиновниками и чрезвычайными органами, злоупотреблявшими властью. Эти злоупотребления носили массовый характер, были результатом неудовлетворительного культурного и морального уровня служащих, патриархальности и неэффективности местной власти.

Действия органов юстиции по борьбе со злоупотреблениями советских и партийных чиновников в 1920–1930-е годы не привели к ощутимому успеху. Причины этого явления крылись не только в нарастающем бюрократизме, порождавшем волокиту во всех звеньях

---

⁴²³ ГАВО. Ф. Р–661. Оп. 1. Д. 98. Л. 16.

⁴²⁴ ГАВО. Ф. Р–661. Оп. 1. Д. 98. Л. 18.

государственного аппарата, но и в том, что местная власть была консолидирована неформальными связями чиновников и руководителей одного уровня, то есть имела место известная ситуация «рука руку моет». Это не только придавало смелости в использовании власти в корыстных целях, но и позволяло саботировать руководящие указания центра. Врученная новым государством власть давала осознание силы, а низкий культурный и моральный уровень не создавал преград для злоупотребления ею.

Еще одной серьезной причиной было то, что местные партийные и советские функционеры отстаивали тезис о том, что служение идее может превратить злоупотребление в служебное рвение или позволит оправдать преступление неумением ориентироваться в политических тонкостях.

Попытки центральной власти блокировать злоупотребления на местах нельзя признать ни последовательными, ни радикальными. Характерно, что междуведомственные комиссии по борьбе с должностными преступлениями были созданы не при прокуратурах, или Губсудах, что было бы вполне логично, а при губернских РКИ. Это свидетельствует о том, что органам юстиции отводилась в этом процессе всего лишь роль исполнителя. При этом следует учитывать, что губернские РКИ являлись органами партийного контроля, то есть приоритетно опирались на идеологические установки, а не на правовые нормы.

4.2. Деятельность прокуратуры: между законом и властью

Одним из примеров выстраивания ведомственной вертикали в системе юстиции стало формирование прокурорского ведомства. Рассмотрим различные аспекты деятельности местных прокуратур в 1920-х – начале 1930-х годов.

С первого дня существования советской прокуратуры одной из первоочередных задач деятельности прокуроров на местах была проверка многочисленных жалоб, поступающих от населения по самым разнообразным вопросам.

В ведомственных директивах подчеркивалось: «Признавая, что борьба за своевременное и правильное по существу разрешение жалоб является одной из первоочередных задач повседневного систематического надзора в деле осуществления ревзаконности, ... При этом надзор должен осуществляться не только над сроками прохождения, но и над рассмотрением жалоб по существу с принесением протестов на неправильные решения»⁴²⁵.

На первый взгляд, проверка законности принимаемых местной властью решений и разбор многочисленных жалоб не составляет заметной роли в государственном механизме. Однако если учесть, что эта деятельность происходила в рамках режима, репрессивного в своей основе, признающего примат государства над личностью, то она становится необъятной по масштабу и важной.

Особенно строгий надзор был над разрешением жалоб красноармейцев и членов их семей. Так, решением совещания при Областной прокуратуре ЦЧО от 9 ноября 1932 г. «за безобразную волокиту и бездушный бюрократизм, допущенный при рассмотрении красноармейских жалоб» был снят с работы и предан суду Ловосунский районный прокурор и объявлены строгие выговоры с предупреждением Кромскому, Никифоровскому и Мценскому райпрокурорам⁴²⁶.

Местные прокуратуры стремились скрупулёзно разбираться с каждым делом и доискиваться сути даже тогда, когда речь шла о явной

---

⁴²⁵ ГАКО. Ф. Р-1174. ОП. 1. Д. 36. Л. 26.

⁴²⁶ ГАКО. Ф. Р-1174. ОП. 1. Д. 36. Л. 36.

волоките со стороны чиновников. Например, в феврале 1935 года Тамбовскому райпрокурору поступило отношение уполномоченного Комсовконтроля⁴²⁷ о том, что еще в сентябре 1934 года ГУРККА направило в райисполком жалобу гражданина Д.А. Черемисина на неправильное зачисление его в тыловое ополчение. Участие в тыловом ополчении не давало тех льгот, которые предоставляла служба в Красной Армии. Уполномоченный Комсовконтроля шесть раз посылал в райисполком напоминания и получал ответ, что по делу Черемисина ведется расследование. Дело тянулось 5,5 месяцев. Тамбовский райпрокурор обратился с запросом в райисполком и получил ответ, что гражданин Черемисин был зачислен в тыловое ополчение, так как был лишен избирательных прав, а справки о лишении его избирательных прав выдавались в разное время разными органами. Переписка по этому вопросу с разными организациями тянулась с 1932 года. Кроме того, сам жалобщик дал неправильную информацию, указав названия сельсоветов, которых в районе не было. Вмешательство прокуратуры ускорило разрешение вопроса. В архиве Тамбовского райисполкома было найдено постановление от 1932 года, в котором указано, что Черемисин по закону лишен избирательных прав и при призыве был зачислен в тыловое ополчение⁴²⁸.

Еще один пример. В апреле 1935 года некто Н.М. Трегубов обратился в Рассказовский районный Совет профсоюзов с просьбой о выплате ему пенсии как инвалиду труда. Он утверждал, что инвалидность получил во время работы в Пригородном лесничестве. Рассказовский райпрофсоюз обратился в Тамбовский Лесхоз с просьбой выслать документы, подтверждающие факт работы и сумму начислений зарплаты

---

⁴²⁷ Комиссия советского контроля при СНК СССР (КСК) – орган государственного контроля в СССР. Была создана 11 февраля 1934 года вместо ликвидированного Наркомата Рабоче-Крестьянской Инспекции (РКИ).

⁴²⁸ ГАТО. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 335. Л. 16–17.

Трегубову. «Но вместо требуемых документов и оказания помощи в отыскании их как инвалиду (с одной ногой), прошедшему пешком в Тамбов 35 км – получил из Тамбовского лесхоза только копию акта несчастного случая и бюрократическую отписку»⁴²⁹.

Рассказовский профсоюз оценил данный случай как бездушный бюрократизм и волокиту и обратился к прокурору Тамбовского района с просьбой воздействовать на Тамбовский Лесхоз. На запрос прокуратуры руководство лесхоза ответило, что в Пригородном участке лесхоза документов на Н.М. Трегубова не имеется и выявить зарплату за последний год его работы за неимением документов не представлялось возможным, так как Трегубов был сезонным рабочим. Районный прокурор не удовлетворился письменными объяснениями и вызвал директора Тамбовского Лесхозтреста для выяснения всех обстоятельств дела, после чего ответил Рассказовскому райпрофсоюзу, что Трегубову «надлежит установить свою работу свидетельскими показаниями»⁴³⁰.

В ходе прокурорского надзора выявлялись не только факты злоупотреблений отдельных чиновников, но и попустительство со стороны работников государственных органов на местах. В декабре 1929 года прокурор 2-го района Тамбовского округа Бородин поручил начальнику Рокшинского административного отдела Коршунову провести дознание по вопросу злоупотребления служебным положением. В период хлебозаготовительной кампании 1928 года заместитель председателя райисполкома Курбатов совместно с агентом Уголовного розыска Чекменевым и уполномоченным РКИ Королевым устраивали попойки в квартире школьной учительницы села Большие Кулики и по ночам забирали заводских лошадей, о чем крестьяне неоднократно говорили заведующему местного конезавода Волчкову⁴³¹.

---

⁴²⁹ ГАТО. Ф. Р–663. Оп. 1. Д. 335. Л.57.

⁴³⁰ Там же. Л. 62.

⁴³¹ ГАТО. Ф. Р–659. Оп.1. Д. 178. Л.1.

При дознании в деле выявилось много несоответствий. Директор конезавода Волчков и другие работники подтвердили, что Королев и Курбатов действительно брали лошадей из заводской конюшни. Волчков показал, что однажды Курбатов и Королев ворвались к нему домой в два часа ночи и потребовали для поездки племенных жеребцов, а после отказа угрожали Волчкову расправой⁴³². Был опрошен старший конюх завода С.О. Зубков, который не подтвердил факт изъятия Курбатовым лошадей, однако признал, что тот обращался к нему с требованием выдать племенных лошадей для своих поездок. Зубков, ввиду отсутствия разрешения, отказал⁴³³.

Факт распития спиртного на квартире работницы школы А.А. Сониной подтвердил свидетель М.Ф. Деев, который утверждал, что видел в окно одну из попок. По словам Деева в доме Сониной в этот момент присутствовала его жена. Однако жена Деева это опровергла и заявила, что находилась с Сониной в ссоре. Сама Сониная, а также заведующая школой Н.П. Щербинина, проживавшая с ней через стенку, факт попок не подтвердили⁴³⁴.

В ответе прокурору Коршунов написал, что факт пьянства не подтвердился, а что касается самовольного изъятия заводских лошадей, то необходимо требование о допросе Королева, находившегося в тот момент в Москве, и Курбатова, который уже пребывал в заключении сначала в Моршанском, а затем в Тамбовском ИТД [о причине заключения не сообщается – А.К.]⁴³⁵.

Несмотря на явные нестыковки в деле, Коршунов вынес постановление: «за недоказанностью состава преступления направить дело Нарследователю 18-го участка на прекращение. На основании словесного

---

⁴³² Там же. Л. 2.

⁴³³ Там же. Л. 9.

⁴³⁴ Там же. Л. 3–7.

⁴³⁵ ГАТО. Ф. Р–659. Оп.1. Д. 178. Л. 11.

распоряжения прокурора 2-го района дело по обвинению Курбатова в самочинном пользовании заводских лошадей производством не выделять»⁴³⁶.

Судя по резолюциям на постановлении Коршунова, дело было затребовано прокурором Тамбовского округа. Материал был предоставлен 20 января 1930 г. и подписан ВРИО начальника Рокшинского административного отдела Ерковым. По видимому Коршунов к тому времени был уже снят с должности. Интересна виза окружного прокурора от 30 апреля 1930 г.: «Плохо сделал т. Бородин, поручив начальнику РАО Коршунову, приятелю Курбатова, производить проверку. Дело смазано»⁴³⁷.

О масштабах работы местных прокуратур по жалобам граждан на произвол со стороны местных чиновников и руководителей свидетельствуют следующие данные. В 1927 году прокуратурой Курской губернии по итогам проверок жалоб было опротестовано 220 постановлений местных органов, из них 218 протестов были приняты⁴³⁸. Во 2-м полугодии того же 1927 года в Тамбовскую губернскую прокуратуру поступило 5800 жалоб и заявлений, было расследовано 640 из 704 газетных заметок и неопубликованных писем, в 345 случаях изложенные в них факты злоупотреблений местных чиновников подтвердились, расследования закончились дисциплинарными взысканиями и уголовными преследованиями⁴³⁹.

Однако, борьбу с волокитой, некомпетентностью и злоупотреблениями чиновников нельзя признать эффективной. Прокурор Курского округа Я. Вельт в статье «Больше ответственности за работу» признавал: «Разве мало случаев обращения бедняков и середняков в окружные органы за разъяснениями самых пустяковых вопросов? Мы

---

⁴³⁶ ГАТО. Ф. Р-659. Оп.1. Д. 178. Л. 12.

⁴³⁷ Там же.

⁴³⁸ ГАТО. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 335. Л. 299.

⁴³⁹ ГАТО. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1913. Л. 17-18.

знаем массовые случаи поездки ходоков в центр, в приемную т. Калинина, с пустяковыми вопросами лишь потому, что сельсовет или РИК не только не дали этим лицам необходимого разъяснения, но отделялись короткими ответами: “некогда” или “приходи завтра”»⁴⁴⁰.

В начале 1930-х годов одним из важных объектов прокурорского надзора стала борьба за трудовую дисциплину. Принятое 15 ноября 1932 г. Постановление ВЦИК СССР и СНК СССР «Об увольнении за прогул без уважительных причин» придало этому вопросу политический характер⁴⁴¹. Прокурор Курского района И.Д. Кухтин в статье «Под маской прогульщика» писал: «Вглядитесь внимательно в лицо прогульщика, и вы увидите в нем знакомые черты классового врага. Прогульщики – это “бывшие” люди, пролезшие на наши заводы и фабрики под маской “рабочих” и “крестьян”»⁴⁴². Столь конъюнктурная оценка прогульщиков не меняет того факта, что прогулы – явление негативное при любой политической системе, а борьба с ними на производстве в исследуемый период шла крайне неэффективно. Например, в 1932 году на Курском машиностроительном заводе прокуратурой было выявлено 991 человеко-дней прогулов без уважительных причин, из них администрация завода среагировала только на 88 случаев⁴⁴³. В 1933 году на Госмельнице № 18-Ц прокуратурой выявлено 23 прогула и 11 случаев увольнения⁴⁴⁴.

Прокуроры занимались и случаями нарушения трудового законодательства руководителями предприятий и организаций. Отчеты изобиловали сведениями о том, что «быстрое и тщательное расследование всех случаев нарушений трудового законодательства с последующим

---

⁴⁴⁰ Вельт Я. Больше ответственности за работу // Курская правда. 1929. 10 октября.

⁴⁴¹ Об увольнении за прогул без уважительных причин. Постановление ВЦИК СССР и СНК СССР от 15 ноября 1932 г. [Электронный ресурс] // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3838.htm (дата обращения: 25.06.2016).

⁴⁴² Кухтин И.Д. Под маской прогульщика // Курская правда. 1933. 12 февраля.

⁴⁴³ ГАКО. Ф. Р-1174. Оп. 1. Д. 31. Л. 177.

⁴⁴⁴ Там же. Л. 179.

привлечением виновных к ответственности и наложении суровой репрессии не имеет достаточного применения, и ряд данных указывает на попустительство Отдела труда и Инспекции труда в этом вопросе (20,5 % всех жалоб на нарушение трудового законодательства оставлено без последствий)⁴⁴⁵.

Например, в 1932 году областной прокуратурой ЦЧО был установлен ряд фактов несвоевременной выплаты зарплаты рабочим и служащим со стороны государственных предприятий и хозяйственных органов, что привело к задолженности по зарплате за 3–4 месяца⁴⁴⁶. Зачастую прокуратура становилась единственным защитником прав работника, которому не спешили помочь ни профсоюзы, ни упомянутая Инспекция труда.

Изменение государственного курса в конце 1920-х расширило поле надзорной деятельности прокуратур. С началом колхозного строительства участились случаи нападения кулаков на сельских активистов. В этом вопросе НКЮ требовал от местных прокуратур жесткого соблюдения законности, пресечения стремления низовых работников направлять такие дела в ОГПУ, минуя следственные и судебные процедуры.

В январе 1929 года НКЮ разослал местным прокуратурам циркуляр, которым требовал, чтобы «в связи с обострением классовой борьбы в деревне, выразившееся в росте террористических выступлений кулацких элементов против работников низового советского и партийного актива ... никакое направление указанных дел во внесудебном порядке в коллегиию ОГПУ без санкции Центральной прокуратуры места иметь не может ...»⁴⁴⁷.

С другой стороны, в своем циркуляре НКЮ обращал внимание на «важность быстрого и полного расследования дел о покушениях на общественников, подтверждая указания циркуляра о том, что следствие по

---

⁴⁴⁵ГАКО. Ф. Р–1174. Оп. 1. Д. 31. Л. 236.

⁴⁴⁶ Распоряжение прокурора ЦЧО // Коммуна. 1932. 8 марта.

⁴⁴⁷ ГАВО. Ф. Р–3253. Оп. 1. Д. 2. Л. 79.

этим делам надлежит поручать наиболее опытным следователям. Особо внимательно нужно исследовать социально-классовую подоплеку дела. Не смешивая дела этого рода с обычными бытовыми убийствами, поджогами и т.д.»⁴⁴⁸.

В начале 1930-х годов фраза «внимательно исследовать социально-классовую подоплеку дела» стала обычной в риторике центральных органов юстиции. Тем не менее, прокуратуры на местах продолжали линию на защиту прав граждан. В этой связи показательна секретная переписка Прокурора СССР А.Я. Вышинского и председателя СНК СССР В.М. Молотова по вопросу контрреволюционной агитации, датированная апрелем 1936 года. Отмечая значительный рост количества таких дел, Вышинский признает: «детальное изучение 800 дел о контрреволюционной агитации дает основание констатировать, что по значительному количеству этих дел (30–35%) предание суду и осуждение за контрреволюционную агитацию было неправильным. <...> под контрреволюционную агитацию подводится обычная обывательская болтовня, брюзжание, недовольство плохой работой отдельных лиц или организаций»⁴⁴⁹.

В качестве примера Вышинский приводит случай, когда специальной коллегией Курского областного суда кандидат в члены ВКП(б) А.Б. Мезенцев был осужден по статье 58-10 Уголовного кодекса РСФСР и приговорен к 10 годам лишения свободы за слова о том, что кооперация на селе торгует плохо. Кроме того, Мезенцеву вменялось в вину то, что в 1935 году он выступил на правлении и на общем собрании колхозников против продажи колхозом 500 центнеров зерна, предложив продать только 200 центнеров, за его предложение проголосовало

---

⁴⁴⁸ ГАВО. Ф. Р-3253. Оп. 1. Д. 2. Л. 81.

⁴⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 884. Л. 35.

большинство членов общего собрания колхозников. Верховный суд отменил приговор спецколлегии и прекратил дело⁴⁵⁰.

Вышинский подчеркивал, что «обвинением в контрреволюционной агитации нередко пользуются недобросовестные люди для сведения личных счетов или для извлечения личных выгод»⁴⁵¹. Так, в 1935 году был предан суду военного трибунала командир взвода 52-го кавалеристского полка Романцов по обвинению в контрреволюционной агитации, выразившейся в одобрении убийства С.М. Кирова. При разборе дела в суде основной свидетель по делу, испугавшись последствий, заявила, что оговорила Романцова по просьбе своей приятельницы – соседки красного командира⁴⁵².

В письме к Молотову Вышинский предлагает в целях недопущения необоснованного привлечения к уголовной ответственности трудящихся за контрреволюционную агитацию поручить Прокуратуре СССР, НКВД СССР и Верховному Суду СССР совместно дать на места указания, которые могли бы обеспечить правильный подход судебно-следственных органов и прокуратуры при применении статей УК РСФСР о контрреволюционной агитации, представив такие указания на утверждение ЦК ВКП(б).

Цитируемое письмо противоречит стереотипному образу Вышинского, воспринимаемого в качестве одного из организаторов сталинских репрессий. Историкам права хорошо известен конфликт А.Я. Вышинского и Н.В. Крыленко, стержнем которого было стремление Вышинского вывести прокуратуру из-под контроля НКЮ. Противостояние закончилось победой Вышинского, поскольку его позиция, по сути, олицетворяла намерение Сталина создать сильную прокурорскую

---

⁴⁵⁰ Там же.

⁴⁵¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 884. Л. 37–38.

⁴⁵² Там же..

вертикаль, которая могла стать действенным орудием воплощения в жизнь властных амбиций вождя⁴⁵³.

В российском сознании причастность того или иного политического деятеля к сталинскому террору часто заслоняет собой иные стороны его жизни. Между тем, А.Я. Вышинский – хорошо образованный профессиональный юрист с дореволюционным стажем. В 1920-е годы он активно занимался преподавательской деятельностью, а в 1925–1928 гг. занимал пост ректора МГУ. Он, несомненно, хорошо осознавал роль и место системы права в государственном строительстве и понимал, что если государство хочет использовать органы и учреждения юстиции для достижения своих политических целей, то они должны быть, прежде всего, хорошо управляемы, и одного только классового подхода здесь явно недостаточно. «Вышинский, равно как и Сталин, оценил полезность хорошо организованных судебно-прокурорских ведомств в системе органов мощного централизованного государства. Закон мог не только служить тому, чтобы сделать террор менее заметным, но и служил инструментом политики Сталина»⁴⁵⁴.

В отчетах Молотову Вышинский обращал внимание на то, что «защитники» социалистической законности под маской политических действий творили обыкновенный бандитизм, при этом партийные и советские органы не реагировали на происходящее⁴⁵⁵. Более того, в начале 1930-х годов участились случаи, когда местные советские активисты и партийные работники участвовали в избиении крестьян, не желавших работать в колхозах, в незаконных конфискациях и арестах. «По мнению прокуроров, которые ... расследовали факты произвола, действия

---

⁴⁵³ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008, С. 148–183.

⁴⁵⁴ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008, С. 152.

⁴⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 886.

активистов, которые производили аресты, напоминали самосуды, совершаемые в прошлом восставшими крестьянами»⁴⁵⁶

П. Соломон называет две причины усиления роли прокуратуры к середине 1930-х годов: во-первых, политические реалии [властные амбиции местных чиновников, использование классового правового подхода, партийный контроль – А.К.] ограничивали возможности прокурорских работников в предотвращении «перегибов» и злоупотреблений в деятельности государственных учреждений и местных органов власти, но как ведомство уголовного преследования, прокуратура могла быть продуктивной; во-вторых, существовала личная заинтересованность Сталина в расширении уголовного преследования, направленного как против политических противников, так и против обычных граждан⁴⁵⁷.

С начала 1930-х с верхних этажей прокурорской иерархии все чаще звучало осуждение стремления прокуроров на местах защищать погрязшие права отдельных граждан. В тезисах к докладу Н.М. Янсона⁴⁵⁸ на III Совещании судебно-прокурорских работников РСФСР в октябре 1930 года, читаем: «В течение довольно значительного периода времени Прокуратура по трудовым делам имела тенденцию в своей практической работе ограничивать свои задачи преимущественно охраной и защитой интересов трудящихся. <...> Последнее время в деятельности Прокуратуры по трудовым делам наметился значительный и благоприятный поворот. Прокуратура стала на правильный путь защиты не только и не столько интересов отдельных трудящихся, а защиты интересов в первую очередь рабочего класса в целом, правительства в целом, государства в целом»⁴⁵⁹.

---

⁴⁵⁶ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 115.

⁴⁵⁷ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. С. 156.–157.

⁴⁵⁸ Янсон Н.М. в 1928–1931 гг. – Нарком юстиции РСФСР.

⁴⁵⁹ ГАРФ. Ф. А–353. Оп. 10. Д. 24. Л. 81.

Судя по материалам доклада, местных прокуроров огульно обвинили и в ненадлежащем надзоре за соблюдением законности в таком важном для государства деле, как коллективизация⁴⁶⁰.

Коллизия между стремлением прокуратур отстаивать законные права граждан и стремлением государства включить прокуратуру в состав раскручивающегося механизма репрессивной политики с особенной очевидностью проявлялась на местах, где работники не были искушены в искусстве лавирования между скрытым и явным. О нездоровой обстановке в прокуратурах свидетельствуют участвовавшие к середине 30-х годов факты самоубийств местных прокуроров, которые находились в гуще реальной жизни, были непосредственно связаны с людьми и понимали, что складывающиеся устремления власти уже не оставляют им возможности отстаивать интересы этих людей.

Руководство республиканской прокуратуры пыталось представить факты суицида как единичные случаи, имевшие личностные причины. Между тем, Прокурор СССР А.Я. Вышинский направлял регулярные отчеты по этому вопросу председателю СНК СССР В.М. Молотову, что говорит о том, что самоубийства работников прокуратур воспринимались самой властью как тенденция. Так, с февраля по июнь 1935 года в прокуратуре Северного края имели место два самоубийства и одно покушение на самоубийство. В качестве официальной причины были названы особенности характера и нервной системы работников, переживших шок из-за разоблачения краевого прокурора, который оказался контрреволюционером⁴⁶¹. В декабре того же 1935 года произошло самоубийство прокурора Крымской АССР. В качестве официальной причины было названо разоблачение факта его прошлого – в 1919–1920 гг. он занимался частной торговлей на Феодосийском базаре⁴⁶².

---

⁴⁶⁰ Там же. Л. 137.

⁴⁶¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 884. Л. 10.

⁴⁶² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 884. Л. 20, 25.

Случаи самоубийств не прекратились и в дальнейшем: в феврале – марте 1937 покончили с собой прокуроры Одесской области А.Н. Гушин, Ленинградской области П.П. Гальгов, Западно-Казахстанской области Акпсаров⁴⁶³.

Таким образом, если в 1920-х годах местные прокуроры были поглощены разбором многочисленных обращений граждан, порожденных бюрократизмом и злоупотреблениями местных властей и управленцев, то в 1930-х власть разнообразными способами пыталась придать деятельности прокуратур нужную направленность.

Тем не менее, прокуратуры продолжали сохранять свой правоохранительный характер, несмотря на изменившуюся ситуацию. Это вполне объяснимо – за десятилетие 1920-х рядовые прокуроры наработали определенный опыт, и, даже не имея юридического образования, могли определить свою профессиональную позицию. К тому же, НКЮ, который до 1928 года возглавлял Д.И. Курский, последовательно выступал в качестве основного оплота законности и соблюдения учреждениями юстиции принятых процессуальных норм.

Кроме того, рядовые прокуроры, в отличие от руководителей советской юстиции, были выходцами из народных низов и обладали уже упомянутыми характеристиками: представлениями о социальной справедливости, стремлением изменить свою судьбу к лучшему, недостаточной образованностью и слабыми профессиональными компетенциями. Они получали из центра указания, характер которых очень быстро менялся. Проанализировать мотивы и амбиции московских руководителей было непосильной задачей для прокуроров районного, и даже областного уровня. К тому же необъятный объем практической работы просто не оставлял им времени задумываться о сути приходивших

---

⁴⁶³ Там же. Л. 46–48.

из центра директив до тех пор, пока реальность не сталкивала их с угрозой для карьеры или жизни.

4.3. Вовлечение судебно-прокурорских работников в политические процессы

До начала 1930-х годов система юстиции находилась вне открытых политических репрессий и террора, с которыми были связаны милиция и ОГПУ. Однако в начале 1930-х власть предприняла попытку вовлечь судебно-прокурорских работников в практику политических процессов в связи с начавшейся сплошной коллективизацией, а затем и индустриализацией.

Решение вовлечь судей и прокуроров в процесс колхозного строительства, на наш взгляд, было predetermined, прежде всего, бессилием местных исполкомов и сельсоветов, показавших свою несостоятельность в проведении коллективизации. Судьи, следователи и прокуроры выступили в качестве организационного ресурса, призванного преодолеть слабость инфраструктуры местной советской власти.

Кроме того, в случае успеха, вовлеченность работников юстиции могла зримо продемонстрировать всему миру «законность» и цивилизованный характер процесса, а в случае неудачи – найти и покарать «виновных» через систему правосудия.

И, наконец, вовлекая систему юстиции в процесс коллективизации, власть в очередной раз демонстрировала демократические начала, причем здесь демократия сработала не как лозунг, а как механизм – в аграрные преобразования оказались втянуты «все и вся», в том числе и система правосудия. Особенно очевидным это стало для черноземных губерний в силу традиционного преобладания в этом регионе аграрного производства.

К моменту начала колхозного строительства уже было немало сделано для «сближения» народа с юстицией, как путем выдвижения на работу в судебно-прокурорские учреждения рабочих и крестьян, так и путем просветительской деятельности судей, прокуроров и адвокатов в деревнях и на промышленных предприятиях.

Рейды судебно-прокурорских работников в деревню начались в 1928 году, однако, поначалу они не выходили за пределы надзора за законностью решений местных руководителей и их исполнением. Участвуя в посевных и хлебозаготовочных кампаниях, судьи и прокуроры выполняли свои профессиональные обязанности, тем не менее, эта деятельность преподносилась как общественная нагрузка, что позволяло объяснить нахождение работников вдали от своих рабочих мест.

В колхозах судебные работники черноземных губерний проводили немало времени. По сообщению из Мценского районного суда Орловского округа, «по заданиям партийной и советских организаций старший судья провел в первом полугодии 1929 г. 39 дней по хлебозаготовкам, 6 дней по организации зерновых товариществ, 5 дней – по с/х налоговой кампании, 7 дней – по организации осенней посевной и уборочной»⁴⁶⁴. Несмотря на то, что длительное пребывание в колхозах шло в ущерб рассмотрению всех «некрестьянских» дел, окружные суды приветствовали нагрузку народных судей, связанную с сельхозработами, и расширение её масштабов.

Чем занимались судебно-прокурорские работники в деревне? П. Соломон называет три приоритетных направления: обеспечение преследования по тем видам преступлений, которые угрожали коллективизации; выявление преступлений, совершенных должностными лицами (злоупотребление властью и халатность); переквалификация обычных уголовных преступлений в политические⁴⁶⁵. Это подтверждает и

---

⁴⁶⁴ ГАОО. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 167. Л. 103.

⁴⁶⁵ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 87–91

периодическая печать того времени. В заметке «Суд и посевная кампания», опубликованной в «Орловской правде» накануне первой посевной кампании в марте 1928 года, председатель Орловского Губсуда Нефалиди определил задачи судебных работников: «Каждый народный судья обязан быть в курсе всех мероприятий по посевной кампании, четко представлять себе те задачи, которые ставятся перед соответствующими советскими, кооперативными и общественными организациями в этом направлении, чутко прислушиваться к голосу советской общественности, клеймящей те или иные недостатки или злоупотребления. Народные суды ...должны в ударные сроки рассматривать возникающие дела о злоупотреблениях должностных лиц при проведении этой кампании»⁴⁶⁶.

Наиболее активно в колхозное строительство были включены работники прокуратур и народные следователи. Круг контролируемых ими вопросов был широк: проверка готовности к севу, проверка планов работ сельсоветов, распределение твердых заданий кулацким хозяйствам, разъяснение нормативно-правовых актов, контроль над распределением сельхозтехники⁴⁶⁷.

Следователям приходилось вникать в детали сельскохозяйственного производства. В апреле 1931 года нарследователь Шкабенко в докладной записке прокурору Курского района обвинил уполномоченных РИК в том, что до приезда в колхоз судебно-следственной бригады они «не могли добиться того, чтобы Шумаковское земобщество приняло план, мирилось с рассуждениями отдельных граждан этого общества, объяснявших, что сеять свеклу там ввиду плохой земли нельзя, на этом работники сельсовета и уполномоченные и успокаивались и даже не постарались послать на место агронома для исследования почвы, который, кстати сказать, был на

---

⁴⁶⁶ Нефалиди (Председатель Орловского Губернского суда) Суд и посевная кампания // Орловская правда. 1928. 20 марта.

⁴⁶⁷ ГАКО. Ф. Р-1174. Оп. 1. Д. 15. Л. 31.

месте и без труда это можно было выполнить, что было сделано лишь нами»⁴⁶⁸.

Работникам прокуратуры нередко приходилось охлаждать революционный пыл местных властей в налаживании работы колхозов. Например, прокуратура осуществляла проверки законности штрафов, налагаемых за несвоевременный посев сахарной свеклы. В июне 1931 года при проверке Половневского сельсовета Прокуратурой города Курска было установлено, что сельсоветом «грубо нарушены директивы партии и правительства по этому вопросу. Так, по сельсовету оштрафовано было всего 52 хозяйства, из них кулацко-зажиточных – 13, со штрафом в размере от 50 до 150 руб. и бедняцко-средняцких – 39, со штрафом в размере от 50 до 100 руб». Заседавший на следующий день после проверки президиум сельсовета снял штраф с 4-х бедняцко-средняцких хозяйств и сократил его до 65 руб. остальным хозяйствам⁴⁶⁹.

Рейды судей, следователей и прокуроров в село проводились интенсивно: из отчета одного из нарследователей видно, что с 9 по 14 мая 1931 года он проверил работу двух сельсоветов и одного колхоза, в котором возбудил уголовное дело против колхозника, выступил на собрании бедноты и батраков, а также индивидуально побеседовал с каждым единоличником, не посеявшим сахарную свеклу⁴⁷⁰. В период с 20 по 22 марта 1932 г. следователем Скобелевым было привлечено к ответственности и осуждено 10 кулаков, 5 членов правления колхоза и 2 середняка⁴⁷¹. Если сведения о проведенных беседах и выступлениях на собраниях могли быть по различным мотивам преувеличены, то дела о привлечении к ответственности должны были по окончании командировки сдаваться в канцелярию судебного участка, и их количество легко могло

---

⁴⁶⁸ ГАКО. Ф. Р-1174. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

⁴⁶⁹ ГАКО. Ф. Р-1174. Оп. 1. Д. 15. Л. 48.

⁴⁷⁰ ГАКО. Ф. Р-1174. Оп. 1. Д. 15. Л. 39.

⁴⁷¹ ГАКО. Ф. Р-1174. Оп. 1. Д. 23. Л. 108.

быть проверено. Подобная «оперативность» в привлечении к ответственности явно не способствовало качеству расследования.

Прокуроры получали регулярные отчеты об осуждении единоличников за невыполнение твердого задания, руководителей колхозов – за массовый выход крестьян из хозяйств и неспособность удержать односельчан, за хищения и т.д.

В 1931 году Прокурор РСФСР А.Я. Вышинский получил информационную записку инструктора Президиума ВЦИК Гусева «О перегибах и извращении директив партии и правительства и нарушениях революционной законности в ЦЧО»⁴⁷². Судя по содержанию документа, записка стала результатом проверки, проводимой ВЦИК. В записке выделялись два вида «перегибов», допускаемых на местах.

Во-первых, нарушение добровольности при вступлении в колхоз. Не вступившим в колхоз бедняцким и середняцким хозяйствам наравне с кулаками устанавливали твердые задания или отбирали имущество, которое при вступлении в колхоз могло быть возвращено. О том, что данные нарушения в ЦЧО имели массовый характер, свидетельствует нарастающее количество жалоб, полученное ВЦИК в 1931 году: в июне – 794, в июле – 895, в августе – 987, в сентябре – 1096⁴⁷³. Источник подобного «перегиба» понятен: колхозное строительство в регионе с плодородными черноземами находилось под особым вниманием.

Гусев пишет, что «в целом ряде сельсоветов мне совместно с районными и сельскими работниками приходилось по нескольку часов подряд разбираться и распутывать списки твердозаданцев и индивидуально-обложенных, в результате чего в некоторых сельсоветах получалось снижение чуть ли не до 70 %. Одновременно выявлялись

---

⁴⁷² РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 60. Л. 1–2.

⁴⁷³ РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 60. Л. 1.

новые кулацко-зажиточные хозяйства, которые не были привлечены к обложению»⁴⁷⁴.

Во-вторых, к «перегибам» относилось неправильное лишение избирательных прав. В начале 1931 года Центризбирком удовлетворил 65,8 % жалоб жителей ЦЧО по этому вопросу⁴⁷⁵.

Интересна оценка роли местных прокуратур в борьбе с «перегибами» в колхозном строительстве, приведенная в докладе «О работе Управления Прокуратуры Республики за 1929 – май 1930 г.». Приведем её полностью. «Переходя к характеристике роли местных прокуратур в борьбе с перегибами, ни в малейшей степени не пытаюсь смягчить большую долю ответственности, падавшей на эти органы, все же нельзя согласиться с огульным обвинением всей местной прокуратуры в попустительстве всем перегибам. Часть прокуроров, безусловно, оказалась на высоте положения, не останавливаясь перед тем, чтобы идти против местного влияния и против течения. А надо заметить, что помимо мобилизации лучшего состава прокурорско-следственных работников на проведение коллективизации, посевкампании, хлебозаготовок и т.п., еще более серьезным препятствием на пути борьбы с перегибами местные прокуроры встречали именно в плоскости взаимоотношений с местными влияниями. Но, наряду с этим, остается фактом то, что значительная часть как прокуратур, так и судов, подчиняясь давлению местной обстановки, не только проявило малодостаточную активность в борьбе с антисередняцкими перегибами, но допустила перегибы непосредственно в своей судебной-следственной и прокурорской работе, благодаря чему в данном случае в период проведения коллективизации и ликвидации кулачества как класса – удар судебной репрессии фактически оказался направлен против середняка, преданного суду под видом кулака»⁴⁷⁶.

---

⁴⁷⁴ Там же. Л. 2.

⁴⁷⁵ Там же.

⁴⁷⁶ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 10. Д. 24. Л. 137.

Таким образом, Управление Прокуратурой Республики признавало тот факт, что в еще в 1929–1930 гг. прокуроры на местах пытались противодействовать как нарушению принципа добровольности вступления в колхоз, так и экспроприации собственности середняцких хозяйств.

Сложнейшим испытанием для органов и учреждений юстиции всех уровней стало принятие в 1932 году нового чрезвычайного закона «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности»⁴⁷⁷. Стремясь оказать поддержку судьям в применении нового закона, Наркомюст своими директивами установил ряд правил, которые вызвали резкую критику Верховного суда РСФСР.

Во-первых, в сферу применения закона были включены мелкие кражи на селе, что позволило судьям применять статью 51 УК РСФСР, которая разрешала вынесение приговоров за совершение данного преступления ниже нижнего предела. Во-вторых, были введены обязательные кассационные проверки всех приговоров, и, наконец, дела по новому закону могли рассматривать народные суды.

Последнее мотивировалось тем, что областные суды, в чьей компетенции находилось рассмотрение обвинений, предусматривавших вынесение смертного приговора, могли физически не справиться с наплывом новых дел. Несомненно, данное народным судам право рассматривать дела по «закону о пяти колосках», привело к значительному увеличению количества таких дел. С другой стороны, народные суды не могли применять смертную казнь. По данным наркома Крыленко «за сентябрь – декабрь 1932 г. судьи в России использовали статью 51 в 40 % случаях приговоров по закону 7 августа. Более того, секретная резолюция

---

⁴⁷⁷ Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности). Постановление ВЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. // СУ СССР. 1932. № 62. Ст. 360.

Наркомата указывала, что 80 % осужденных с применением статьи 51-й получали приговоры, не связанные с лишением свободы!»⁴⁷⁸.

Судьи вышестоящих судов также стремились смягчить применение драконовского закона. В областных судах, где рассматривались более серьезные дела, которые могли привести к смертной казни, высшая мера наказания была применена только в 4 % случаев, при этом почти половина этих приговоров была пересмотрена Верховным судом РСФСР⁴⁷⁹.

Подобная картина наблюдалась и в отношении применения указа от 8 декабря 1933 г., которым была введена личная ответственность директоров и других руководителей предприятий за производство недоброкачественной продукции⁴⁸⁰. Судьи ограничивали рамки применения закона только случаями, когда речь шла о плохом качестве конечной продукции, а не комплектующих или ремонта, не применяли закон к нижестоящим служащим. В результате в 1934 году из 747 дел, рассмотренных в СССР по закону от 8 декабря 1933 года, приговорами завершились только 163⁴⁸¹.

Причины подобного поведения судей становятся понятны, если учесть, что в исследуемый период реакция различных групп на репрессивные действия власти были немаловажным фактором социально-политической повседневности⁴⁸².

Кроме того, свою роль сыграли ведомственные решения Наркомюста и действия ряда руководящих работников иных центральных ведомств, которые протестовали против фактов несправедливого осуждения (А. Сольца, П. Стучки, Е Ширвиндта, И. Булата).

---

⁴⁷⁸ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 111.

⁴⁷⁹ Там же. С. 112.

⁴⁸⁰ Об ответственности за выпуск недоброкачественной продукции. Постановление ВЦИК СССР и СНК ССР от 8 декабря 1933 г. [Электронный ресурс] // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3944.htm (дата обращения: 12.11.2017).

⁴⁸¹ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 134.

⁴⁸² Голдман В.З. Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. М., 2010. С. 17–19.

Наконец, к началу 1930-х годов у советских судей и прокуроров сложилась собственная система ценностей и понимание социальной справедливости, формировавшаяся под влиянием официальной советской пропаганды.

Таким образом, в результате сопротивления судебно-прокурорских работников на местах, последствия использования уголовного закона как средства проведения преобразований были значительно смягчены. Очевидно, что отдельные судебные решения и прокурорские действия не в состоянии были остановить волну произвола и насилия, нараставшую в начале 1930-х, но нельзя забывать о том, что за протоколами, решениями и отчетами скрывались реальные люди, для которых ценой за допущенную несправедливость часто становилась их собственная жизнь.

4.4. Деятельность адвокатуры в условиях антагонизма с властью

Формальное признание советской адвокатуры не означало, что власть с доверием относилась к новому институту. Единственной гарантией выполнения задач, поставленных перед советской адвокатурой в начале 1920-х годов, могло служить большевистское руководство.

Механизм осуществления партийного контроля начинал работать уже при зачислении в члены коллегии защитников (ЧКЗ), поскольку одним из необходимых условий приема была политическая благонадежность и лояльность по отношению к Советской власти. Характерно, что после опубликования положения об адвокатуре, на страницах «Еженедельника советской юстиции» развернулась дискуссия об участии коммунистов в работе коллегий⁴⁸³. Она носила скорее теоретический характер, поскольку коммунистов в коллегиях в 1920-е годы было ничтожно мало. Так, в 1924 году из 78-ми членов Курской губернской коллегии только один был

---

⁴⁸³ Смыкалин А.С. Судебная реформа 1922 года // Российская юстиция. 2002. № 4. С. 42.

большевиком⁴⁸⁴, а в середине 1926 года на 126 курских защитников приходилось лишь 5 членов ВКП(б). Показателен и социальный состав: 6 происходили из рабочих (5%), 39 – из крестьян (31%) и 81 – из интеллигенции (64%)⁴⁸⁵.

В Тамбовской губернии была сопоставимая ситуация. По данным губернской коллегии правозащитников за 1923 год, из 46 членов коллегии членами ВКП(б) являлись двое (4 %), из крестьян – 15 человек (32 %), из мещан – 14 человек (30 %). Остальные происходили из бывших дворян (3 человека), бывших почетных граждан (2 человека), детей бывших чиновников (15 человек). Рабочие в составе коллегии отсутствовали⁴⁸⁶.

Однако сама дискуссия о коммунистах-адвокатах свидетельствовала, что адвокатура воспринималась как буржуазный институт, и вопрос о ее совместимости с советским правосудием оставался злободневным.

Процедура приема в члены коллегии защитников была усложнена. Кандидат должен был представить отзыв уисполкома и уполномоченного губсуда, а также пройти «через образованную при Губсуде из членов коллегии аттестационную, кроме экзаменационной, комиссию»⁴⁸⁷.

В декабре 1923 года Курский Губернский съезд работников юстиции принял Общие положения о коллегии защитников, в которых указывалось: «Признав того или иного кандидата, имеющим требуемый стаж, Президиум собирает о нем сведения способами, какие он найдет возможным и допустимым. В частности, о каждом претенденте в члены коллегии Президиум сообщает всем членам коллегии, причем несообщение Президиуму конфиденциальных сведений, имеющихся у кого-либо из членов коллегии защитников о том или ином претенденте, составляет дисциплинарный проступок. <...> Как лицам, имеющим стаж,

---

⁴⁸⁴ ГАКО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 57. Л. 24.

⁴⁸⁵ ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 1112. Л. 17

⁴⁸⁶ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 557. Л. 107.

⁴⁸⁷ ГАКО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 57. Л. 14.

так и выдержавшим испытание, Президиум имеет право отказать в приеме, если признает, что по получении о том или ином лице сведений, прежняя его деятельность несовместима с деятельностью защитника. При этом Президиум не обязан сообщать неприятому подробной мотивировки отказа, давая такую только Президиуму ГИК, в случае обжалования постановления об отказе»⁴⁸⁸.

Нередкими были случаи, когда претенденты болезненно относились к отказам в приеме в ЧКЗ и жаловались на Президиум коллегии в губисполком. Так гражданину Н.И. Цеху было отказано в приеме на основании отрицательной характеристики, которую губсуд составил на основании данных, полученных от уполномоченного по Рыльскому уезду, где жил и работал Цех. В заявлении в губисполком он написал: «В советской юстиции я работаю с 1920 г., сначала по уголовному розыску, а с 1922 г. секретарем нарсуда. <...> За все время моего пребывания в должности секретаря нарсуда я не только не подвергался никаким дисциплинарным взысканиям, но получал благодарности и ни в чем предосудительном никем замечен не был. <...> Всю свою жизнь я жил исключительно на средства, которые добывал своим горбом, никакой собственности, ни имущества я никогда не имел и не имею, и, меняя должность секретаря нарсуда на члена коллегии защитников, я хотел только применить свои знания на том поприще, на котором считал, что буду наиболее полезен Советской власти»⁴⁸⁹.

В 1924 году гражданин Пастухов обратился к Прокурору Республики с жалобой о том, что ему отказали в приеме в Орловскую губернскую коллегия защитников, поскольку он являлся административно-высланным, что противоречило нормам Положения об административно-высланных. Прокурор Республики запросил разъяснения орловского

---

⁴⁸⁸ ГАКО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 57. Л. 28-29.

⁴⁸⁹ ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 1234. Л. 35.

Губпрокурора. Тот ответил, что Пастухову было отказано не потому, что он административно-высланный, а потому что в состав коллегии как части судебного аппарата, могут быть приняты только люди, заслуживающие полного доверия, «между тем он, как административно-высланный, вряд ли может пользоваться таковым»⁴⁹⁰.

Члены коллегии находились под постоянным контролем со стороны Губсудов. Об этом свидетельствует секретное донесение уполномоченного Президиума коллегии защитников по Рыльскому уезду Сабурова уполномоченному Губсуда Чайкину. Чайкин запросил Сабурова о личностях и деятельности отдельных ЧКЗ и тот ответил, что состоит уполномоченным «около 2-х месяцев и за такой короткий срок не мог еще всесторонне ознакомиться с личностью вышеназванных ЧКЗ, а потому и затрудняюсь дать “исчерпывающие” о них сведения; передавать же непроверенные “слухи” я не считал бы возможным»⁴⁹¹.

В 1927–1928 гг. случаи отказа правозащитникам в приеме в члены коллегии участились. Согласно данным Тамбовской губернской коллегии во втором полугодии 1927 года в приеме было отказано пяти претендентам⁴⁹². Основанием для отказа мог быть, например, отзыв уездного исполкома, в котором сообщалось, что в 1919 года претендент бежал с белыми и имеет недоброжелательные взгляды на Советскую власть, или отчет уполномоченного губсуда, характеризующий претендента с отрицательной стороны.

После образования в 1928 году ЦЧО, которая была разделена на судебные округа, имевшие собственные коллегии, появились случаи, когда правозащитники, которым было отказано в приеме в одном округе, подавали заявление о приеме в коллегию другого округа. Облсуд во избежание подобных ситуаций затребовал от председателей окружных

---

⁴⁹⁰ ГАОО. Ф. Р-1220. Оп. 1. Д. 105. Л. 141, 142.

⁴⁹¹ ГАКО. Ф. Р-166. Оп. 1. 289. Л. 50–51.

⁴⁹² ГАТО. Ф. Р-659. Оп. 1. Д. 59. Л. 5.

судов списки всех ЧКЗ, которым было отказано в приеме по их округу. В письме председателя Облсуда сообщалось, что эти списки будут разосланы по всем округам ЦЧО, то есть создавался реестр неблагонадежных адвокатов⁴⁹³.

В случаях, когда исполком, по каким-либо причинам, исключал члена коллегии из ее состава, исключенный мог узнать об этом не сразу. Например, белгородский адвокат Коньев написал в губисполком: «Только что посчастливилось мне узнать от достойных доверия лиц, что Губисполком санкционировал чье-то представление об извержении меня из кадра защитников. <...> Я – 65-летний юнец, у меня нет почти ни здоровья, никакого имущества, нет никакого знания и умения, кроме адвокатуры, которою я всю жизнь по окончании университета исключительно только и занимался»⁴⁹⁴.

Причины исключения могли быть различными, иногда они попросту не формулировались. Рассмотрим несколько ситуаций.

В мае 1927 года был отозван из состава Белгородской коллегии адвокат Н.Н. Андреев. Он обратился с заявлением в губисполком с просьбой пересмотреть это решение, ссылаясь на то, что работает по своей специальности в судах с 1918 года, ни разу не лишался избирательного права, работал в должности юрисконсульта в различных организациях, лоялен к Советской власти. Все это подтверждалось прилагаемыми справками от уполномоченного губсуда по Белгородскому уезду и уполномоченного президиума коллегии защитников. Губисполком направил заявление в губсуд, который ответил, что оснований для пересмотра решения нет, не приводя ни одной реальной причины отзыва Андреева из состава коллегии⁴⁹⁵.

---

⁴⁹³ ГАВО. Ф. Р-3253. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

⁴⁹⁴ ГАКО. Ф. Р-325. Оп.1. Д. 1587. Л. 378.

⁴⁹⁵ ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 1587. Л. 355.

Упомянутому выше адвокату Коньеву и грайворонскому адвокату В.И. Полякову Губсуд также отказал в пересмотре дела без указания причин⁴⁹⁶.

Исключенный правозащитник из города Сумы Куклярский признавал, что против него было возбуждено два дисциплинарных дела: первое по вопросу о незаконном написании заявления и истцу и ответчику по делу, возбужденному женой против мужа о незаконном отобраении детей, и второе по обвинению другого члена коллегии в создании взаимной склоки. По первому делу он был лишен практики на шесть месяцев. Второе дело еще не было рассмотрено на момент отозвания⁴⁹⁷.

Исключенный из ЧКЗ выпускник юрфака Московского университета С.В. Королев (г. Курск) имел дисциплинарное взыскание по обвинению в ведении дела с двух сторон. Он тоже жаловался в губисполком: «Губсуд ставит мне на вид дисциплинарку, в то время как почти нет защитников без дисциплинарного взыскания, а у весьма многих их по нескольку»⁴⁹⁸.

В заключении губсуда по поводу претензии обоянского правозаступника П.Н. Булашевича указано, что за время пребывания в коллегии с 1922 по 1927 год Булашевич имел четыре дисциплинарных взыскания за поддержание на суде незаконных ходатайств, недисциплинированное поведение на суде и ведение дела с двух сторон. Одно дело, за отсутствием в действиях Булашевича дисциплинарного проступка, было прекращено, за другие он отстранялся от ведения дел в суде на две недели и на месяц⁴⁹⁹.

Правозащитники пытались бороться с решениями губисполкомов, обращаясь с жалобами в вышестоящие инстанции. Так, 18 июня 1927 г. заместитель Прокурора республики Н.В. Крыленко запросил телеграммой

---

⁴⁹⁶ ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 1587. Л. 377, 458.

⁴⁹⁷ ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 1587. Л. 574-575

⁴⁹⁸ Там же. Л. 582.

⁴⁹⁹ Там же. Л. 1017.

председателя Курского губсуда о причинах отозвания из членов коллегии защитников Н.Н. Андреева. Отмечая недобросовестное отношение Андреева к исполнению обязанностей и чрезмерно высокие гонорары, получаемые тем за свои услуги, местный советский чиновник сделал характерное замечание: «Защитник Андреев по происхождению дворянин»⁵⁰⁰.

Дисциплинарные дела в отношении правозащитников не были редким явлением. Здесь, несомненно, играло свою роль то обстоятельство, что адвокаты оставались для местных властей «классово чуждым элементом». В 1923 году Дисциплинарная коллегия Курского губсуда рассмотрела 42 дела в отношении членов коллегии защитников, при общей ее численности в 78 человек⁵⁰¹.

Нужно отметить, что большинство правозащитников ответственно относились к своим обязанностям. Будучи профессиональным сообществом, советские адвокаты ревниво относились к чистоте своих рядов. За первое полугодие 1928 года Президиум Тамбовской коллегии возбудил 14 дисциплинарных производств по поводу профессиональной деятельности правозащитников, из них 6 закончились вынесением взыскания. Нарушения носили разнообразный характер: неявка на дежурства, заведомо неправильные утверждения в кассационной жалобе, неправильный способ ведения дел, выступления без ордера, неуместные выражения в кассационной жалобе и другие⁵⁰². Президиум сетовал на «продолжающиеся до сих пор единоличные нетактичные поступки товарищей: бесцельное пребывание в кулуарах суда с целью вербовать клиентов, не совсем удовлетворительное знакомство с делами, опаздывания на судзаседания, отсутствие чуткого и отзывчивого подхода при даче бесплатных консультаций, написание в жалобах непроверенных

---

⁵⁰⁰ ГАКО. Ф. Р-166. Оп. 2. Д. 21. Л. 126.

⁵⁰¹ ГАКО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 57. Л. 101.

⁵⁰² ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 557. Л. 6.

фактов и т.п.»⁵⁰³. Появилась даже специальная формулировка «профессиональная неосторожность» или «неосторожность поведения».

Иногда Президиумы налагали взыскание даже при отсутствии претензий у судебных органов или милиции. Например, в мае 1923 года милицией был задержан в пьяном виде защитник по городу Кирсанову Тамбовской губернии Китанин. Он признал, что действительно после употребления спиртного на частной квартире отправился не домой, а в столовую. Поскольку общественного порядка Китанин не нарушал, то милиция его не оштрафовала и отпустила домой. Однако коллегия усмотрела в действиях Китанина неосторожность поведения и объявила ему выговор⁵⁰⁴.

Еще один пример. Защитник А.Н. Живописцев явился на судебное заседание в 10 утра, однако был вызван в Тамбовское губернское политуправление и возвратился, когда суд удалился на совещание по поводу переноса слушания по просьбе подсудимого из-за отсутствия защитника. Справка из Губполитуправления подтвердила факт вызова Живописцева, кроме того, заседание и так должно было быть отложено из-за неявки свидетелей, однако коллегия вынесла Живописцеву выговор, найдя в его действиях упущение: он должен был предупредить суд и своего подзащитного о вызове в Политуправление⁵⁰⁵.

О стремлении коллегий формировать профессиональную этику советских адвокатов свидетельствует тот факт, что в июле 1923 года Президиум Тамбовской коллегии защитников постановил срочно выработать вначале временную инструкцию, регулирующую взаимоотношения между защитниками, с клиентурой и судебными учреждениями, а затем начать разработку общего наказа о профессиональном поведении ЧКЗ. Последним было предложено

---

⁵⁰³ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 557. Л. 6.

⁵⁰⁴ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 557. Л. 61.

⁵⁰⁵ Там же. Л. 85.

представить свои соображения в Президиум для обсуждения. «Наказ о профессиональном поведении» был принят в августе того же года расширенным заседанием Президиума коллегии с участием защитников и товарищей защитников, пожелавших участвовать в собрании. Наказ состоял из следующих разделов:

- 1) «Об обязанностях ЧКЗ по отношению к судебным учреждениям»;
- 2) «Об обязанностях ЧКЗ по отношению к своим подзащитным»;
- 3) «Об обязанностях ЧКЗ по отношению к своим товарищам»⁵⁰⁶.

Учитывая специфику профессии, этические вопросы носили для адвокатов отнюдь не умозрительный характер. Например, с введением профессиональной защиты в суде, адвокаты должны были получать в Президиуме губсуда ордер на ведение дела. Суды отказывали ЧКЗ в разрешении ознакомиться с делом без предъявления ордера на защиту или доверенности. В протоколе собрания президиума Тамбовской коллегии защитников от 25 февраля 1923 г. отмечалось: «Защитники по этическим соображениям не могут принимать дело к ведению, не ознакомившись с ним»⁵⁰⁷.

Эта проблема нашла свое отражение в отчете Тамбовского губсуда. Отдельным пунктом отчета был вопрос «Каковы взаимоотношения Губсуда с Коллегией защитников, были ли принципиальные разногласия, как они разрешены, в чем выражается наблюдение Губсуда за коллегией?» Тамбовский губсуд отвечал: «По уголовным делам сказалось некоторое разномыслие в отношении порядка ознакомления с делами ЧКЗ, разрешенное заседанием Пленума Губсуда в смысле того, что защитники для ознакомления с делами, безотносительно тому, будут ли они вести эти дела или нет, не должны предоставлять соответствующие ордера»⁵⁰⁸.

---

⁵⁰⁶ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 557. Л. 83.

⁵⁰⁷ Там же. Л. 21.

⁵⁰⁸ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 557. Л. 42.

Борьба за чистоту рядов не означала того, что коллегии готовы были наказывать своих членов за проступки, не разобравшись в ситуации. В случаях, когда обвинения в адрес правозащитников были огульными, коллегии вставали на их защиту.

В декабре 1923 года в газете «Тамбовская правда» была опубликована заметка «Суд. Тамбовские «методы» защиты» за подписью «Ник. Б.». Заметка касалась разбиравшегося в губсуде дела Баранова и других обвиняемых в ограблении доктора Богородицкого. Автор заметки обвинял защитника А.А. Кирина в некорректном поведении и нападках на Губернский уголовный розыск, а также в том, что защитники готовы принимать к защите любое дело без разбора, даже в том случае, когда «совестно защищать». Автор писал, что «защита была переполнена ложью и грязью со слов подзащитных в отношении к Губугрозыску».

Президиум коллегии рассмотрел дело, затребовав объяснения от Кирина, материалы судебного заседания и сведения редакции об авторе заметки.

Коллегия пришла к выводу, что никакого нарушения закона или профессиональной этики в ходе защиты допущено не было, нападки на Губугрозыск в протоколе заседания суда не отражены и постановила просить Губсуд и Губпрокурора поместить в «Тамбовской правде» публичное опровержение⁵⁰⁹.

Разумеется, коллегии не могли остаться в стороне от социально-политических реалий. Как и все судебные учреждения той эпохи, они страдали от недостатка финансирования и низких зарплат работников. Однако, будучи наиболее образованной частью советской юстиции, правозащитники делали конструктивные предложения по преодолению трудностей. Уполномоченный президиума Губколлегии защитников по Богучаровскому уезду Воронежской губернии в докладе, сделанном на

---

⁵⁰⁹ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 557. Л. 110.

уездном совещании судебных работников в мае 1925 года, предлагал в целях улучшения материального положения работников разрешить ЧКЗ осуществлять платное консультирование хозяйственных учреждений⁵¹⁰. В условиях НЭПа это было вполне адекватное предложение.

Реалии времени часто приводили к коллизиям. В фондах Государственного архива Курской области имеется заключение председателя Курского губсуда от 11 января 1924 г. по делу сирот Нестеровых. Суть дела такова. 14 октября 1922 г. правозащитник Иван Адамович Косьминский, проживавший в Курске по Знаменской улице, дом 7, являвшийся опекуном малолетних сирот Веры и Бориса Андреевичей Нестеровых, обратился в нарсуд 3-го участка Курского уезда с прошением, в котором изложил следующее.

Мать опекаемых им сирот Вера Адамовна Нестерова выехала с опекаемыми детьми по телеграмме к заболевшим сыновьям на юг, но там заболела и умерла. Квартира Нестеровой была оставлена на сохранение гражданке Матрене Скибиной – прислуге сестры Нестеровой. После смерти Нестеровой Матрена Скибина, пустив в квартиру своего сожителя Ивана Скибина и другую родню, завладела как квартирой, так и всей обстановкой и имуществом. Большую часть имущества ответчики Скибины распродали, меньшая часть была у них обнаружена и показана в приложенной к исковому заявлению описи. Опекун Косьминский просил нарсуд признать за детьми Нестеровыми право на оставшиеся вещи их умершей матери, изъять эти вещи из владения и пользования ответчиков и передать малолетним сиротам в лице их опекуна Косьминского.

Нарсуд 3 участка рассматривал дело в феврале 1923 года. Выслушав объяснения сторон и приняв во внимание, что Скибины предъявленный иск признали правильным и против него не возражали, суд определил

---

⁵¹⁰ ГАВО. Ф. Р-410. Оп. 1. Д. 25. Л. 50.

признать квартиру и находившееся в ней имущество принадлежащим брату и сестре Нестеровым и передать его опекуну сирот Косьминскому.

Однако в октябре 1923 года в Губсуд поступило сообщение из редакции газеты «Курская правда» по поводу полученной газетой для публикации заметки, называвшейся «Правильно ли?». Заметка была подписана В.И. Кременецким, соседом Косьминского. В заметке указывалось, что «при отступлении белых банд с Курска бежал некий поп Нестеров со своей семьей, и не успев или не желая распродавать своего имущества, он оставил его торговцу Скибину»⁵¹¹. Заметка привела к возобновлению дела.

Из Курского губернского отдела государственного политуправления было получено сообщение о том, что действительно, священник Нестеров Андрей числился в ГОГПУ бежавшим с белыми. Сведений в отношении его жены Веры Нестеровой не имелось. В заключении председателя Курского губсуда читаем: «если бы эти обстоятельства были известны в процессе судебного разбирательства данного дела, то согласно примечания 1-го к ст. 59 Гражданского кодекса имущество Нестеровой не подлежало возвращению её детям, а должно было бы остаться во владении Скибиной, а в случае недобросовестного владения Скибиной имуществом принадлежавшим лицам, добровольно ушедшим с белыми при эвакуации, подлежало бы <...> конфискации и передаче <...> органам, ведающим безхозяйным имуществом. По изложенным соображениям полагаю настоящее дело направить в порядке циркуляра НКЮ от 26 октября 1923 г. за № 229 на рассмотрение губернского прокурора на предмет направления дела в порядке 254 ст. Гражданского Процессуального Кодекса через Прокурора республики в Верхсуд для отмены решения нарсуда 3 участка Курского уезда от 13 февраля 1923 г.»⁵¹².

---

⁵¹¹ ГАКО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 57. Л. 5.

⁵¹² ГАКО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 57. Л. 5.

Проанализируем ситуацию. Косьминский – родной дядя сирот Нестеровых, о том, что их отец – бежавший с белыми священнослужитель, несомненно, знал. Как правозащитник должен был знать и закон, по которому имущество бежавших с белыми граждан конфисковывалось и не могло передаваться по наследству. Фактически он утаил от суда важное обстоятельство дела, что было правонарушением вообще и нарушением профессиональной адвокатской этики в частности.

С другой стороны, дети остались сиротами, а квартира и имущество, несомненно, принадлежали их матери, что признавали и ответчики Скибины, и автор заметки Кременецкий.

Недостаток информации не позволяет проанализировать мотивы Косьминского: действовал ли он из корыстных побуждений, стремясь завладеть имуществом родственников, либо им двигала справедливость, не позволявшая оставить малолетних детей без жилья и имущества. Несомненно, данное столкновение интересов в области человеческих отношений было спровоцировано реалиями постреволюционной России.

Поначалу обращение людей за адвокатскими услугами не было частым – например, за вторую половину 1923 года консультацию при Курском Губсуде посетили 167 человек. Нетрудно посчитать, что если учреждение работало 5 дней в неделю, то в среднем на один день приходилось чуть больше одного посетителя⁵¹³.

Однако нужда в адвокатской помощи возрастала. Введение новых норм законности, отражавших новые формы отношений, возникших в связи с НЭПом, требовало квалифицированной юридической помощи. Уже за первое полугодие 1927 года работниками Курской губернской коллегии было дано 7031 устных советов, составлено 6121 жалоб и заявлений⁵¹⁴. Всего за этот период было зафиксировано 79460 случаев оказания

---

⁵¹³ ГАКО. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 38. Л. 16, 18–19.

⁵¹⁴ ГАОПИКО. Ф. П-65. Оп. 1. Д. 716. Л. 197.

юридической помощи членами губернской коллегии адвокатов. Помощь оказывалась в виде индивидуальных советов по вопросам права, проведения защит в суде и собеседований. На каждого члена коллегии в среднем за полугодие пришлось 564 случая, или 94 случая в месяц⁵¹⁵.

В Тамбовской губернии за первую половину 1928 года правозащитниками было проведено в судах 3357 дел: 1004 бесплатных и 2363 платных. Выросло и количество мест консультаций. Всего по Тамбовской губернии насчитывалось 56 пунктов: в Тамбове – 18; Борисоглебске – 10; Козлове – 8; Кирсанове – 7; Липецке – 6; Моршанске – 7. С января по июнь 1928 года ими было дано 12805 консультаций (6641 устных и 6164 письменных). Чаще всего за консультациями обращались крестьяне (8948 человек), рабочие (1456 человек), служащие (925 человек) и прочие граждане (1467 человек)⁵¹⁶.

О том, что услугами адвокатов пользовались различные слои населения по самым разнообразным вопросам, свидетельствуют, например, кассационные жалобы, датированные серединой 1920-х годов. Они написаны в профессиональной стилистике, со ссылками на статьи соответствующих кодексов. Например, в жалобе крестьянина-хлебороба Матвея Попова читаем: «Принимая во внимание, что суд в силу 113 ст. Гражданского кодекса обязан был разбор дела в гражданском порядке приостановить производством впредь до решения вопроса о подложности расписки или же первоначально брать дело в уголовном порядке (236–237 ст. У.п.к.)»⁵¹⁷.

Еще один пример кассационной жалобы приговоренного к 4 месяцам лишения свободы за покупку с рук заведомо некачественной муки кустаря-хлебопека И.И. Баженова: «Для применения 107ст. УК необходимо, чтобы от моих действий произошло повышение цены на муку

---

⁵¹⁵ Там же. Л. 199.

⁵¹⁶ ГАТО. Ф. Р–659. Оп. 1. Д. 59. Л. 5.

⁵¹⁷ ГАТО. Ф. Р–659. Оп. 1. Д. 59. Л. 128.

на Тамбовском рынке, чтобы у меня было намерение повесить цены на рынке с целью личной наживы, чтобы причиной этого злостного повышения была скупка»⁵¹⁸.

ЧКЗ Милованов в течение года вел переписку с судом 5 района Моршанского уезда и с Тамбовским Губсудом о рассмотрении дела братьев Назаровых, затем подал жалобу в Верховный суд⁵¹⁹.

Таким образом, встраивание адвокатуры в систему советской юстиции означало изменение отношения правящей партии большевиков к правосудию и правопорядку. Адвокатская деятельность стала восприниматься как нормальная практика, к которой гражданин мог прибегнуть во многих ситуациях повседневной жизни, связанных не только с преступными проявлениями, но и с насущными вещами: разводами, наследованием, имущественными спорами, налоговыми выплатами и прочими социальными явлениями.

К адвокатским услугам обращались представители самых разных слоев населения по разнообразным вопросам. Потребность в адвокатской помощи нарастала, о чем свидетельствовал рост численности коллегий правозащитников.

Немалую роль сыграло то обстоятельство, что становление адвокатуры совпало с переходом от «военного коммунизма» к НЭПу. Дело не только в том, что в рамках НЭПа приветствовалась частная инициатива и индивидуальный труд, но и в усложнении имущественных отношений. В этих условиях адвокатская практика поощрялась с чисто прагматических позиций. Кроме того, настаивая на необходимости адвокатуры, Наркомат юстиции ни в коей мере не предполагал создавать некий институт гражданского общества, который будет защищать интересы индивида от

---

⁵¹⁸ ГАТО. Ф. Р-524 Оп. 1. Д. 858. Л. 37.

⁵¹⁹ ГАТО. Ф. Р-524. Оп. 1. Д. 829. Л. 75–76.

произвола государства. Адвокатура изначально рассматривалась не как правовой, а как политический институт.

На становление советской адвокатуры влиял ряд противоречивых факторов.

С одной стороны, специфика адвокатской деятельности затрудняла рекрутирование в эту среду представителей трудящихся масс, чей образовательный уровень в 1920–1930-х годах оставался крайне низким. Это противопоставляло адвокатуру советской партийно-государственной системе, вызывало недоверие к ней. Однако по мере усложнения социальных отношений внутри новой системы усложнялось советское законодательство и практика его применения, что делало адвокатуру все более востребованной.

С другой стороны, средоточие в адвокатской среде дореволюционных специалистов было нежелательным для новой власти явлением. Кроме того, в адвокатуре было мало коммунистов, что также не укрепляло доверия к ней, особенно на местах. Кроме того, сущность адвокатской деятельности вступала во все больший антагонизм со стремлением власти к репрессивным методам осуществления политических решений.

Выводы по Главе 4

Особенностью деятельности местных органов и учреждений юстиции было то, что они имели возможность, как сдерживать властные злоупотребления на местах, так и противодействовать наиболее одиозным политическим решениям центральной власти, последствия которых вели к откровенному произволу. Такие возможности были обеспечены самой советской системой.

Для противодействия местным чиновникам и руководителям органы и учреждения юстиции были приспособлены нормативно и

организационно – до 1933 года государственная прокуратура действовала в составе Наркомата юстиции РСФСР и надзорные полномочия местных прокуроров были подкреплены амбициями этого ведомства. Адвокаты, оказывая юридическую помощь населению, при всей слабости своих позиций в советском правосудии, заставляли и граждан и чиновников обращаться к законодательству. Адвокаты могли подсказать, как обжаловать несправедливое решение или посоветовать прибегнуть к обращению в вышестоящую инстанцию, что порой оказывалось единственным способом преодоления бюрократизма и волокиты и помогало людям решить проблемы.

Действия органов юстиции по борьбе со злоупотреблениями советских и партийных чиновников в 1920–1930-е годы нельзя признать эффективными. Тем не менее, суды, следственные участки, прокуратуры, члены коллегии адвокатов, нотариусы в своей повседневной практике вникали в подробности многочисленных конкретных жизненных ситуаций, разбираясь в них с позиций «буквы закона», что приводило к отстаиванию прав граждан в случае злоупотребления местных властей.

Противодействие злоупотреблениям на местах имело еще одно немаловажное последствие – судьи на местах и рядовые прокуроры наработали определенный опыт взаимодействия с властью. Не имея юридического образования, они могли определить свою профессиональную позицию.

В начале 1930-х годов в ходе предпринятой большевистским руководством попытки вовлечь судебно-прокурорские органы в масштабный процесс коллективизации путем применения уголовного законодательства стало очевидно, что эта профессиональная позиция во многом определялась собственной системой ценностей и пониманием социальной справедливости, сложившейся у судебно-прокурорских

работников, в том числе, и под влиянием официальной советской пропаганды.

В результате сопротивления судей и прокуроров применению драконовских законов против крестьян, последствия использования уголовного закона как средства проведения преобразований были значительно смягчены.

Глава 5. Советская юстиция и обыватель

Исследуя политические эмоции в Советской России в 1920–1930-х годах, А.Я. Лившин отмечает: «Для понимания того, что произошло в дальнейшем со страной, крайне важно разобраться, какие же настроения царили в изучаемый период в толще народных масс и как воспринималась ими Советская власть в лице тех её представителей, с которыми ежедневно сталкивались жители страны»⁵²⁰.

В полной мере это справедливо по отношению к системе юстиции, которая в 1920–1930-х годах переживала время существенных и организационных трансформаций.

Большевистским руководителям было крайне важно создать у всего мира и у собственного народа представления о демократическом, цивилизованном характере советского государства⁵²¹. Характер правосудия является ярким индикатором демократической политической системы. В исследуемый период, большевиками была выстроена система советского права, которая с известными изменениями действовала и в последующих исторических периодах. Как это было возможно при столь низких материальных возможностях системы и слабом качестве юридических кадров?

Отвечая на вопрос о том, как в условиях слабости и неустойчивости официальных бюрократических структур советскому государству удалось осуществить столь масштабные преобразования во всех социальных сферах, ряд исследователей склоняется к тому, что этому способствовало использование неформальных систем и механизмов личных отношений. Они включали различные аспекты: переплетение неформальных связей региональных и центральных руководителей с официальными

---

⁵²⁰ Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М., 2010. С. 97.

⁵²¹ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 179–182, 443; Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 183, 248.

организационными структурами, действие «сил сверху» против «сил снизу»⁵²². Однако, всего этого не достаточно.

Создать систему правосудия, которая позволила, в конце концов, эффективно решать государственные задачи было возможно только при условии, что население восприняло эту систему как нужную, относилось к ней конструктивно, осознавая её предназначение и возможности её использования в собственных интересах. В сравнении с остальными ведомствами, занимавшимися правопорядком в государстве, советская юстиция имела самое большое «неполитическое» поле деятельности, которое не могло быть ликвидировано даже с переходом к открытому террору.

Прежде всего, это относится к деятельности адвокатов, которые оказывали населению помощь в составлении различных документов, давали консультации по правовым вопросам, советовали возможные варианты поведения в тех или иных ситуациях. Нотариат и вовсе не воспринимался как «силовой» институт. Суды рассматривали дела, связанные с хулиганством, бытовыми склоками, имущественными спорами, уголовными преступлениями далекими от политики. К моменту возникновения практики оценки фактов нарушения трудовой дисциплины, несчастных случаев или неумышленных ошибок как действий политического характера, а сопротивления крестьян колхозному строительству – как уголовного преступления, у обывателя уже сформировалось конструктивное, а во многом и позитивное отношение к системе юстиции, в известной степени позволявшей им реализовывать собственные интересы.

---

⁵²² Goldman В.З. Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. М., 2010. С. 14; Истер Дж. М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010. С. 194–195; Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917-1932 гг. М., 2010. С. 96–97.

5.1. Политическая фразеология в практике повседневного общения с властью

Противостояние злоупотреблениям партийно-советских и чрезвычайных органов на местах не означало, что учреждения юстиции всегда были на стороне граждан, обратившихся к ним в поисках справедливости.

Выдвинув лозунг утверждения «социалистической законности», Советская власть в 1920-х годах все еще сохраняла импульс «революционности», причем на нижних уровнях власти он усиливался. Выше мы показали, что, декларируя необходимость строгого соблюдения закона, власть сама неоднократно допускала правонарушения, прикрываясь борьбой за высшие идеалы революции. На местах такие нарушения носили более явный характер, чем в центре.

К середине 1920-х большевистские идеи начали перерождаться в революционные лозунги демагогического характера. Люди вынуждены были прибегать к политической демагогии, поскольку с властью требовалось общаться «на одном языке». Частота общения с властными органами привела к тому, что демагогическая фразеология не только была освоена обывателем, но и превратилась в своеобразный инструмент решения собственных проблем⁵²³. Это приводило к следующим последствиям.

Во-первых, современники первых лет революции начали активно использовать политические клише в различных жалобах и прошениях, направляемых в органы управления юстиции всех уровней, в губернские суды, в ревтрибуналы, а затем и в прокуратуры.

---

⁵²³ Голдман В.З. Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. М., 2010. С. 20.

Любая, даже самая утилитарная просьба сопровождалась фразами, которые подчеркивали либо «правильное» происхождение, либо революционные заслуги самого просителя или его близких родственников. Например, в жалобах, направляемых в прокуратуру, часто встречались ссылки на службу в Красной армии самих жалующихся или их детей⁵²⁴. Служба в Красной армии в тех условиях – факт политический, и люди были убеждены, что его оценят как заслугу, которая не позволит ущемлять их права.

При составлении жалоб обыватели были не менее эмоциональны, чем партийные идеологи, сопровождая свои претензии пассажами такого рода: «Я состоял секретарем деревенского Комбеда и, несмотря на свое сейчас состояние здоровья как физического так и душевного, я был стойкий за бедный и голодный народ и вообще работал в интересах нашего революционного Правительства»⁵²⁵.

Просители с более высоким уровнем образования прибегали к более корректной фразеологии. В письме жителя города Дмитриева Курской губернии Н.В. Аронова в губотдел юстиции, датированном 20 сентября 1920 г., содержится жалоба на то, что местный отдел управления не выдал ему пропуск в Житомир, куда он хотел уехать для лечения. В жалобе подчеркивалось, что главным содержанием проблемы являлась некомпетентность и грубость уполномоченного Курского губернского отдела управления в Дмитриеве товарища Сальникова, который «в обращении с просителями ведет себя как диктатор, крайне дерзко и вызывающе, ... он привык поверхностно относиться к делу и недостаточно вдумываться в сущность житейской обстановки и положений просителей». Жалоба заканчивалась пафосным восклицанием: «Так ли правительственная власть должна относиться к интересам и нуждам

---

⁵²⁴ ГАКО. Ф. Р-1174. Оп. 1. Д. 26. Л. 26, 36.

⁵²⁵ ГАКО. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 47. Л. 49.

населения? Заявляя об этом губернскому отделу управления, питаю надежду, что он взглянет на мое ходатайство другими глазами, выкажет более гуманности и широты взгляда»⁵²⁶.

К манипуляции революционной фразеологией прибегали и в случаях совершения правонарушений. Так, некоему А.Т. Вознесенскому Старооскольская коллегия правозащитников отказала в приеме на основании отзыва Старооскольского уездного исполкома о том, что в 1919 году он бежал с белыми и имеет недоброжелательные для Советской власти взгляды. Связь с белогвардейцами в середине 1920-х были фактом биографии, который мог иметь опасные последствия. Тем не менее, Вознесенский не только не попытался затушевать эту историю, но и написал жалобу в президиум Курского губисполкома. В ней он привел такие аргументы: «...Происходя сам из пролетарской семьи, будучи сыном сельской учительницы, прослужившей 26 лет на ниве народного образования и отдавшей низовому крестьянству лучшие годы своей жизни, она, уча меня на жалкие крохи, мыслила, очевидно, сделать из меня полезного члена общества и честного гражданина для Республики Советов. <...> Двадцать лет болезненного ученического труда пошли насмарку, в то время когда республика Советов в этот ответственный момент мирного строительства бьет грозный клич “Лицом к деревне и трудящимся”»⁵²⁷.

В иных случаях просители абстрагировались от собственной проблемы и выступали в качестве радетелей общего блага, для чего большевистская фразеология открывала необъятные возможности. Например, упомянутое выше дело кустаря-хлебопека И.И. Баженова. В марте 1928 года он подал жалобу Председателю Тамбовского губсуда, которая заканчивается следующими словами: «настоящее дело имеет интерес общественный, ибо наложение судом кар на кустарей-хлебопек

---

⁵²⁶ ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1 Д. 29. Л. 413.

⁵²⁷ ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 1234. Л. 2-3.

за то, что они стараются купить муку для своей выпечки подешевле и тем удерживают цены на хлеб, вызовет более дорогую покупку муки кустарями у частников и общее повышение цен на печеный хлеб, что уже действительно явиться народным бедствием»⁵²⁸.

Примером спекуляции революционной фразеологией является история, которая произошла в Путивльском уезде Курской губернии. В июне 1922 года во ВЦИК поступила жалоба уполномоченных трудовой сельскохозяйственной артели № 11 при Софрониевской пустыни Путивльского уезда на решение уездного исполкома о ее ликвидации. Жалоба была перенаправлена в Ликвидационный отдел Наркомата юстиции, который, в свою очередь, запросил заключение Наркомзема о статусе трудовой артели.

В ходе изучения вопроса выяснилось, что в начале 1921 года в Софрониевской пустыни поселились беженцы из занятых польскими войсками губерний. В феврале 1921 года 120 монахов пустыни и 48 беженцев объединились в трудовую сельскохозяйственную артель, в апреле зарегистрировали ее надлежащим образом и утвердили устав.

Однако в июне 1922 года постановлением Путивльского уисполкома артель была объявлена распущенной, членов артели должны были в семидневный срок выселить в соседние монастыри. Церкви Софрониевской пустыни закрывались, а артельное имущество передавалось Детскому городку, который на основании приказа Курского губисполкома от 16 апреля 1922 г. за № 100 организовывался на территории пустыни⁵²⁹.

В своем обращении во ВЦИК уполномоченные артели объявили постановление «неправильным», так как не все члены артели были монахами, но все имели рабоче-крестьянское происхождение. Кроме того,

---

⁵²⁸ ГАТО. Ф. Р-524. Оп. 1. Д. 858. Л. 38.

⁵²⁹ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 6. Д. 22. Л. 145.

существование артели, по мнению жалобщиков, не препятствовало организации Детского городка, наоборот: «культурное ведение сельского хозяйства и выделка членами артели всевозможных кустарных изделий является для детей наглядным показанием и способствует техническому их развитию»⁵³⁰.

К жалобе было приложен документ, названный «Приговором жителей села Новой Слободы Новослободской волости Путивльского уезда». В нем жители этого села ходатайствовали «перед Советской властью существующий монастырь и монашествующих оставить на месте и продолжать богослужения»⁵³¹.

Для подобного решения местных властей могли быть различные основания. Во-первых, это типичный пример классового подхода к решению любых вопросов, связанных с церковью. Во-вторых, уездный Совет мог таким образом демонстрировать вышестоящему губернскому начальству свое рвение и большевистскую непреклонность. А в-третьих, для уездных руководителей радикальные решения были наиболее приемлемы, поскольку «они любили и умели отдавать приказы, конфисковывать и расстреливать»⁵³².

Рассмотрим разные аспекты этой ситуации.

Архивные материалы позволяют установить наличие ряда противоречий. В протоколе артельного собрания, направленного в Путивльский уисполком в 1922 году, монахи писали: «Последние два года трудовая артель не получала никакого надела земли, пропитываясь выдаваемым хлебным пайком, но последний уже давно прекращен и теперь приходится поддерживать существование артели подаянием усердствующих людей»⁵³³.

---

⁵³⁰ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 6. Д. 22. Л. 141.

⁵³¹ Там же. Л. 149.

⁵³² Бровкин В.Н. Культура новой элиты, 1921 – 1925 гг. // Вопросы истории. 2004. № 8. С. 96.

⁵³³ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 6. Д. 22. Л. 7.

Однако сохранившиеся документы свидетельствуют: весной 1921 года с разрешения Путивльского уездного земельного комитета артель взяла в аренду на 9 лет 5,5 десятин монастырского сада и 42 десятины «заросшего кустами луга»⁵³⁴. Осенью того же года за деньги, вырученные от продажи фруктов и сена, артелью был приобретен скот. В местном лесничестве были куплены две десятины леса для ремонта построек и текущих хозяйственных нужд. Кроме этого, артель взяла в аренду на 6 лет бывшие государственные водяные мельницы в селе Теткино Рыльского уезда Курской губернии и капитально отремонтировала их⁵³⁵.

В середине 1922 года на попечении артели находилось 24 коровы, 2 пары волов, 6 лошадей, а также было куплено более 1000 пудов продовольственного зерна. Согласно «записке» совета сельхозартели, ей принадлежали овощесушилка, паровая мельница, кузница и столярная мастерская. Если принять в качестве среднесуточного надоя от одной коровы 10 литров молока и предположить, что дойными были хотя бы половина коров стада, то расчет показывает: каждый член артели только хлебом и молоком был обеспечен в размере 8,5 килограмма и 21,9 литров в месяц, что вряд ли можно назвать «поддержанием существования».

Все приведенные данные почерпнуты из документов, представленных артелью в различные инстанции. Причина явной противоречивости сведений проста: жалобы на бедность и голод в протоколе собрания артели предваряют просьбу об аренде пахотной земли⁵³⁶.

Это не единственное противоречие, содержащееся в документах артели. В жалобе во ВЦИК уполномоченные настаивали на том, что не все члены являлись монашествующими, то есть присоединившиеся к артели 48 беженцев монахами не были. Однако по приводимым самой артелью

---

⁵³⁴ Там же. Л. 141.

⁵³⁵ Там же.

⁵³⁶ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 6. Д. 22. Л. 7.

данным, все члены артели были мужчинами разного возраста. Вызывает сомнение тот факт, что с занятых поляками территорий с монахами ушли только одинокие мужчины, либо те, кто оставил свои семьи. Между тем, это был бы серьезный козырь в борьбе за сохранение артели, поскольку в случае ее закрытия сами монахи остались бы жить в монастыре, а судьба семей беженцев становилась неопределённой. Поэтому вероятнее всего, беженцы либо также были монахами какого-либо другого монастыря, из которого вынуждены были уйти по причине разорения или военных действий, либо были послушниками.

Рассмотрением жалобы занимался следователь по важнейшим делам Курского губернского отдела юстиции. Им было подмечено еще одно противоречие: уполномоченные артели всячески подчеркивали, что их беспокойство связано не с вопросами религии, а с тем что, в случае закрытия артели, пострадают гражданские лица, входящие в ее состав. Вместе с тем артельщики просили не закрывать монастырские церкви.

Поведение артельщиков выглядит как заискивание перед местными властями, суть которого не ясна, поскольку артель была официально зарегистрирована с учетом всех законных требований, и логично было бы апеллировать к властям, используя ими же утвержденные документы. Но, как оказалось, именно этого артельщики и стремились избежать.

Чтобы прояснить ситуацию, обратимся к другой стороне конфликта – местным властям. Основанием для ликвидации артели монахи называли приказ Курского губисполкома за № 100. Он содержал следующее: «В целях улучшения материального положения детских учреждений-интернатов дошкольного и школьного возраста, а также поднятия на должную высоту дела социального воспитания путем концентрации детских домов при наличии квалифицированных работников Губисполком постановляет:

1. Детские учреждения-интернаты дошкольного и школьного возраста объединить в Детские городки, организуемые по принципу самопроизводящих коммун.

2. Детские городки основывать в помещениях, вполне оборудованных, расположенных в местах здоровых в климатическом отношении и на берегу реки, в лесу, или вблизи леса»⁵³⁷.

Это решение можно оценить как преследующее конструктивные цели, оно могло помочь в решении вопроса массовой беспризорности, сопровождавшейся беспримерным уровнем детской преступности и детской смертности.

В приказе перечислялись пункты, в которых основывались Детские городки: в Курском уезде – в Коренной пустыни (400 детей), в Дмитриевском уезде – в селе Михайловке (200 детей), в Льговском уезде – в селе Ивановском (500 детей), в Обоянском уезде – в селе Ивне (200 детей), в Белгородском уезде – в Белгородском монастыре (250 детей), в Путивльском уезде – в Софрониевской и Глинской пустыни (600 детей)⁵³⁸.

Для первоочередного размещения Детских городков местные чиновники выбрали исключительно расположенные на территории губернии монастыри и бывшие дворянские усадьбы. Они определенно подходили под оборудованные помещения, расположенные «в местах здоровых в климатическом отношении и на берегу реки, в лесу, или вблизи леса».

Обратим внимание на другое: приказ предполагал использование Детскими городками монастырских построек и земли, но в нем ничего не говорилось о ликвидации каких-либо организаций или обществ, принадлежавших монастырям или связанных с ними. Сами монахи признавали, что места в пустыни хватило бы и им, и Детскому городку.

---

⁵³⁷ ГАРФ. Ф. А–353. Оп. 6. Д. 22. Л. 145.

⁵³⁸ ГАРФ. Ф. А–353. Оп. 6. Д. 22. Л. 145.

По всей видимости, сложилась ситуация, являющаяся логической ошибкой “cum hoc ergo propter hoc”: ликвидация артели являлась не прямым следствием создания Детского городка, а в процессе создания Детского городка на территории пустыни власти обратили внимание на некую деятельность артели, которая и привела к ее ликвидации.

В заключении Кооперативного подотдела Курского губернского земельного управления указано, что артель допускала прямые нарушения «социалистической законности», не выполняла трудовые повинности, в частности уклонялась от выполнения наряда на добычу торфа. Это подтверждается ходатайством артели об отсрочке при мобилизации членов артели на торфяные работы, «как необходимых для жизни коллектива»⁵³⁹.

В мае 1921 года, то есть через месяц после своей регистрации, артель направила ходатайство уездному военкому об освобождении от мобилизации 26-ти членов артели, мотивируя это тем, что если «оных заберут, то артель наша не сможет содержать в исправности огород и сады, так как трудоспособных останется мало»⁵⁴⁰. Между тем, когда для решения вопроса о разрешении аренды земли, уисполком затребовал данные о составе артели, то в предоставленных сведениях было указано: из 164-х членов артели нетрудоспособными являются только 24⁵⁴¹. Таким образом, при условии мобилизации 26-ти человек, в артели осталось бы 114 трудоспособных мужчин.

Документы не дают ответа на вопрос, были ли удовлетворены эти ходатайства, но налицо факт явных попыток уклонения артели от выполнения установленных государством повинностей.

Кроме того, работники Курского губернского земельного управления утверждали, что доходы артели шли на нужды монастыря. Скорее всего,

---

⁵³⁹ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 6. Д. 22. Л. 51.

⁵⁴⁰ Там же. Л. 36.

⁵⁴¹ Там же. Л. 17-18.

это стало очевидно, когда уездные чиновники оказались на территории монастыря в ходе подготовки открытия Детского городка.

При таких обстоятельствах артели невыгодно было жаловаться на нарушение местными властями своих решений путем ликвидации коллектива, работавшего на законных основаниях. Артель вступила в соперничество с местной властью, а соперничество – стратегия поведения в конфликте, которая целесообразна в ситуациях с высокой вероятностью опасных последствий. Монахи знали, что совершали противоправные действия, и в качестве аргумента использовали то, что в состав артели входили не только монахи, но и миряне, и если артель ликвидируют, то будут ущемлены права и тех, и других.

Действия властей в этой истории также нельзя оценить однозначно.

После того как уисполком принял постановление о ликвидации артели, монахи обратились с жалобой во ВЦИК, минуя губернскую «горизонталь», что было вполне в духе того времени. Дальше сработала советская бюрократическая машина: дело касалось церковной политики, и жалобу перенаправили в Наркомюст. Как уже говорилось, выяснение обстоятельств дела было поручено следователю по важнейшим делам Курского губернского отдела юстиции, то есть органы юстиции не собирались формально одобрять ликвидацию артели и конфискацию ее имущества.

Следователь направил в Курский губернский земельный комитет запрос. Его интересовала правильность регистрации артели, выполнение ею необходимых трудовых повинностей, взаимоотношения с монастырем и т.д. Получив сведения об указанных выше нарушениях, он признал постановление Путивльского уисполкома обоснованным⁵⁴².

Тем не менее, местные власти действовали предвзято. Под размещение Детских городков были выделены в основном монастыри,

---

⁵⁴² ГАРФ. Ф. А–353. Оп. 6. Д. 22. Л. 157.

хотя, учитывая природные условия Курской губернии, недостатка в подходящих для размещения беспризорников местах не было. В условиях набравшей обороты антицерковной и антирелигиозной кампании власти были более «бдительны» ко всему, что касалось церкви.

Есть в этом деле и еще одно противоречие. Курский губернский земельный комитет приводит сведения о том, что «в монастыре уже второй год живут больше сотни детей в непосредственном контакте с монахами и предметами культа»⁵⁴³. Местные чиновники использовали это обстоятельство как аргумент в поддержку своего решения о ликвидации артели, что лишено логики.

Во-первых, артель была самостоятельным коллективом и всячески отмежевывалась от монастыря. Во-вторых, именно на территории монастыря предполагалось открыть Детский городок. Для местных партийно-советских чиновников нахождение детей в монастыре было нежелательным явлением. Но вряд ли «непосредственный контакт с монахами и предметами культа» был более опасным для детей, чем беспризорное проживание на улице. Как известно, уклад жизни любого монастыря основывается на посильном труде тех, кто в нем проживает. По сути, монахи уже делали то, что власть только пыталась организовать, но если для власти это было политически важным мероприятием, то монастырю это вменялось в вину как незаконное, «антисоветское» действие.

Другими словами, местные органы юстиции в несомненном стремлении соблюсти законность все же оказались подвержены инерции «революционности», совершая реверансы в сторону антицерковной политики.

В случаях конфликтов граждан с государственными органами и учреждениями, работники юстиции стремились дотошно разобраться в

---

⁵⁴³ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 6. Д. 22. Л. 156.

ситуации. Особенно очевидно это прослеживалось в работе советской прокуратуры.

В начале февраля 1936 года в прокуратуру г. Тамбова поступила жалоба техника Городского жилищного союза Поливанова, который называл себя стахановцем и борцом за справедливость и обвинял руководителей Горжилсоюза в гонениях на него.

Помимо прокуратуры Поливанов направил телеграммы Воронежскому облпрокурору и Наркомюсту Крыленко, в которых заявил, что руководство Жилсоюза и районный прокурор издеваются над ним и выселили его семью из квартиры, в результате чего он вынужден объявить голодовку⁵⁴⁴.

В ходе начатого прокуратурой расследования выяснилось, что квартира, в которой проживал Поливанов, была служебной и выселили его по причине увольнения с должности техника Жилсоюза. Причина увольнения также была вскрыта прокуратурой и оказалась весьма серьезна – Поливанов разрешил перенос водопровода в одном из домов, что технически было недопустимо, и, поскольку подобная ошибка для специалиста была недопустима, этот факт был расценен Горкомхозом как вредительство. Кроме того, Горжилсоюз сообщал, что Поливанов никогда не числился стахановцем⁵⁴⁵.

После допущенной Поливановым ошибки Горжилсоюз обратился с запросом о его образовании и производственном стаже к государственному контролеру по строительству. Последний ответил, что в силу имеющегося образования и опыта работы Поливанов «мог быть допущен к работе лишь по надзору за текущим ремонтом без права

---

⁵⁴⁴ ГАТО. Ф. Р–663. Оп. 1. Д. 376. Л. 110.

⁵⁴⁵ ГАТО. Ф. Р–663. Оп. 1. Д. 376. Л. 117,118.

разрешения вопросов, связанных с перепланированием или изменением конструкций»⁵⁴⁶.

По видимому конфликт с прокуратурой имел для Поливанова неблагоприятные последствия, о чем свидетельствует тональность и содержание его письма заместителю Председателя Горжилсоюза Мягкову: «Соглашаясь с вами в том, что я поступил неправильно и нетактично в моих взаимоотношениях с вами <...> и не урегулировал полученного конфликта другим путем, я прошу меня извинить»⁵⁴⁷.

Таким образом, навязчивое внедрение в массы революционных лозунгов вызвало «эффект бумеранга»: во взаимоотношениях с органами советской юстиции обыватели с большим или меньшим размахом использовали предлагаемую властью политическую фразеологию для оправдания собственных устремлений, или неправомερных действий, подавая их как идейно оправданные и целесообразные.

Обыватель принял новую власть и ее нормы, а его предприимчивость находила лазейки в самых жестких политических конструкциях и условиях, стала способом приспособления и выживания в повседневности.

5.2. Восприятие органов юстиции гражданами

В предыдущих главах мы обосновывали тезис о том, что, несмотря на недовольство большевистским режимом, голод и разруху 20-х годов, консолидации народных масс, достаточной для свержения новой власти, не произошло. Стабилизирующее воздействие на весьма шаткую вначале большевистскую систему в совокупности оказал целый ряд сложившихся социально-политических факторов. К ним следует отнести следующие:

---

⁵⁴⁶ Там же. Л. 116.

⁵⁴⁷ ГАТО. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 376. Л. 115.

1) новая власть была единственной альтернативой голоду, разрухе и войне;

2) система Советов открывала реальный доступ к власти представителям социальных низов, которые в силу низкого образовательного и культурного уровня не могли оценить популистский характер Советов;

3) действия власти были вполне адекватны сознанию людей, поэтому обыватели быстро научились использовать ситуацию в своих интересах;

4) понятие «свобода» несовместимо с большевистской системой, поэтому у индивида был выбор: либо принять реалии нового времени, либо погибнуть.

Помимо перечисленных факторов сыграло роль то обстоятельство, что недовольство советским режимом и страх перед репрессиями стали настолько всеобъемлющими и повторялись столь часто, что уже не воспринимались как нечто из ряда вон выходящее. Другими словами, будучи не в силах бороться с системой, рядовой обыватель начал учиться жить в ней.

Здесь мы должны уточнить следующую позицию. В традиционном понимании в систему правоохранительных органов входят государственные структуры, уполномоченные осуществлять деятельность по охране правопорядка и законности. Правоохранительная деятельность включает и защиту прав и свобод человека. Выше мы подробно обосновывали тезис о том, что характер советской повседневности 20–30-х годов исключал сами понятия гарантии прав человека и свободы личности, поскольку государство было поставлено выше индивида и подчиняло себе его цели. Следовательно, ответ на вопрос о правоохранительном характере соответствующих государственных органов на первый взгляд предполагает категоричное отрицание. Однако детальный анализ источников не позволяет прийти к однозначному выводу.

Рассмотрим в качестве примера процесс выселения бывших дворян и кулаков. Казалось бы, решения, изначально основанные на установке на борьбу с кулачеством, представляли собой властный произвол. Тем не менее, архивы содержат документы, свидетельствующие, что кулаки пытались отстаивать свои права через суды и прокуратуру. Местные суды большей частью действовали в формальном порядке, требуя от различных инстанций необходимые документы. В рассмотрении дел о выселении участвовали исполкомы, прокуратура и адвокаты⁵⁴⁸. Бывшие дворяне и кулаки, пострадавшие от выселения, в большинстве своем ссылались на доброжелательное отношение к ним местного крестьянства, для подтверждения чего предоставляли выписки из протоколов крестьянских сходов. Подлинность таких документов проверяли уполномоченные губсудов, собирая подписки с участников сходов о том, что они участвовали в сходе и подписали протокол добровольно, без всякого давления⁵⁴⁹.

Как уже отмечалось, в жалобах, направляемых в прокуратуру, часто встречались ссылки на факты службы в Красной Армии самих пострадавших или их детей. Здесь уместен вопрос: почему люди, которых власть считала неблагонадежными и притесняла в жизненных интересах, использовали в качестве аргумента службу в вооруженных силах, созданных этой властью и, естественно, защищавших её ценности. Ответ очевиден. Убежденные враги советской власти не стали бы во всеуслышание декларировать свою сопричастность к её институтам. В данном случае пострадавшие были убеждены, что их службу в армии оценят как заслугу, которая даст им право либо на изменение отношения к ним со стороны власти, либо на невозможность ущемления их прав. Исследуя проявления конформизма в Советской России в

---

⁵⁴⁸ См. подробнее: ГАКО. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 38.

⁵⁴⁹ ГАКО. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 38. Л. 19-20.

послереволюционный период, С.В. Яров отмечает, что структура прошений, подаваемых в различные органы, в том числе и в органы юстиции, «была в значительной мере унифицированной. В первую очередь высказывалась жалоба по какому-либо поводу, но она обязательно сопровождалась политическими оговорками, которые должны были подчеркнуть лояльность просителя или его право на получение привилегий»⁵⁵⁰.

Другими словами, бывшие дворяне и кулаки (или те, кто был к ним причислен) готовы были сосуществовать с новой властью, они знали её условия и нормы.

В конце 1920-х годов прокуратуры рассматривали большое количество жалоб граждан на притеснения местных властей. Например, за 2-е полугодие 1929 года прокуратурой Курского округа было рассмотрено 2497 жалоб, из которых 1369 (54,8%) были удовлетворены. Жалобы поступали и от госорганов и общественных организаций, но большинство жалоб было от рабочих и батраков (13) и крестьян (1291). Чаще всего жалобы относились к земельным делам (334), сельхозналогу (288), нарушениям законов о труде (71). По факту расследования жалоб прокуратурой было опротестовано 50 случаев незаконных постановлений местных властей⁵⁵¹. В жалобах по земельным делам или о незаконном увольнении также часто встречаются ссылки на службу в Красной Армии или наличие избирательного права. Рассуждая о политических аргументах, С.В. Яров приходит к заключению, что «человек употреблял их тем охотнее потому, что они были нужны ему не для политического волеизлияния, а для решения насущных повседневных проблем, с которыми он встречался весьма часто»⁵⁵².

---

⁵⁵⁰ Яров С.В. Конформизм в Советской России. Петроград 1917–1920-х годов. СПб., 2006. С. 214.

⁵⁵¹ ГАКО. Ф. Р-1721. Оп. 1. Д. 8. Л. 16–17.

⁵⁵² Яров С.В. Конформизм в Советской России. Петроград 1917–1920-х годов. СПб., 2006. С. 214.

В начале 1930-х судебно-прокурорские работники оказались вовлеченными в кампанию коллективизации. Рейды судебно-прокурорских работников призваны были оказать давление на крестьян с целью получения зерна, пресекать сопротивление коллективизации, защитить сельских активистов от преследований, но при этом вести борьбу с их злоупотреблениями или халатностью. Понятно, что в этих условиях деревню захлестнула волна произвола. Однако ситуация была не столь однозначной, как представляется на первый взгляд.

П. Соломон приводит данные о том, что осенью 1930 года судебно-прокурорские работники Центрально-Черноземной области провели на селе 8409 человекодней. «За невыполнение твердых заданий были осуждены 7347 крестьян, 1414 – получили срок за спекуляцию или за сокрытие зерна, 3066 должностных лиц – за халатность или злоупотребление властью»⁵⁵³. Масштабы на первый взгляд впечатляют.

Однако ЦЧО включала в себя территорию четырех центрально-черноземных, преимущественно аграрных, губерний. Численность населения на 1 января 1930 года составляла 12 080 233 человека⁵⁵⁴. Несомненно, проценты неуместны, когда речь идет о человеческих судьбах, однако это единственный способ оценить масштаб – осенью 1930 года от судебных репрессий пострадало 0,09 % населения ЦЧО.

Соломон приводит следующие сведения: зимой 1930–1931 годов Наркомюст направил бригаду своих сотрудников в областной суд ЦЧО с целью оказания помощи местным судебным властям. Эта бригада была «завалена разбором дел, в числе которых было восемь тысяч жалоб по приговорам, вынесенным во время предыдущей уборочной кампании», то есть, той самой кампании осени 1930 года⁵⁵⁵.

---

⁵⁵³ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 86.

⁵⁵⁴ Центрально-Черноземная область. Статистический справочник. 1930. Воронеж, 1930. С. 3 [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Тамбовской области. URL: <https://elibrary.tambovlib.ru/?ebook=216#n=1> (дата обращения: 28.01.2019).

⁵⁵⁵ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 86.

Таким образом, 8000 из 11827, то есть 67 % осужденных, считали, что вынесенный им приговор – не результат произвола карательной машины, с которой бесполезно бороться, а результат решений конкретных людей, которое может быть оспорено.

То, что ситуация в Советской России к началу 1930-х годов изменилась, признавали и те, кто критически относился к большевизму. Сравним высказывания двух общественных деятелей. Вот запись из дневника С.Б. Веселовского⁵⁵⁶, сделанная 27 февраля 1918 г.: «Я совершенно ясно вижу на себе отражение и проявление общей деморализации, составляющей сущность нашего крушения и распада всего государства и общества»⁵⁵⁷. А это цитата их записок С.Е. Крыжановского⁵⁵⁸ от 1926 года: «Распространенный среди эмиграции взгляд на внутреннее состояние Советской России как на дрящущийся государственный хаос является ошибочным. <...> Прямолинейный, темный коммунизм первых лет уступил место органическому строительству, и страна медленно, но неуклонно возвращается в механизме управления, особенно местного, к более разумным, кое в чем даже прежним приемам и понятиям»⁵⁵⁹.

Характерен акцент, сделанный С.Е. Крыжановским: именно на местном уровне начинают использоваться более разумные формы управления. К началу 1920-х годов в России большинство институтов и ценностей было либо полностью разрушено, либо искажено, вследствие чего возникла реальная опасность социального вакуума. Это заставило власть действовать вопреки первоначальным планам и конструировать

---

⁵⁵⁶ Веселовский С.Б. – российский историк, археограф, академик АН СССР, в течение многих лет вёл дневник, в котором фиксировал своё отношение к общественно-политическим процессам, происходившим в стране.

⁵⁵⁷ Веселовский С.Б. Дневники 1917–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 105.

⁵⁵⁸ Крыжановский С.Е. – русский государственный деятель, юрист. Автор и разработчик ряда важнейших государственных актов, в том числе избирательных законов 1905 и 1907 годов.

⁵⁵⁹ О характере государственного строя в России (из записок С.Е. Крыжановского 1926 г.) // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 17.

новые учреждения. Повседневная жизнь людей складывалась в большей степени под влиянием местной, а не центральной власти.

Но именно местная власть была подвержена наиболее частым изменениям. Мы уже анализировали процесс реформирования местных органов юстиции: уездные бюро юстиции были созданы в августе 1920 года, в сентябре при них образованы особые сессии судов и дежурные камеры, в октябре им переданы функции ликвидированных нотариальных столов, в ноябре 1921 года при них организованы юридические консультации, а в ноябре 1922 года бюро были упразднены. За два года трижды менялся и способ их финансирования.

Кроме того, «местная власть» – понятие обобщенное. Чем ниже уровень власти, тем более непосредственно она воздействует на повседневную жизнь людей, тем более «живую» реакцию она вызывает у населения. От того, какой будет эта реакция, зависит в конечном итоге и эффективность самой власти.

Несомненно, в целом говорить об оптимистичном восприятии обществом большевистского режима в 1920–1930-е годы невозможно. Это применимо лишь к достаточно небольшой общности лиц, фанатично или, по крайней мере, идейно преданных революции. Но к концу 1920-х годов можно говорить о возникновении тенденции к конструктивному восприятию новой власти.

Особенно заметна эта тенденция на местном уровне. Отчасти, это связано с тем, что советы сельского и волостного уровня были «приближены» к населению в прямом и переносном смысле – любой житель села гарантировано имел во властном органе близкого или дальнего родственника и мог надеяться на его содействие и поддержку. Но существовала еще одна более весомая причина: это было время не устоявшихся форм в сфере государственного управления и

правоохранительной деятельности, благодаря чему государственные правоохранительные органы стали развиваться разнонаправленно.

Деятельность органов внутренних дел все больше приобретала репрессивный характер, в то время как система юстиции сохраняла свою изначальную правоохранительную сущность. До середины 1930-х суды не воспринимались рядовым обывателем как репрессивные органы. Судопроизводство было напрямую связано с динамично развивающимся советским законодательством, которое все больше регламентировало социально-политические реалии и позволяло решать повседневные проблемы.

Иллюстрацией того, что правовые нормы начали преобладать над усмотрением и произволом могут служить следующие случаи. В 1923 году почтальон волисполкома А.Е. Дьяков был послан в город Корочу, чтобы отвезти судью 4-го участка Корочанского уезда Курской губернии Нецветайлова. Дьяков должен был отвезти судью обратно, однако самовольно уехал. В результате Нецветайлов вынужден был добираться домой самостоятельно, наняв подводу за 3 рубля. Вернувшись на службу, Нецветайлов возбудил против Дьякова дело по ст. 223 УК РСФСР и сам же рассмотрел его, приговорив Дьякова к 3 рублям штрафа и взыскав с него в свою пользу 1 рубль в уплату судебных издержек. Дьяков обжаловал решение в губернском суде, и решение было в его пользу, поскольку судья не мог рассматривать дело, в котором выступал истцом⁵⁶⁰.

В том же 1923 году священник села Терезовки Корочанского уезда гражданин Колосовский отказался явиться на общее собрание граждан этого села, «оскорбил как Председателя сельсовета, так и Совет и всех собравшихся на общее собрание граждан, употребив слова “сволочи” и “грязь”», что и было передано общему собранию, которое обратилось в суд. Народный суд приговорил подсудимого к лишению свободы сроком

---

⁵⁶⁰ ГАКО. Ф Р-166. Оп. 1 Д. 57.Л. 200.

на 6 месяцев и взысканию судебных издержек в размере 1 рубля 50 копеек⁵⁶¹.

Иногда решения суда были курьезны. В протоколе Народного суда 6-го участка Дмитриевского уезда от 26 июня 1919 г. читаем: «выслушав словесную просьбу Козьмы Александрова и Василия Александрова Ткачевых об отсрочке исполнения над ними приговора Народного суда за 27 мая с.г. по делу по обвинению их в краже разного рода вещей у Демьяна Степанова Кубатина, ввиду рабочей поры и вообще хозяйственных обстоятельств до 1 октября 1919 г., каковым приговором они Ткачевы присуждены к лишению свободы в местах заключения на один месяц и находя такую просьбу уважительной, Народный суд <...> определил: исполнение вышеозначенного приговора над Козьмой и Василием Ткачевыми отсрочить до 1 октября 1919 г.»⁵⁶².

В данном примере интересны не очевидные процессуальные нарушения, допущенные судом, а то, что Ткачевы не побоялись обратиться с подобной просьбой в суд, рассчитывая на понимание. Вполне вероятно, что в судебном участке у Ткачевых были односельчане или родственники, но это не меняет того факта, что они не просто пытались избежать наказания, а действовали законным путем, что было бы невозможным, если бы суд воспринимался исключительно как карающий орган.

Порой граждане проявляли упорство в отстаивании своих интересов и дела по незначительным, сугубо утилитарным вопросам, проходили несколько судебных инстанций. В феврале 1921 года у гражданки Игнатовой, проживавшей в городе Болхове Орловской губернии, была совершена кража. Через два года она заявила в Болховское отделение Угрозыска, что обнаружила у гражданина Селиверстова украденный у нее

---

⁵⁶¹ ГАКО. Ф Р-166. Оп. 1 Д. 57 Л. 257.

⁵⁶² ГАКО. Ф Р-160. Оп. 1. Д. 48. Л. 16.

плюшевый сак и обвинила в краже неких А.С. Ивлева и Н.Г. Романова. Нарсуд 1-го участка Болховского уезда в октябре 1923 года признал обвинение недоказанным и оправдал обвиняемых. Оправдательный приговор был подтвержден Кассационным отделом Орловского Губсуда, где Игнатова обжаловала приговор в декабре того же года.

По просьбе Игнатовой Болховское отделение Угрозыска провело дополнительное дознание, и, в целях выяснения, действительно ли спорный плюшевый сак принадлежал Игнатовой, допросил свидетелей. Из их показаний выяснилось, что сак Игнатовой был сшит в 1912 году и особых примет не имел, а сак Селиверстова был перешит. Одни свидетели заявили, что узнали сак по материи, другие – что сак был у Селиверстова еще в 1920 году, то есть до кражи у Игнатовой. На этом дознание было прекращено.

Однако Игнатова не успокоилась и подала жалобу в отдел Прокуратуры НКЮ, который потребовал направить дело в Верховный суд. В декабре 1924 года Верховный Суд, рассмотрев дело в порядке надзора, оставил приговор Болховского суда в силе⁵⁶³.

История со спорным плюшевым саком порождает вопросы. Учитывая загруженность судов и многочисленные примеры судебной волокиты, когда дела рассматривались годами, удивляет то обстоятельство, что столь незначительное дело за год прошло три судебных инстанции, включая высшую, и два дознания. Очевидно, что это не следствие эффективной работы уездного суда, а скорее, результат того, что в небольшом уездном центре Игнатова была либо статусной фигурой, либо всем известной склочницей, либо была связана с работниками милиции дружескими или родственными отношениями и они оказывали ей организационную помощь. Не случайно, что к делу как свидетели привлекались милиционер Зудов и агент Угрозыска Холодков, которые

---

⁵⁶³ ГАОО. Ф. Р-1220. Оп. 1. Д. 105. Л. 158–160.

должны были подтвердить наличие у нее спорного пальто, что означает их достаточно близкое знакомство с потерпевшей. По-видимому, этим и объясняется повторное дознание, произведенное уже после вынесенного приговора суда. Характерно, что на это обратили внимание и в отделе прокуратуры НКЮ, усмотрев возможность процессуального нарушения.

Здесь важно другое – Игнатова не прибегла к административному давлению или запугиванию Сильверстова, а действовала через суд, используя сугубо законные методы.

Злободневные жалобы рассматривала и прокуратура. Партком завода «Ревтруд» обратился в Тамбовскую городскую прокуратуру с просьбой о выселении из квартиры работницы завода Тарасовой семьи Фроловой, «занимающейся спекуляцией и творящей с Тарасовой различные безобразия (не пускает проходить через комнаты, ругань и др.) в результате чего Тарасова не может готовиться к занятиям в вечернем комбезе»⁵⁶⁴. В ту же прокуратуру обратилась гражданка К.С. Вострикова по поводу задержки выплаты ей пенсии, а Горсовет профсоюзов – об ускорении разбора дела по иску с гражданина Лыскова на содержание его жены – инвалида⁵⁶⁵.

Таким образом, при всем несовершенстве судебной системы, люди воспринимали её как средство либо восстановления справедливости, если человек не считал себя виновным, либо решения собственных проблем, если правонарушение действительно имело место. Попытки власти вовлечь суды и прокуратуры на местах в репрессивные политические процессы оказалось недостаточно для того, чтобы изменить это восприятие. Тем более что советы низового уровня в первые годы коллективизации демонстрировали полную беспомощность и своими хаотичными действиями только усложняли ситуацию. На этом фоне

---

⁵⁶⁴ ГАТО. Ф. Р–663. Оп. 1. Д. 335. Л. 67.

⁵⁶⁵ Там же. Л. 74, 76.

действия судебно-прокурорских работников выглядели более конструктивно и гораздо больше походили на управление процессом.

Причины позитивного восприятия населением Советской России органов и учреждений юстиции, на наш взгляд, кроются в следующем.

Уже с первых лет революции стало очевидным, что большевиками было воспринято такое традиционное явление русской политической жизни, как примат интересов государства над интересами личности. Поэтому государственные правоохранительные органы должны были охранять интересы государства, чем и начали заниматься, например, органы внутренних дел и ВЧК–ГПУ. С системой юстиции этого не произошло.

Специфика юстиции заключается в том, что её работники опираются на знания законодательства и процессуальных норм, без которых их повседневная трудовая деятельность не может быть реализована. Низкий образовательный и культурный уровень основной массы работников на местах не позволяли им анализировать эволюцию правовой концепции большевиков, они могли понимать законы только буквально, то есть защищать интересы рабочих и крестьян. Предписанные надзорные функции усиливали стремление к пресечению нарушений правопорядка любыми органами, которые притесняли эти интересы.

Немаловажную роль в позитивном восприятии органов юстиции играло и то, что к началу 1930-х у обывателя сформировался значительный опыт взаимодействия и контактов с новой властью. Этот опыт подсказывал, что учреждения юстиции, несмотря на все свои недостатки, были более профессиональны, чем, скажем, органы НКВД, руководствовавшиеся почти исключительно классовым принципом.

5.3. Общественная нагрузка в трудовой повседневности работников юстиции

Немаловажную роль в формировании положительного образа работников местных учреждений юстиции в сознании обывателя сыграло их широкое вовлечение в различные общественные кампании, которые были олицетворением времени.

В крупных городах для ведения общественной работы судебные, прокурорские работники, следователи и члены коллегий защитников закреплялись за крупными предприятиями, где они должны были регулярно выступать с докладами, целью которых была пропаганда советского права. Тематика докладов включала как общие теоретические правовые вопросы (земельное, семейное право, карательная политика), так и обсуждение новаций в советском законодательстве, которые были частыми, учитывая реалии исследуемого периода. Масштабы пропаганды советского права неуклонно расширялись. Например, если за весь 1928 год следователями 2-го участка Курского округа было сделано 108 докладов на собраниях трудящихся, то только в 1-м квартале 1929 года они выступили перед работниками различных предприятий 88 раз⁵⁶⁶.

Пропаганда советского права велась и в сельской местности. Уполномоченный Президиума коллегии защитников по Рыльскому уезду Курской губернии Сабуров сообщал в Губсуд, что «все ЧКЗ Рыльского уезда общественную работу ведут, хотя и не все в одинаковой степени, причем работа эта выражается в участии их в юридических консультациях и в юридических кружках при избах-читальнях ... и в чтении докладов и проведении собеседований на юридические темы»⁵⁶⁷.

---

⁵⁶⁶ ГАКО. Ф. Р-1721. Оп. 1. Д. 8. Л. 132.

⁵⁶⁷ ГАКО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 289. Л. 51.

Однако местные исполкомы зачастую считали усилия работников юстиции недостаточными. В одной из резолюций по докладу уполномоченного Курского Губсуда Чайкина было записано: «Отмечая слабость проведения общественно-правовой работы органами юстиции в деревне, предложить Уполномоченному губсуда принять соответствующие меры к усилению общественно-правовой работы в деревне путем увеличения количества выездных сессий и постановки в число докладов и собеседований с крестьянством по правовым вопросам. А также развить работу по воспитанию народных заседателей путем проведения инструктивных совещаний»⁵⁶⁸.

Еще одним видом общественной нагрузки судебно-прокурорских работников была просветительская работа в воинских частях. Протокол совещания при Политотделе 6-й стрелковой Орловской дивизии «О консультационно-справочной работе в частях Орловского лагерного сбора» дает представление о тематике занятий с красноармейцами, проводимых прокурорскими работниками: об основной посевной кампании, о землеустройстве, консультации о хлебозаготовках, консультации о сельхозналоге. Занятия продолжались в течение двух часов и организовывались в форме собраний с избираемым президиумом. Для проведения занятий прокурорским работникам выдавался специальный ордер, в котором указывалась тема, дата занятия, количество присутствующих и ставилась подпись председателя президиума собрания⁵⁶⁹.

Просветительской работой среди красноармейцев были заняты и судебные работники. В Орловском гарнизоне были организованы полковые курсы по подготовке работников низового аппарата. Планом работы курсов предусматривалось изучение организации работы народных

---

⁵⁶⁸ ГАКО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 289. Л. 1.

⁵⁶⁹ ГАОО. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 167. Л. 25.

судов. Занятия вели работники окружного суда. Программа курсов предусматривала изучение следующих вопросов: классовая природа советского суда, Положение о судоустройстве, пределы компетенции народных судов в области уголовных и гражданских дел, сроки и порядок подачи кассационных жалоб, порядок исполнения приговоров, взаимоотношения РКК и нарсудов, общее знакомство с гражданским и уголовным кодексами⁵⁷⁰.

Общественной нагрузкой было и участие работников юстиции в распространении госзайма. Работники судов были обязаны популяризовать среди населения идею подписки, а кроме того, судьи входили в состав комиссии содействия по распространению займа. Нарсуды должны были отчитываться окружным судам об объемах сделанных работниками персональных подписок. Как правило, подписки делались в размере полуторного или двойного месячного оклада⁵⁷¹.

В конце 20-х годов важные позиции в общественной нагрузке работников юстиции заняла работа в рамках так называемого «женского вопроса». В 1929–1930 годах развернулась кампания по привлечению женщин, как на различные государственные должности, так и к общественной деятельности. Решение «женского вопроса» обычно активизировалось накануне 8-го марта: судам предлагалось отчитаться по вопросу проведения совещаний женщин-активисток, о количестве выездных сессий и показательных дел, в которых затрагивались интересы женщин, о выдвижении женщин для подготовки к работе в качестве народных судей.

Отчеты из судебных районов Орловского округа свидетельствуют о том, что перегруженные делами нарсуды негативно относились к необходимости организации показательных «женских процессов».

---

⁵⁷⁰ ГАОО. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 167. Л. 124–130.

⁵⁷¹ ГАОО. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 167. Л. 76, 88, 94.

Некоторые районы попросту сообщали обо всех рассмотренных делах, в которых были задействованы женщины. Например, нарсуд Кромского района рапортовал, что в период с 1 января по 8 марта 1929 г. в интересах женщин было рассмотрено 13 дел о разделе имущества, 5 дел о зарплате и 8 дел о содержании ребенка⁵⁷².

Служебное рвение судебных работников зачастую приводило к цинизму: в отчете Урицкого района сообщалось о том, что большого количества показательных процессов провести не представлялось возможным из-за отсутствия дел, «по которым в резкой форме были нарушены интересы женщин», зато «8 и 9 марта при огромном количестве слушателей» было рассмотрено дело об убийстве женщины и ребенка, в котором виновными были признаны муж и двое его знакомых⁵⁷³.

Практика проведения показательных процессов зародилась в ходе работы выездных сессий судов, которые организовывались для того, чтобы «приблизить» суды к массам. Выездные сессии применялись широко: по данным П. Соломона, в 1926 году 17,1 % всех уголовных дел было рассмотрено на выездных сессиях, а губернские суды заслушали на выезде 44,1 % уголовных дел⁵⁷⁴. Работа выездных сессий проводилась при большом скоплении людей. Помимо юридических, решались воспитательные задачи, поэтому организация выездных сессий считалась одним из наиболее эффективных способов организации правового воспитания масс.

Показательные процессы организовывались по делам, связанным с наиболее актуальными для власти нарушениями. Например, в 1922 году в показательном порядке проводились процессы, связанные с неуплатой продналога. Вот данные Курского Губисполкома: «Судебные процессы проводятся публично при массовом скоплении публики. Продналоговые

---

⁵⁷² ГАОО. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 167. Л. 11.

⁵⁷³ ГАОО. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 167. Л. 13.

⁵⁷⁴ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 38–39.

приговоры сейчас же публикуются в местной газете, которые и рассылаются по волостям. Разбор дел, связанных с продналогом быстро подействовал на неплательщиков продналога и в последние дни по справкам упродкома поступление продналога с каждым днем увеличивается»⁵⁷⁵.

Показательные процессы проводились не только на селе, они организовывались на заводах и фабриках. Публичность происходящего порой приводила к нежелательным для судей последствиям: «отдельные процессы на заводах и в деревнях превращались в шумные и беспорядочные собрания, так как присутствующая публика стремилась активно “участвовать” в заседаниях, на которые она была приглашена в качестве немых статистов»⁵⁷⁶.

Возвращаясь к «женскому вопросу», необходимо отметить, что выдвижение женщин на работу в госорганы и госучреждения стало немаловажной составляющей процесса «орабочивания», активно проводившегося во всех сферах, в том числе, и в юстиции. При проведении выборов народных заседателей партийные и советские руководители не просто настаивали на участии в выборах женщин в качестве кандидатов, но и настойчиво рекомендовали конкретные количественные показатели их участия.

Согласно Положению о судеустройстве, принятому в ноябре 1922 года, списки народных заседателей ежегодно составлялись к 1 декабря. В каждом уездном (районном) центре особая комиссия «разверстывала» соответствующее количество заседателей по промышленным предприятиям, волостям и воинским частям, расположенным на территории уезда. Такая комиссия работала под председательством члена местного уездного исполкома и состояла из уездного помощника

---

⁵⁷⁵ ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 143. Л. 24.

⁵⁷⁶ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 39.

губернского прокурора и одного из народных судей уезда. Разверстка производилась из расчета: 50% заседателей из рабочих, 35% из крестьян и 15% из красноармейцев. Списки направлялись в фабрично-заводские комитеты, комиссарам воинских частей и волисполкомам, где проводились выборы кандидатов, с учетом их политической подготовленности. В течение недели каждый трудящийся был вправе заявить мотивированный отвод против отдельных лиц⁵⁷⁷.

В середине 20-х женщин-заседателей было не слишком много. По данным Воронежского Губсуда в 1925 году в Богучарском уезде из 1008 избранных народных заседателей женщин было 137, то есть 13,5 %⁵⁷⁸. В целом это коррелирует с данными по республике, которые привел «Еженедельник советской юстиции»: в 1925 году в 47 губерниях было избрано 427 325 народных заседателя, из них 65 670 женщин, что составляло 15,4 %. Тот же источник свидетельствует о поступательном росте доли женщин-народных заседателей в последующие годы: в 1926 г. процент составил 18,6 % (данные по 52 губерниям), а в 1927 – 19,5 % (данные по 33 губерниям)⁵⁷⁹.

Заседание бюро Воронежского окружкома ВКП(б) от 16 октября 1928 г. постановило: «предложить райкомам ВКП(б) в связи с кампанией по избранию народных заседателей немедленно развернуть широкую кампанию по популяризации советского законодательства путем постановки этого вопроса на рабочих собраниях, общественных сходах крестьян и собраниях женщин. Через широкое освещение значения этой кампании добиться ... улучшения социального состава избранных за счет большего вовлечения рабочих, бедняков, особенно женщин». В народные заседатели должно было быть избрано не менее 30 % женщин⁵⁸⁰.

---

⁵⁷⁷ Положение о судеустройстве РСФСР от 11 ноября 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

⁵⁷⁸ ГАВО. Ф. Р-410. Оп. 1. Д. 25. Л. 11–16.

⁵⁷⁹ Алимов П. Перевыборы народных заседателей // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 34. С. 2.

⁵⁸⁰ ГАВО. Ф. Р-3253. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

Во второй половине 1920-х женщин начали выдвигать и на ответственные должности. В начале 1928 года в Курской губернии работали четыре женщины-нарсудьи, а одна из них была избрана членом Губсуда⁵⁸¹.

В октябре 1928 года Председатель Областного суда Центрально-Черноземной Области сделал запрос Председателю Воронежского окружного суда: «В связи с осуществлением директив ЦК ВКП(б) и постановления бюро Обкома ВКП(б) об усилении выдвижения женщин как членов партии, так и беспартийных, на ответственную работу, облсуд предлагает срочно сообщить, какое количество мест и на какую работу в окрсуде может быть предоставлено женщинам-выдвиженкам»⁵⁸².

В 1929 году Орловским окружным судом была поставлена задача: каждому судебному району выделить определенное количество женщин-нарзаседателей для подготовки к работе народного судьи. Никаких требований к претенденткам не предъявлялось, считалось, что если они избраны в народные заседатели, то уже прошли «профессиональный отбор». От каждого района выдвигалось 4–8 женщин⁵⁸³.

Характерна повестка совещаний, проведенных накануне международного женского дня в 1929 году в районах Орловского округа с женщинами-заседателями. В Кромском районе «был поставлен доклад о значении международного дня женщин, каковы задачи нарзаседателей-женщин при участии в нарзаседаниях, о браке, семье и опеке»⁵⁸⁴. Интересно не только совмещение теоретических и прикладных вопросов, но и то, что женщине-заседателю, с точки зрения организаторов, отводилась в судебном заседании некая особая роль по сравнению с мужчинами. Из Дросковского района сообщали, что на совещании

---

⁵⁸¹ ГАКО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 255. Л. 27.

⁵⁸² ГАКО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 4. Л. 13.

⁵⁸³ ГАОО. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 167. Л. 10–22.

⁵⁸⁴ ГАОО. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 167. Л. 11.

«женщины активно выступали, указывая на недостатки еще не изжитых на них старинных взглядов, и также отмечали, что со стороны работников суда недостаточно с ними в селениях проводится разъяснений о её праве и весенней посевной кампании»⁵⁸⁵.

В общественную работу была вовлечены и правозащитники. В документах тех лет можно прочитать: «Президиум коллегии защитников считает, что лица свободной профессии в общественной работе должны быть также строителями социализма, как и все служащие госучреждений, почему президиум и поставил своей целью втянуть членов коллегии и в настоящее время мы имеем ЧКЗ, состоящих в обществах: МОПР, Друг детей, АСАВИАХИМ, Красного креста, Долой неграмотность и 14 членов профсоюза»⁵⁸⁶.

С позиций сегодняшнего дня данное решение Президиума выглядит конъюнктурным. Однако учет реалий постреволюционной эпохи не позволяет довольствоваться столь однозначной оценкой. С.В. Яров справедливо полагает, что «вопрос о том, насколько отражают эти оговорки истинные взгляды людей и не употребляют ли они их только как средство для удовлетворения далеких от политики прозаичных, меркантильных интересов, весьма сложен и может быть даже не очень корректен»⁵⁸⁷.

С одной стороны, юристы с дореволюционным университетским образованием не стремились вступить в общество «Долой неграмотность» или помогать осужденным революционерам в рядах МОПРА. Некоторые из них сознательно уклонялись от общественной работы. Например, в 1929 году Председатель президиума Орловской Губколлегии писал ЧКЗ Кладовщикову: «Президиум коллегии констатирует нежелание ваше проводить общественную работу, несмотря на неоднократные директивы

---

⁵⁸⁵ ГАОО. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 167. Л. 10.

⁵⁸⁶ ГАТО. Ф. Р-659. Оп. 1. Д. 59. Л. 5.

⁵⁸⁷ Яров С.В. Конформизм в Советской России. Петроград 1917–1920-х годов. СПб. 2006. С. 214.

Президиума коллегии и даже на то, что вы уже были подвергнуты за это дисциплинарному взысканию. ЧКЗ без общественной работы немислим и нетерпим в рядах красной адвокатуры, одни шкурные интересы – не цель красного юриста»⁵⁸⁸.

С другой стороны, в составе коллегий были и люди не образованные, карьеристы, или же наоборот, искренне воспринимавшие ценности эпохи. Кроме того, профсоюзы могли одержать реальную поддержку, что было немаловажно в тех условиях. Поскольку адвокаты считались «свободной профессией», они не имели собственного профсоюза. Люди попадали в ЧКЗ разными путями, некоторые не желали выходить из профсоюза, в котором состояли по прежнему месту работы. Например, ЧКЗ при Болховском райсуде Орловского округа Тимофеев в 1928 году обратился в окружной суд с просьбой возбудить ходатайство перед соответствующими органами о том, чтобы он мог остаться в профсоюзе по прежнему месту работы, обязуясь платить взносы с заработка ЧКЗ⁵⁸⁹.

Надо учитывать и то, что участие в разнообразных общественных организациях в постреволюционной России воспринималось как адекватное и одобряемое поведение. Профессионализм предполагает способность оптимально качественно исполнять свои обязанности в заданной среде, и с этой точки зрения как бы ни противоречило объединение в профсоюзы сути адвокатской деятельности, но любые объединения были характеристикой времени, и, не соприкасаясь с ними, нельзя было адекватно воспринимать реальность. Тем более что адвокаты работали в условиях осязательного недоверия власти, поэтому находиться в гуще народных масс было в их собственных интересах.

Одним из основных индикаторов социальной важности того или иного вопроса являлось внимание к нему со стороны компартии,

---

⁵⁸⁸ ГАОО. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 167. Л. 6.

⁵⁸⁹ ГАОО. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 36. Л. 10.

поэтому комплексный анализ общественной нагрузки советских юристов невозможен без исследования их партийной нагрузки. Документальной базой такого исследования могут служить протоколы общих собраний и бюро первичных партийных организаций, или, так называемых, «первичек» или «комячеек».

В начале 1920-х годов даже на губернском уровне существовала практика создания в учреждениях юстиции объединенных «первичек», например, в 1923 году действовала объединенная коммунистическая ячейка Курского Губсуда и Губернской прокуратуры. Причина создания объединенной комячейки проста – незначительное количество членов партии среди судебных и прокурорских работников. Статистические данные о партийности работников учреждений юстиции проанализированы в Главе 3.

В 1923 году Курская объединенная ячейка Губсуда и Губпрокуратуры насчитывала 10–12 человек. Партийные собрания чаще всего происходили с привлечением беспартийных (70–75 человек) – не только из-за малой численности ячейки, но и потому, что таким образом решалась задача политического просвещения работающих и поддержания численности «сочувствующих». Заседания бюро ячейки мало чем отличались от традиционной процедуры общих партийных собраний – сначала заслушивался доклад, затем были выступления в прениях и рассмотрение текущих вопросов.

Обратимся к тематике докладов. В период с 17 февраля по 22 ноября 1923 г. на заседаниях объединенной ячейки были заслушаны темы: марксистское понимание искусства, о февральской революции; о Парижской коммуне; о туберкулезе; об Алтае в этнографическом, географическом и политическом отношении; об ультиматуме лорда Керзона; о воздушном флоте; о жизни и деятельности К. Маркса; о нормах

земельного устройства в РСФСР как основе жизни; о коммунистическом Манифесте и другие⁵⁹⁰.

Все доклады принимались к сведению, никаких решений по ним не принималось. Прения носили характер рекомендаций что-либо усилить или дополнить, но случались и «конструктивные предложения». Например, в прениях по докладу «От капитализма к диктатуре пролетариата или структура капиталистического общества» слушатели выразили «желание освещения вопроса лектором в постепенном порядке развития капитализма без скачков от одной эпохи к другой для более ясного усвоения»⁵⁹¹.

Тематика докладов носила культурно-просветительский характер. Сами партийцы высказывали опасения по поводу превращения партячейки в кружок политграмоты. На одном из заседаний один из активных членов ячейки, регулярно избиравшийся председателем заседаний и общих собраний, сделал заявление, что «в докладах на ячейке получается вермишель и не стоит их ставить, а лучше заниматься жизненными вопросами текущего момента»⁵⁹².

В 1930-х годах тематика партийных собраний изменилась. На смену докладам с культурно-просветительской тематикой пришли вопросы производственного и организационного характера: о работе Горсуда и Райсуда; об итогах участия Горсуда, Райсуда и Прокуратуры в выполнении хозполиткампаний; прием в кандидаты ВКП(б); доклады руководителей секторов о работе и утверждение планов работ; о распределении обязанностей между членами парткома⁵⁹³.

---

⁵⁹⁰ ГАОПИКО. Ф. П-1389. Оп. 1. Д. 1. Л. 33.

⁵⁹¹ ГАОПИКО. Ф. П-1389. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

⁵⁹² ГАОПИКО. Ф. П-1389. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.

⁵⁹³ В 1930 г. округа были упразднены, внутри ЦЧО было установлено административное деление на города и районы, причем к городам, действовавшим как самостоятельные административно-хозяйственные единицы, были присоединены районы, например, к г. Курску – Курский район.

После ликвидации в 1934 году Центрально-черноземной области партийные комитеты судебных и прокурорских работников разделились, но объединялись коммунисты городских и областных учреждений. К коммунистам, работавшим в областном и городском судах, присоединились члены партии из числа слушателей областных юридических курсов.

В план работы парткома Курской областной и городской прокуратур на сентябрь – декабрь 1934 года были внесены такие вопросы как состояние рабочего шефства в прокурорском аппарате; о мерах по подготовке к чистке партии; доклады о состоянии отделов, соцсоревновании и выполнении плана; о работе стенгазеты; о ходе партпросвещения; о борьбе с растратами и хищениями в торговле и кооперации и другие⁵⁹⁴.

Фраза «принять к сведению» переместилась в раздел текущих вопросов и применялась только в случае сообщения конкретной информации. Постановляющая часть превратилась в антологию лозунгов и обязательств. Характерно постановление общего объединенного открытого партийного собрания коллектива Курского облсуда и юридических курсов, состоявшегося 17 мая 1935 г., главным вопросом которого была «Проработка речи тов. Сталина 4 мая 1935 г. на выпуске академиков Красной Армии». В нем сказано: «Речь тов. Сталина еще раз обязывает каждого судебного работника особо чуткого отношения к людям, вдумчивого подхода при разрешении судебных дел и соблюдения всех норм закона...»⁵⁹⁵.

Протоколы первичек свидетельствуют, что юристы не слишком серьезно относились к партийной нагрузке. Фиксировались нарушения партийной дисциплины: докладчики опаздывали на заседания без всяких

---

⁵⁹⁴ ГАОПИКО. Ф. П-1389. Оп. 1. Д. 4. Л. 159.

⁵⁹⁵ ГАОПИКО. Ф. П-1389. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.

последствий для себя, доклады переносились по причине неподготовленности, собрания начинались с опозданием на час⁵⁹⁶.

В протоколах 1932–1935 годов о неявках не упоминается (по-видимому, речь идет о неявках без уважительной причины), а вот опоздания продолжались. На собраниях обсуждалась неуплата или несвоевременная уплата членских взносов, появилась формулировка «нарушение нагрузок и поручений парткома»⁵⁹⁷.

Таким образом, в 1920 – начале 1930-х годов у работников юстиции на местах была разнообразная общественная нагрузка: членство в различного рода общественных объединениях, просветительская деятельность, нацеленная на пропаганду советского права, участие в кампаниях по распространению госзайма, организация показательных процессов с целью правового воспитания масс и приближения суда к населению. Для организации подобных видов общественных работ существовали даже «целевые аудитории» – женщины, красноармейцы, крестьяне.

Работники – коммунисты несли партийную нагрузку. В 1920-х она мало отличалась от общественной нагрузки и сводилась к культурно-просветительской работе в форме подготовки материалов для выступлений на заседаниях ячеек и общих собраний. В 1930-х годах партийная работа приобретала все более формальный характер, культурно-просветительская составляющая ушла в прошлое, началось распространение коммунистической идеологии на профессиональную деятельность судебно-прокурорских работников. Однако, несмотря на увеличение численности коммунистов среди работников юстиции на местах и организационную упорядоченность работы первичных парторганизаций, в начале 1930-х годов говорить о реальном партийном влиянии на работу

---

⁵⁹⁶ ГАОПИКО. Ф. П–1389. Оп. 1. Д. 1. Л. 4, 11, 23.

⁵⁹⁷ ГАОПИКО. Ф. П–1389. Оп. 1. Д. 4. Л. 19, 60; Д. 7 Л. 17.

местных судов и прокуратур преждевременно. Можно сказать, что для него только создавалась организационная основа.

Массовое участие судебно-прокурорских работников в общественной жизни нельзя приписывать только принуждению – в исследуемый период эта профессиональная среда была наводнена некомпетентными, а порой и малообразованными выдвигенцами, которым было гораздо легче участвовать в общественной работе, чем разбираться в жизненных или правовых коллизиях. Кроме того, определенную часть кадрового состава советского правосудия в этот период составляли бывшие чиновники, рекомендованные исполкомами, которые использовали привычные для них практики руководства, связанные с агитацией и пропагандой.

5.4. Вовлечение граждан в формы общественного правосудия

В 1920 – 1930-х годах происходил не только процесс широкомасштабного, хотя часто и принудительного, вовлечения работников учреждений юстиции на местах в общественную работу. Имел место и встречный процесс – практика «вхождения» обывателя в систему юстиции в качестве активного субъекта – добровольного помощника или работника на общественных началах.

С первых дней своего существования, во многом благодаря революционному романтизму начала 1920-х годов, учреждения юстиции получили добровольных помощников, готовых сигнализировать о случаях нарушения революционной законности. Возник даже специальный термин «рабочие» или «сельские корреспонденты», которым обозначались лица, писавшие в газеты статьи о каких-либо злоупотреблениях. Однако действия добровольных помощников иногда приводили к проблемам,

поскольку они имели собственные представления о законности, а, зачастую, просто пользовались ситуацией.

В обращении Курской окружной прокуратуры отмечалось, что «благодаря, с одной стороны, недостаточной технической подготовленности рабочих корреспондентов и их слишком яркому стремлению вывести на свет все темные стороны обывательского захолустья, в их сообщениях в газету нередко перегибается палка – происшедшие события классифицируются, а иногда изображаются как криминальные действия, предварительно получившие легальную санкцию. В результате против корреспондентов газеты возбуждаются уголовные преследования по признакам статьи 175 УК. Здесь необходимо учесть и то обстоятельство, что элементы, опорачиваемые в корреспонденциях, обычно ненавидящие гласность и боящиеся её, используют все способы для обезвреживания разоблачителей, прибегая кроме судебной репрессии, которая гадательна, и к способам внесудебной расправы. Вследствие изложенного, подчеркивая необходимость самого бережного отношения к рабочим и крестьянским корреспондентам, предлагаю прокурорскому надзору воздержаться от выступления в процессах, возбуждаемых против работников печати, а в случае возбуждения против них уголовного преследования с особой внимательностью относиться к существу предъявляемых обвинений»⁵⁹⁸.

Судя по материалам печати тех лет, статус «селькора» действительно мог доставить неприятности. В январе 1932 года в газете «Коммуна», издаваемой в Воронеже, появилась редакторская заметка «Травля селькора-агронома». Активный сельский корреспондент газеты «Колхозник» агроном Корнеев, судя по публикации, систематически разоблачал «вредителей конопли», в значительных объемах выращивавшейся в воронежских колхозах. По-видимому, в числе

---

⁵⁹⁸ ГАКО. Ф. Р-316 Оп. 1. Д. 10. Л. 19.

«вредителей» оказались местные руководители, поскольку в заметке указано, что «травле потворствует член партии Стариков, уполномоченный Хлебживцентра». В качестве факта, подтверждающего травлю, упоминается незаконно наложенный милицией штраф в 10 рублей и опись утюга, горшка и двух последних стульев, произведенная в отсутствие Корнеева, который в тот момент был в отъезде, проверяя ход сдачи конопли в отстающем колхозе им. Молотова⁵⁹⁹.

Зачастую статусом рабочего или сельского корреспондента пользовались в личных целях. Показательный случай произошел в июле 1934 года в Тамбовской губернии.

В редакцию «Крестьянской газеты», издававшейся ЦК партии с 1923 по 1939 год, поступило обращение селькоров С.И. Астафьева и Т.Г. Редкозубова о том, что правление колхоза «Дружба» Малиновского сельсовета угрожает им исключением из колхоза за направление в газету публикации об имеющихся нарушениях. Редакция газеты направила запрос в районную прокуратуру⁶⁰⁰.

В сентябре 1934 года прокуратура поручила члену группы содействия прокуратуре В.И. Простоквашину проверить факты преследования, однако Простоквашин был призван в армию, и расследования не проводилось вплоть до декабря, когда редакция направила новое обращение в прокуратуру, где утверждалось, что из-за преследований селькор Астафьев перестал писать в газету.

После этого в колхоз направился народный следователь Мазаев. Выяснилась следующая ситуация. Астафьев и Редкозубов оказались учащимися местной семилетки в возрасте 15 и 16 лет. Из запрошенных следователем характеристик следовало, что оба «селькора» отличались хулиганским поведением и издевались над младшими учениками школы. В

---

⁵⁹⁹ Травля селькора-агронома // Коммуна. 1932. 8.января.

⁶⁰⁰ ГАТО. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 252. Л. 7.

протоколе опроса и в своих письменных показаниях они отказались от утверждения, что получали какие-либо угрозы со стороны председателя колхоза, за исключением одного случая. После того, как на общем собрании они голосовали против утверждения на должность учетчика друга председателя К.Ф. Четырина, председатель потихоньку сказал им: «Вы у меня дождетесь».

Никакого вредительства в колхозе выявлено не было, за исключением незначительных недостатков. Однако в ходе проверки следователь обнаружил, что председатель колхоза Маркин стал злоупотреблять спиртным и халатно относиться к своим обязанностям, о чем сообщил председателю сельсовета⁶⁰¹.

Иногда разобраться в ситуации было непросто. В 1928 году при сокращении штатов в воронежском объединении «Счетпуть» были уволены работники Коренев и Зацепин, которые подали жалобу в прокуратуру Воронежского округа о том, что руководитель объединения товарищ Луценко, используя свое положение председателя месткома, преднамеренно уволил их за то, что они как рабочие корреспонденты разоблачали вредительство. Выписка из протокола собрания закрытого пленума партячейки, направленная в прокуратуру, зафиксировала полное несогласие коммунистов предприятия с подобным обвинением. Они утверждали, что Луценко «выполнил задание парторганизации, требовавшей немедленного увольнения из объединения антисоветских элементов в лице Коренева и Зацепина, выявивших свою физиономию в предвыборную и выборную кампанию месткома»⁶⁰².

Документы не позволяют судить, действительно ли названные работники нарушили что-либо, заслужили увольнения и пытались лишь выглядеть пострадавшими за правду, или руководитель объединения свел

---

⁶⁰¹ ГАТО. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 252. Л. 15-16.

⁶⁰² ГАВО. Ф. Р-253. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.

с работниками частные счета. Очевидно, что статус рабкора или селькора был политизирован, что и позволяло использовать его в личных целях.

Добровольная помощь не была единственным способом привлечения широких масс к поддержанию правопорядка. В 1920-е годы этот процесс формализовывался путем создания различного рода общественных судов, групп содействия, использования в практике работы судов и прокуратур наряду с постоянными работниками «социалистических совместителей».

В своих выступлениях работники юстиции отмечали, что «только тогда прокурорский надзор сможет ответить требованиям трудящихся, когда последние примут самое живое и непосредственное участие в работах прокуратуры. В повседневной бытовой жизни трудящийся видит различные нарушения законов рабоче-крестьянского государства. Но мало видеть беззакония – их надо устранить. Прокурорский надзор, разумеется, примет все меры к тому, чтобы по жалобам трудящихся на правонарушения немедленно принять соответствующие меры. Но этого мало»⁶⁰³.

Работники юстиции признавали недостаточную активность в работе с массами. Так, в резолюции собрания актива органов юстиции Курского района от 3 апреля 1932 г. отмечалось, что основными недочетами судебно-следственных органов «является слабая связь с активом, недостаточное инструктирование его»⁶⁰⁴. Нужны были действенные формы вовлечения трудящихся в процесс надзора за соблюдением социалистической законности, и такая форма была найдена. На промышленных предприятиях и в деревнях формировались группы содействия прокуратуре.

Основной задачей групп содействия на промышленных предприятиях и транспорте являлась борьба за выполнение плана, в первую очередь

---

⁶⁰³ ГАКО. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 3. Л. 15.

⁶⁰⁴ ГАКО. Ф. Р-1174. Оп. 1. Д. 23. Л. 40.

путем своевременного уведомления прокуратуры обо всех «вылазках» классового врага, случаях искажения директив партии и правительства. В сельскохозяйственных районах это была борьба за социалистическую реконструкцию сельского хозяйства и организационно-хозяйственное укрепление колхозов путем выявления случаев явного и скрытого сопротивления классово-чуждых элементов, нарушения революционной законности.

Прокуратура фактически делегировала группам содействия часть своих полномочий. Так, весной 1933 года, в период кампании коллективизации, всем руководителям групп было разослано письмо прокурора Курска И.Д. Кухтина, в котором содержалась программа проверки подготовки к весеннему севу. О результатах проверки руководители групп должны были составить докладные записки по предложенной прокуратурой схеме. Составленные отчеты свидетельствуют об улучшении образовательного и профессионального уровня работников прокуратуры: предложения сформулированы четко и ясно, в полной мере отражают суть явлений, отсутствуют пафосные эмоциональные оценки и призывы классового характера⁶⁰⁵.

Полномочия групп содействия были обширными. Члены группы имели право внести через районную прокуратуру протест о незаконности любого постановления или распоряжения и добиваться его отмены; собрать материал и со своим заключением направить его в прокуратуру для привлечения лица к уголовной ответственности; по специальному распоряжению прокурора расследовать дела в уголовном порядке и осуществлять производство отдельных следственных действий. Члены групп при выполнении возложенных на них обязанностей несли

---

⁶⁰⁵ ГАКО. Ф. Р-1174. Оп. 1. Д. 31.

ответственность как должностные лица, хотя работа в группе считалась общественной нагрузкой⁶⁰⁶.

Создание групп содействия приобрело массовый характер. К концу 1932 года в Центрально-Черноземной области было организовано 4115 групп содействия, в состав которых было вовлечено 16979 человек, из них 17,9 % женщин и 2,5 % инженерно-технического состава. За первое полугодие 1932 года по представлениям групп было возбуждено 606 уголовных и 335 дисциплинарных дел. Всего группы содействия обращались в районные прокуратуры 1907 раз⁶⁰⁷.

Однако приведенные цифры не позволяют оценить эффективность деятельности групп содействия. Отчеты с мест дают весьма противоречивую картину. В отчете Курского областного прокурора за 1935 год⁶⁰⁸ отмечалось, что хотя группы содействия считались основным активом и резервом, откуда прокуратура черпала кадры, «актив этот организован плохо. Райпрокуроры очень мало знают свой актив. Специальной работы с активом не проводится. Резерв актива не создан»⁶⁰⁹.

Другие отчеты наоборот оптимистично утверждали, что в середине 30-х годов работа в группах содействия улучшилась и «проводится на основе заранее составленного плана. План составляется таким образом: чтобы каждый соцсовместитель ознакомился со структурой прокуратуры, с ознакомлением советского законодательства, с ознакомлением всей переписки и уголовными делами, которые поступают из органов следствия. В результате такой постановки работы, мы видим, что у соцсовместителей повысилось желание и инициатива к работе»⁶¹⁰.
Процитированный фрагмент без изменений взят из отчета одного из

---

⁶⁰⁶ ГАКО. Ф. Р-1174. Оп. 1. Д. 34. Л. 23-24.

⁶⁰⁷ ГАКО. Ф. Р-1174. Оп. 1. Д. 36. Л. 40

⁶⁰⁸ С июня 1934 г. ЦЧО была разделена на две области: Воронежскую в составе бывших Воронежских и Тамбовских губерний) и Курскую (в составе бывших Курской и Орловской губерний)

⁶⁰⁹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 353. Л. 32.

⁶¹⁰ Там же. Л. 16.

районных прокуроров в Курскую областную прокуратуру, составленного в рамках компании по перевыборам сельских общественных судов в марте 1935 года.

Противоречие двух документов, скорее всего, объясняется стремлением низового руководителя представить ситуацию в более выгодном для себя свете. К 1935 году руководящий состав советских учреждений на местах состоял в основном из людей, получивших от партии работу и социальный статус. Они осознавали, что их должности достались им не благодаря способностям или образованности, а благодаря лояльности. «Эти люди сознательно отказались от возможности мыслить самостоятельно во имя карьеры»⁶¹¹, и они готовы были представлять любые отчеты, соответствующие партийным директивам, даже если реальность была диаметрально противоположной.

Еще одной формой вовлечения народных масс в поддержание революционной законности стало создание на селе примирительных камер, которые в октябре 1930 года были преобразованы в сельские общественные суды.

В сентябре 1929 года редакция газеты «Курская правда» обратилась к окружному прокурору Я. Вельту с просьбой написать статью на тему «Примкамеры при сельсоветах и руководство ими из районов». Я. Вельт назвал статью «Ближе к массам». В статье он утверждал, что в деле «приближения ... суда к населению громадную роль сыграет вопрос привлечения к работе в примирительных камерах крестьян своего села, как в качестве председателей Суда, так и заседателей»⁶¹². Разъясняя полномочия примирительных камер, прокурор пишет: «Постановления свои примкамеры выносят без ссылки на какие-либо кодексы. Решения примкамер являются окончательными, обжалованию не подлежат и

---

⁶¹¹ Бровкин В.Н. Культура новой элиты, 1921 – 1925 гг. // Вопросы истории. 2004. № 8. С. 96.

⁶¹² ГАКО. Ф. Р-1721 Оп. 1. Д. 38. Л. 6–7.

приводятся в исполнение сельским советом. В исключительных случаях, когда примирительные камеры выносят решения, явно противоречащие нашему законодательству, ... или выходят за пределы мер репрессии по закону позволенных, то Народный судья или Прокурор имеет право приостановления исполнения решения и дело рассматривается вторично Народным судом»⁶¹³.

Процесс формирования примирительных камер происходил сложно. Крестьяне недоверчиво относились к новой форме правосудия. Представляют интерес данные о социальном составе избранных для работы в примирительных камерах. Окружными судами была дана директива: «личный состав камер с социально-классовой стороны обеспечить близкими нам социальными группами: батрачеством, беднотой, середняками, женщинами и в известной части учительством, избачами и другими местными культурными работниками»⁶¹⁴.

Однако на местах в состав примирительных камер избирали больше середняков.

Таблица 7

Сведения об организации примирительных камер в отдельных районах Орловского судебного округа в августе 1928 г.⁶¹⁵

Название района	Количество выбранных бедняков	Количество выбранных середняков
Знаменский	6	17
Верховский	23	46
Малоархангельский	18	27
Мценский	117	118
Троснянский	13	22
Всего	177	230

⁶¹³ ГАКО. Ф. Р-1721 Оп. 1. Д. 38. Л. 6-7.

⁶¹⁴ Таблица составлена по данным 5 районов Орловского судебного округа за август 1928 г. ГАОО. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 54. Л. 28.

⁶¹⁵ ГАОО. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 54. Л. 46, 48-50, 64.

В сентябре численность избранных середняков увеличилась: в Знаменском районе было избрано 22 бедняка и 38 середняков, а в Малоархангельском – соответственно 53 и 56⁶¹⁶.

Подобное отклонение от директив окружного суда можно объяснить тем, что рассмотрение дел в примирительных камерах, с точки зрения крестьян, должно было больше основываться на справедливости, чем на законе, а справедливости они ожидали от сумевших обустроить свою жизнь и знавших цену тяжелому сельскому труду середняков.

Типичную картину социального состава примирительных камер дают сведения из Дросковского района Орловского округа, полученные в октябре 1929 года. Среди 175 человек, избранных в состав примкамер, было 97 середняков, 71 бедняк, 3 батрака и 4 служащих. Женщин из общего числа было 21. По партийной принадлежности: 8 человек являлись членами или кандидатами ВКП(б) и 8 – комсомольцами. Образовательный уровень: 5 человек со средним образованием, 162 – с низшим и 7 неграмотных⁶¹⁷.

Для удобства крестьян действующие примирительные камеры работали по воскресеньям и в религиозные праздники⁶¹⁸.

Процесс организации примкамер шел очень медленно. Кроме социальных сложностей были и организационные. В октябре 1929 г. нарсуд Орловского района сообщал в окружной суд, что камеры созданы при 31 из 48 сельсоветов, находившихся на территории района. В качестве основных причин назывались нехватка судей, отсутствие средств передвижения, а также неявка на выборные собрания крестьян, занятых уборочной⁶¹⁹.

---

⁶¹⁶ ГАОО. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 54. Л.62, 63.

⁶¹⁷ ГАОО. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 54. Л. 151.

⁶¹⁸ ГАОО. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 54. Л. 164.

⁶¹⁹ ГАОО. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 54. Л.91.

Подобная картина наблюдалась и в других округах ЦЧО. В докладе прокурора 3-го участка Курского округа от 2 июля 1929 г. отмечается: «К глубокому сожалению настоящий мой доклад будет отражать лишь одну жалкую картину невыполнения постановления правительства в части тех задач, которые возлагаются на примирительные комиссии. Мной обследовано 11 сельсоветов всех трех районов: Солнцевский, Медвенский и Обоянский, и везде наблюдается одна и та же картина бездействия примирительных комиссий. А по некоторым сельсоветам они еще даже и не организованы»⁶²⁰.

Постановлением ВЦИК, СНК РСФСР от 10 октября 1930 г. существующие при сельсоветах примирительные камеры должны были переименовать в сельские общественные суды. Очевидно, что это было связано с коллективизацией, а также с вышеописанными сложностями, возникшими при организации примирительных камер. Выше мы отмечали, что начало 1930-х годов было одним из самых сложных и драматичных моментов деятельности судебных-следственных учреждений в исследуемый период. Дела, связанные с законом «о пяти колосках», были неподсудны общественным судам.

Однако, не все в сельской жизни было связано с колхозным строительством – возникали гражданские иски, драки, убийства, случаи хулиганства или оскорбления, кражи. Между тем, официальные судьи были заняты в кампании коллективизации, и у них не хватало времени на другие дела. Поэтому местные власти пытались воздействовать на общественные суды, принуждая их к рассмотрению дел, которые выходили за пределы их компетенции. Однако Наркомюст занял по этому вопросу однозначную позицию – общественные суды могли рассматривать дела о хищениях только в случаях мелких краж.

---

⁶²⁰ ГАКО. Ф. Р-1721. Оп. 1. Д. 8. Л. 141.

Вовлечению населения в дело охраны правопорядка должно было способствовать и формирование при местных советах секций революционной законности. На практике их работа часто превращалась в принудительные заседания с участием юрисконсультов советских учреждений и судебно-прокурорских работников.

Так, на заседании Курской городской секции от 22 сентября 1933 г. было принято решение: «в целях оживления деятельности секции РЗ, с которой прервали связь судебные работники и милиция, привлечь их в секцию, просить Т. Гурского [помощник прокурора г. Курска – А.К.] о привлечении в секцию всех юрисконсультов, членов групп содействия прокуратуре и членов товарищеского суда»⁶²¹. Действительно, в прокуратуре было заготовлено обращение к юрисконсультам: «Прокуратура и нарсуд свой судебно-прокурорский актив объединяет вокруг секции революционной законности. Поэтому Прокуратура и нарсуд просит Вас принять в этом участие путем соединения всех юрисконсультов при секции революционной законности и судебно-прокурорских работников, чтобы всеми силами вести борьбу и налаживать правовую работу на предприятиях и учреждениях»⁶²².

В 1929 году в ЦЧО зародился новый метод работы – месячник проверки соблюдения революционной законности. Как прокурорский актив, так и простые граждане могли сообщать в прокуратуру об имеющихся незаконных постановлениях или злоупотреблениях местных властей или руководителей любого ранга. Тогда же появляются и сведения о шефстве рабочих фабрик и заводов над отдельными прокуратурами⁶²³.

Тем не менее, в докладе Наркома юстиции РСФСР Н.М. Янсона на III Совещании судебно-прокурорских работников РСФСР «О работе Управления Прокуратуры Республики за 1929 – май 1930 гг.» отмечалось:

---

⁶²¹ ГАКО. Ф. Р-1174. Оп. 1. Д. 31. Л. 260.

⁶²² ГАКО. Ф. Р-1174. Оп. 1. Д. 31. Л. 262.

⁶²³ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 10. Д. 24. Л. 126.

«наряду с отмеченными выше достижениями по линии связи с массами и общественностью, необходимо отметить недостаточность результатов этой работы, главным образом, по линии организации вокруг прокуратур и следственного аппарата общественного актива»⁶²⁴.

Важность работы с активом объяснялась, в том числе и тем, что одной из важнейших задач советской юстиции была профилактика правонарушений. Газеты тех дней писали: «Имеем ли мы возможность для того, чтобы перестроить работу органов юстиции в направлении предупреждения преступлений? Безусловно, имеем. Возможности эти колоссальны. Вокруг органов юстиции ЦЧО за эти годы вырос 156-тысячный рабочий и колхозный актив в лице народных заседателей, общественных обвинителей, групп содействия прокуратуре, производственно-товарищеских судов, сельских и колхозных судов. <...> Общественные суды объединили по ЦЧО свыше 50 тысяч рабочего и колхозного актива, в том числе свыше 10 тысяч женщин. <...> Тем не менее, мы вынуждены констатировать недооценку всего политического значения общественных судов со стороны ряда работников юстиции, а главным образом, со стороны низовых партийных, профессиональных и советских организаций»⁶²⁵.

В целом, попытки создать эффективные формы вовлечения населения в повседневную работу по охране социалистической законности нельзя признать успешными. Тому было несколько причин. Во-первых, у части партийных и советских руководителей на местах все еще сохранялись представления о «ненужности», «временности» любых институтов юстиции в советском государстве, поэтому они не прилагали значительных усилий в организации и поддержании деятельности

---

⁶²⁴ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 10. Д. 24. Л. 126..

⁶²⁵ Гуревич Я. Органы юстиции на новом этапе (ко II съезду работников юстиции ЦЧО) // Коммуна. 1932. 23 июня.

общественных судов. Большой частью такую активность проявляли сами органы и учреждения юстиции.

Во-вторых, большинство активистов лишь формально носили свой статус, поскольку привлечь сельского жителя к чему-либо в период уборки урожая практически невозможно. Соответственно создавалась видимость, что людей привлечено много, а дело не двигалось.

В-третьих, «бескодексное» правосудие входило в диссонанс с социально-политическими процессами, происходившими в стране в конце 1920-х – начале 1930-х годов, главной составляющей которых было стремление государства нормировать все стороны жизни людей.

Как мы отмечали выше, в 1933–1934 гг. явной стала тенденция к укреплению законности и централизации различных ведомств юстиции, и общественным судам в этой структуре была уготована бутафорская роль. К тому же деятельность общественных судов и «соцсовместителей» не столько приближало правосудие к населению, сколько дискредитировало его, что к середине 1930-х уже было ненужно власти, которая стала рассматривать право как орудие для достижения своих целей.

Выводы по Главе 5

Граждане Советской России обращались в учреждения юстиции или прибегали к услугам адвокатов и нотариусов по злободневным, насущным для них делам.

Обыватель мог столкнуться с судебно-прокурорскими учреждениями не по собственной воле – в связи с совершенным правонарушением. В этом случае его поведение зависело от тяжести содеянного и от собственной предприимчивости. Одним из беспроектных приемов являлось использование для реализации собственных интересов демагогической революционной фразеологии.

В течение 1920-х годов власть постоянно пыталась задать

деятельности органов и учреждений юстиции некий вектор развития. Новые концепции, как правило, находили отражение в изменении риторики: «революционная сознательность», «разоблачение врагов», «перегибы», что подталкивало обывателей к тому, чтобы привязывать «правильные» фразы к любым, порой самым неблагоприятным ситуациям, пытаясь затушевать их сущность.

Позитивному отношению к работникам учреждений юстиции способствовала и их вовлеченность в общественную жизнь. Говоря об обывателях и работниках юстиции на местах, мы имеем в виду не жителей столиц, а прежде всего, население небольших городов, поселков и деревень, которое составляло большинство. Здесь всё было на виду.

Частые приезды в села судебных-прокурорских работников с просветительской миссией, чтения лекций на предприятиях и в воинских частях, показательные процессы способствовали не только «приближению» системы юстиции к населению, но и тому, что граждане осознавали её как реально действующий механизм, связанный с обеспечением порядка и привычных форм жизни.

Партийная нагрузка работников юстиции не преобладала над иными формами общественной нагрузки, так как доля коммунистов была невелика, реального влияния на профессиональную карьеру партийность не оказывала.

Знакомству обывателя с системой юстиции способствовало и его вовлечение в разнообразные формы общественного правосудия. Однако деятельность общественных судов не была эффективной и часто дискредитировала себя экстремистскими решениями, или наоборот, полным бездействием и неспособностью решить ситуацию.

Во многом положительному восприятию органов и учреждений юстиции способствовали профессиональные действия их работников. Малообразованные судьи на местах с момента прихода большевиков к

власти, слышали и воспринимали лозунги о том, что они являются хозяевами жизни, рассуждения власти о социальной справедливости и сознательности. При этом идея социальной справедливости преподносилась как важнейший государственный приоритет.

Естественно, подобные лозунги и призывы формировали сознание и систему ценностей работников юстиции, однако, не помогали разобраться в тонкостях политических намерений руководящей верхушки. Выполняя профессиональные обязанности, они действовали «как написано», потому что законы издавала власть, называвшая себя «самой мудрой и справедливой». Однако судьи и прокуроры на местах не всегда могли разобраться в том, «что написано». В этом случае, они действовали, исходя из своего усмотрения, что приводило к тому, что их понимание справедливости шло в разрез с репрессивными намерениями власти.

Заключение

Социально-политическая повседневность отдельного общества на определенном отрезке истории представляет собой совокупный результат деятельности политических институтов, целью которых является реализация задач, диктуемых историческими условиями. Применительно к системе юстиции в 1917–1936 гг. – это результат деятельности органов управления юстицией, судебно-следственных и прокурорских учреждений, а также таких институтов как адвокатура и нотариат, происходившей в условиях постоянных радикальных изменений. Как показало исследование, такую деятельность нельзя оценивать только как функционирование, поскольку она происходит не в вакууме, а отражает намерения одних людей и удовлетворяет ожидания других.

Правопорядок не является только теоретической концепцией, дополненной практическими инструкциями и предписаниями, он всегда связан с усмотрениями людей, у которых «здесь и сейчас» возникают каждодневные проблемы, и значим только тогда, когда становится реальным регулятором жизни этих людей. По нашему мнению, деятельность органов, учреждений и институтов в системе юстиции стала социально-политической повседневностью тогда, когда к ней «подключился» еще один субъект – общество, состоящее, в конечном итоге, из миллионов индивидов, выступающих в реальной практике жизни в качестве обывателей, решающих конкретные насущные и важные, но «обычные» проблемы.

В целом, мы считаем, что обыватель – это субъект, сталкивавшийся с результатом деятельности юридических ведомств как с объективной реальностью, в которой он вынужден был существовать. Как бы власть не пыталась убеждением или принуждением заставить подчиняться букве прописанных правил, каждый человек усматривал в этих правилах то, что

помогало ему организовать свою единственную жизнь наиболее удобным для него способом. Это касалось как тех, кто считал себя наделённым полномочиями предписывать правила, так и тех, кто был обязан им подчиняться.

Если правила действительно позволяют регулировать нормальные социальные практики – ими будут пользоваться и составители и пользователи. Но проблема заключается в том, что власть зачастую создает правила, которые удовлетворяют её амбиции, но не позволяют регулировать реальные жизненные ситуации. В этом случае, индивид не может приемлемо организовать свою жизнь, а власть имущие не удовлетворяют своих амбиций, поскольку выбранные средства не соответствуют цели. Едва ли не единственным результатом такого правопорядка становятся сломанные судьбы конкретных людей.

В исследуемый период юстиция не являлась единственной ведомственной структурой, которая обеспечивала правопорядок в стране. Эту задачу решали система НКВД, органы госбезопасности (ВЧК – ОГПУ), система Наркомата Рабоче-Крестьянской Инспекции. Помимо этого, отдельными полномочиями были наделены чрезвычайные органы (продкомы, ЧОН и другие). Однако отношение к этим системам было различным.

Архивные источники свидетельствуют о том, что юстиция была в большей степени приспособлена к регулированию насущных жизненных практик, тогда как остальные вышеназванные структуры были изначально политизированы. Например, фраза «рабоче-крестьянская милиция» относится к разряду клише, тогда как словосочетание «рабоче-крестьянская прокуратура» или «рабоче-крестьянский нотариат» не прижились в обиходе послереволюционной эпохи. Документы свидетельствуют о том, что в лучшем случае по отношению к

учреждениям и институтам юстиции применялось определение «советский».

Анализ документов подтверждает тот факт, что деятельность местных органов юстиции выходила за рамки решения вопросов с сугубо классовых позиций, признавала наличие не только политических ситуаций. Можно утверждать, что обращаясь с конкретной жизненной проблемой в суд или прокуратуру, человек рассчитывал, что работники этих учреждений будут искать и наказывать не классового врага, а его личного притеснителя. Это вызывало доверие и позитивное восприятие системы юстиции простыми людьми, при всех ошибках, перекосах, злоупотреблениях, а порой и чистом беззаконии, допускавшихся в её звеньях.

До 1922 года местные органы управления юстицией были вписаны в систему Советов. В первые постреволюционные годы для народных масс сельские или уездные Советы олицетворяли способ попадания «во власть», реальную возможность изменить свой социальный статус, поскольку оценить популизм и демагогию власти было сложно. Связь судебно-следственных участков, адвокатской помощи, нотариальных столов с местными Советами в первое постреволюционное пятилетие, когда были сильны настроения революционного романтизма, также «приближала» юстицию к обывателю.

В исследуемый период система юстиции сохраняла правоохранный характер своих органов и учреждений, насколько это было возможно в политической системе, основанной на личной несвободе.

Задаваясь вопросом о причинах данного парадокса, необходимо акцентировать внимание на следующих позициях. До середины 1920-х годов в системе юстиции работало значительное количество дореволюционных специалистов. Специфические профессиональные знания представителей судебно-адвокатского корпуса не могли быть

востребованы в иных сферах, их политические пристрастия были неприемлемы для новой власти, к тому же организованное правосудие поначалу вообще рассматривалась как временная мера. Поэтому с дореволюционными специалистами в сфере юстиции мирились охотнее, чем в иных сферах. Они привнесли не только знания и опыт, но и профессиональное восприятие юстиции как правоохранительной сферы. Что касается новых работников, то они делились на две категории. Одни были увлечены идеей народовластия и стремились ликвидировать любые препятствующие ему нарушения, даже если их допускали представители власти. Другие не имели ни серьезных убеждений, ни достаточных знаний и действовали так, «как написано».

Уже к началу 1920-х годов большевики осознали необходимость разработки полноценного законодательства. Ответ на вопрос: почему они вынуждены были написать «правильные» законы очевиден – иначе они не удержались бы у власти. Последовательная реализация принципа «революционной целесообразности», в сочетании с закрепленным Конституцией 1918 года самовластием Советов всех уровней, стала для центральной власти едва ли не большей угрозой, чем сопротивление свергнутых классов, особенно в условиях гражданской войны.

Получившие ранее недостижимую для них власть, представители трудящихся масс, прикрываясь «классовым чутьем» и революционной демагогией принимали местные юридические нормы, которые зачастую не просто игнорировали, а попросту шли в разрез с распоряжениями центральной власти, отражая их собственные представления о законности.

В этих условиях отделы и бюро юстиции и руководимые ими судебно-следственные участки стали преградой, сдерживающей революционный произвол на местах. Откуда у них были для этого ресурсы?

Прежде всего, это была поддержка центрального ведомства – Наркомата юстиции, которому отделы юстиции местных исполкомов были подчинены фактически. Когда стало ясно, что без формализованного правопорядка нельзя обойтись, НКЮ начал укреплять свои позиции, отстаивая необходимость и жизнеспособность органов и учреждений юстиции в советском государстве.

Во-вторых, народовластие из политической концепции быстро превратилось в удобный для власти лозунг, позволявший манипулировать сознанием широких народных масс. Для поддержания большевистской демократии в сфере правопорядка начали развиваться разнообразные формы народного правосудия: общественные суды, сельские суды, примирительные камеры, группы содействия, соцсовместители и т.д. Однако для того, чтобы эти экспериментальные формы могли существовать хотя бы на бумаге, нужно было грамотно выстроить судебную-прокурорскую систему. Другими словами, ресурсы для сопротивления обеспечила само советское государство, которое уже в начале 1920-х годов было заинтересовано в стабильном правосудии, как в средстве прекращения хаоса.

Нельзя не сказать о том, что революционный правопорядок неразрывно связан с репрессивными методами его поддержания, и органы юстиции не могли избежать этой тенденции. Не противоречит ли этому вывод о позитивном восприятии системы юстиции обывателями? С психологической точки зрения нет: революции и войны начала XX в. сделали насилие обыденным, оно присутствовало в сознании людей как повседневная реальность, стало привычной социальной практикой. Кроме того, правосудие предполагает применение санкций, в том числе, насильственного характера.

К началу 1920-х годов непосредственная угроза падения большевистской власти была снята. Начинается строительство сильного

централизованного государства и одним из первых шагов на этом пути стала судебная реформа 1922 года, результатом которой было упразднение губернских отделов и уездных бюро юстиции. Ликвидация местных административных органов, находившихся в основании ведомственной пирамиды, возглавляемой Наркоматом юстиции, значительно сократила полномочия последнего. Это объясняется тем, что к 1922 году институциональные возможности НКЮ стали намного превышать ту роль, которая ему отводилась в советском государственном механизме.

В компетенции НКЮ осталось судебное управление, тогда как судебный контроль был передан Верховному суду РСФСР. Это было началом процесса обособления судебной системы и превращения её в орудие политического господства.

Как показало исследование, учреждение государственной прокуратуры и советской адвокатуры так же иллюстрировали тенденцию к обособлению отдельных звеньев системы юстиции, развивавшуюся на протяжении почти целого десятилетия. Государственная прокуратура была создана в структуре НКЮ. Во главе Прокуратуры, в качестве Прокурора Республики, стоял Народный Комиссар Юстиции. В случае с прокуратурой большевики отказались от системы двойного подчинения – местные прокуроры подчинялись только вышестоящему прокурору.

Архивные документы подтверждают, что советские и партийные чиновники на местах, использовали в качестве рычагов давления на местных прокуроров, находившееся в руках местных исполкомов распределение жилья, организацию лечения и иные социальные преференции. Однако подчинение центральному ведомству делало прокуроров более независимыми.

Полномочия НКЮ сократились не только по отношению к судам, но и ко всем иным учреждениям и институтам юстиции. Если говорить об адвокатуре, то вместо действовавших при губернских отделах юстиции

коллегий правозаступников, создавались коллегии защитников. Говорить об их независимости не приходилось – они действовали под наблюдением губернских судов, которые после реформы 1922 года являлись органами непосредственного судебного надзора на местах, и в части судебного контроля были подчинены Верховному Суду РСФСР. Кроме того, утверждение кандидатуры в составе коллегии полностью зависело от губернских, а затем областных исполкомов. Под наблюдением губернских судов действовали и следователи. Что касается нотариата, то на НКЮ было возложено общее руководство и надзор за деятельностью нотариальных контор, но нотариусы назначались президиумами губернских советов народных судей.

В конце 20-х – первой половине 30-х годов большевистская власть начала проявлять стремление к тотальному политическому господству, порождавшему произвол. По нашему мнению, именно органы юстиции на местном уровне сыграли решающую роль в сдерживании подобного произвола. Почему они оказались способны к этому? Для тотальных репрессий нужен был обеспеченный ресурсами механизм, но к концу 1920-х годов он не сложился. На этом этапе органы и учреждения юстиции были нужны власти для выполнения конкретной роли – создавать видимость законности в условиях нарастающего произвола. Отсюда поощрение местных прокуратур к надзору за соблюдением прав граждан, в том числе и «чуждых элементов», установка местным судам на особое внимание к делам о должностных правонарушениях советских чиновников и хозяйственных руководителей, продолжавшиеся до начала 1930-х годов.

Власть стала важнейшим ресурсом, обеспечившим «эффективность» правоохранительной сущности большевистской юстиции, однако её мотивы в середине 1920-х гг. изменились. До середины 1920-х годов среди большевистского руководства были сильны позиции правового нигилизма, основанные на ленинской идее о революционной сознательности масс,

считавшейся гарантией сохранения правопорядка в новом государстве, для чего органы юстиции формально не были нужны. На этом этапе государство ожидало от органов юстиции наведения порядка и прекращения хаоса на местах. Они должны были бороться с неким абстрактным явлением – «беспорядком», или с «отдельными перегибами», поскольку в обществе, где преобладала «революционная сознательность», не могло быть столь значительного количества лиц, виноватых в беспорядках, чтобы для работы с ними был необходим специальный государственный аппарат.

В конце 1920-х годов ситуация изменилась. Власть поддерживала органы юстиции для того, чтобы использовать их как орудие господства, и направляла на борьбу с конкретными лицами или группами лиц, объявленных виновными в «беспорядках» и «перегибах». Это означало, что власть перестала мириться с «неполитической» сущностью системы юстиции – она стремилась придать ей такой же политизированный характер, как и у других государственных ведомств.

Первый опыт широкомасштабного вовлечения учреждений юстиции в политический террор, связанный с вовлечением судебно-прокурорских работников в процесс коллективизации, показал, что судьи и прокуроры на местах не стали послушными проводниками сталинской политики, а проявили собственную профессиональную позицию.

Рейды в деревню начались в 1928–1929 гг., а в начале 1930-х сталинское руководство вынуждено было прибегнуть к изданию ряда уголовных законов, направленных против крестьянства. Таким образом, за три года судебно-прокурорские работники, командированные в деревню с карательными задачами, не придали сплошной коллективизации нужные власти темпы и масштабы, что и потребовало ужесточения уголовного законодательства. Здесь сыграли роль различные факторы.

Во-первых, судьи и прокуроры, нередко конфликтовавшие с местной властью, пользовались большим доверием населения, чем советские чиновники. К ним шли за защитой от произвола представители разных слоев населения, и они в силу своей должности вынуждены были разбираться в ситуации «по букве закона», тем более что часто по-другому в сути дела разобраться было невозможно.

Во-вторых, им дали установку контролировать «перегибы» местного руководства, которое закона часто не знало, и действовало либо на основе классового принципа, либо из корыстных интересов.

В-третьих, судебно-прокурорские работники в силу низкого культурного и образовательного уровня качественно и ментально оказались не готовы к столь масштабным и противоречивым процессам.

И, наконец, широко тиражируемые на протяжении всех 20-х годов идеи народного правосудия успели укорениться в сознании прокуроров и судей, которые, в отличие от более или менее образованных правозащитников, не могли осознать их демагогичности. Как показали материалы исследования, оказавшись в деревне, они столкнулись со средой, которая советской пропагандой всегда преподносилась им как дружественная, готовая к сотрудничеству и, действительно, создававшая формы для такого сотрудничества.

Более того, многие низовые судьи и прокуроры сами были выходцами из крестьян, нормы этого жизненного уклада были им понятнее, чем распоряжения власти. В этих условиях для того, чтобы отличить правду от злого умысла, им часто было достаточно здравого смысла и собственных представлений о справедливости. Другими словами, к началу 1930-х годов сама советская реальность сформировала у судебно-прокурорских работников определенную систему ценностей, понимание справедливости и целесообразности. Тотальный террор против крестьян не вписывался в эту систему. Поэтому судьи, прокуроры и следователи в

повседневной практике находили способы применения законов и вынесения судебных решений, которые позволяли удержать разгул террора.

К середине 1930-х годов государственная машина набрала достаточно ресурсов для разворачивания тотального террора. Создание самостоятельной судебной и прокурорской вертикалей во главе с Верховным Судом СССР и Прокуратурой СССР означало, что государство окончательно сформулировала свой подход к решению вопроса об их правоохранительной сущности – организационно отделенные от Наркомата юстиции суды и прокуратуры рассматривались в ряду всех остальных элементов государственной машины. Что касается адвокатуры, то, не являясь государственным органом, и находясь под партийно-советским контролем, она не имела возможности оказать какое-либо влияние на сущность происходящего.

Органы управления, учреждения и институты юстиции на местах на протяжении исследуемого периода смогли оставаться в стороне от политического террора и сохранить правоохранительную сущность своей деятельности, еще и потому что перед ними стояла задача демонстрации наличия в советском государстве цивилизованного правосудия, которое являлось одной из составляющих демократии. Большевистская демократия представляла собой набор демагогических лозунгов, но у нее была и иная сторона, которая не афишировалась властью. Демократические механизмы использовались большевиками для вовлечения населения в крупномасштабные политические процессы, которые невозможно было организовать, не обеспечив поддержку большинства.

В 1920–1930-х годах система советской юстиции решила несколько важнейших задач – убедила власть в собственной значимости, сформировала систему советского правосудия и продемонстрировала её возможности решать повседневные жизненные проблемы людей.

В целом мы считаем, что на всем протяжении исследуемого периода эффективность советского правосудия снижалась такими факторами как отсутствие у властных структур определенности в отношении нужности системы юстиции и способов её использования в новой политической системе, финансированием органов и учреждений юстиции по остаточному принципу и неудовлетворительным состоянием юридических кадров.

Тем не менее, как показали материалы исследования, органы и учреждения юстиции исследуемого региона не являлись послушными проводниками партийно-государственной политики на местах, их деятельность до середины 1930-х годов сдерживала экстремистские устремления власти, снижая масштабы и уменьшая последствия злоупотреблений и беззакония.

Список литературы и источников

I. Нормативные правовые акты

Конституции РСФСР и СССР

1. Конституция РСФСР. Принята на заседании V Всероссийского Съезда Советов 10 июля 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства (далее – СУ РСФСР). 1918. № 51. Ст. 582.

2. Основной закон (Конституция) СССР. Утверждена Постановлением II Съезда Советов СССР 31 января 1924 г. // История советской конституции (в документах) 1917–1956. М., Государственное издательство юридической литературы, 1957. С. 458–473.

3. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Утверждена Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза ССР от 5 декабря 1936 г. // История советской конституции (в документах) 1917–1956. М. Государственное издательство юридической литературы, 1957. С. 729–746.

Декреты и постановления ВЦИК и СНК РСФСР и СССР

4. Об образовании Рабочего и Крестьянского правительства Декрет II Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 26 октября 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 21.

5. О суде (№ 1). Декрет ВЦИК РСФСР от 24 ноября 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

6. О суде (№ 2). Декрет ВЦИК РСФСР от 7 марта 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.

7. О суде (№ 3). Декрет ВЦИК РСФСР от 20 июля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 52. Ст. 589.

8. О народном суде РСФСР. Декрет ВЦИК РСФСР от 30 ноября 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.
9. Положение о народном суде РСФСР. Декрет ВЦИК РСФСР от 21 октября 1920 г. // СУ РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407.
10. Положение о прокурорском надзоре. Постановление ВЦИК РСФСР от 28 мая 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 424.
11. О государственном нотариате. Декрет СНК РСФСР от 4 октября 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 63. Ст. 807.
12. Положение о судеустройстве РСФСР. Постановление ВЦИК РСФСР от 11 ноября 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.
13. О порядке ареста прокуроров, их помощников, председателей и членов революционных трибуналов и советов народных судей, народных судей и следователей. Декрет ВЦИК от 16 ноября 1922 г. [Электронный ресурс] // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1441.htm (дата обращения: 17.05.2018).
14. Такса оплаты нотариальных действий. Декрет СНК РСФСР от 8 декабря 1922 г. [Электронный ресурс] // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1429.htm (дата обращения: 25.06.2016).
15. Об открытии юридических курсов. Постановление СНК РСФСР от 22 декабря 1922 г. [Электронный ресурс] // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1465.htm (дата обращения: 12.09.2017).

16. О Народном комиссариате юстиции. Декрет ВЦИК РСФСР от 1 февраля 1923 г // СУ РСФСР. 1923. № 10. Ст. 120.

17. Положение о Верховном суде СССР. Постановление ВЦИК СССР от 23 ноября 1923 г. [Электронный ресурс] // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик.

URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1871.htm (дата обращения: 25.06.2016).

18. Положение о Народном комиссариате юстиции РСФСР. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 3 июня 1929 г. // СУ РСФСР. 1929. № 41. Ст. 434.

19. О мероприятиях по созданию лучших условий для работы выдвиженцев. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 30 сентября 1929 г. [Электронный ресурс] // Правовая Россия. URL: <http://lawru.info/dok/1929/09/30/n1199797.htm> (дата обращения: 12.01.2019).

20. О сельских общественных судах. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 10 октября 1930 г. // СУ РСФСР. 1930. № 51. Ст. 629.

21. Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности. Постановление ВЦИК СССР и СНК СССР «от 7 августа 1932 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1932. № 62. Ст. 360.

22. Об увольнении за прогул без уважительных причин. Постановление ВЦИК СССР и СНК СССР от 15 ноября 1932 г. [Электронный ресурс] // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3838.htm (дата обращения: 25.06.2016).

23. Об учреждении Прокуратуры Союза ССР. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 20 июня 1933 г. [Электронный ресурс] //

Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3899.htm (дата обращения: 12.05.2016).

24. Об ответственности за выпуск недоброкачественной продукции. Постановление ВЦИК СССР и СНК ССР от 8 декабря 1933 г. [Электронный ресурс] // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3944.htm (дата обращения: 13.11.2017).

Решения и резолюции Съездов Советов и съездов ВКП(б)

25. О точном соблюдении законов. Постановление VI Всероссийского Чрезвычайного Съезда Советов от 8 ноября 1918 г. [Электронный ресурс] // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_389.htm (дата обращения: 14.12.2018).

26. Роль и задачи профсоюзов в условии новой экономической политики. Резолюция XI съезда ВКП(б) // Всероссийская коммунистическая партия (большевиков) в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК: 1898–1939. Часть I: 1898–1925. М., 1940. С. 418–424 [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «Наука Права». URL: <https://naukaprava.ru/catalog/12108/38356?view=1> (дата обращения: 11.02.2019).

27. По отчету ЦК ВКП(б). Резолюция XVI съезда ВКП(б) // Директивы КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам 1917 – 1957 годы: Сборник документов: Том 2: 1929 – 1945 годы. М.: Государственное издание политической литературы, 1957. С. 180–187.

Постановления Народного комиссариата юстиции РСФСР

28. Об отделах Народного комиссариата юстиции. Постановление Народного комиссариата юстиции от 26 ноября 1920 г. // СУ РСФСР. 1920. № 90. Ст. 465.

29. О коллегии защитников. Постановление Народного комиссариата юстиции РСФСР 5 июля 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 425.

30. О регистрации некоторых категорий работников юстиции. Циркуляр Наркомата юстиции РСФСР от 26 октября 1922 г. № 117 // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 39–40. С. 53.

31. О взаимоотношениях прокуратуры и судебных учреждений. Циркуляр Наркомата юстиции РСФСР от 11 ноября 1922 г. № 128 // Сборник циркуляров Наркомюста РСФСР за 1922–1925 гг. (действующих на 15 июля 1926 г.). М.: Юридическое издательство Наркомюста, 1926. С. 90–91.

32. Об установлении проверки знаний при приеме ответственных работников прокуратуры. Циркуляр Наркомата юстиции РСФСР от 9 ноября 1923 г. № 239 // Сборник циркуляров Наркомюста РСФСР за 1922 – 1925 гг. (действующих на 15 июля 1926 г.). М.: Юридическое издательство Наркомюста, 1926. С. 111–112.

33. О проверке и улучшении личного состава нарсудей и работы нарсудов. Циркуляр НКЮ от 15 апреля 1924 г. [Электронный ресурс] // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1997.htm (дата обращения: 22.09.2017).

34. Об организации краткосрочных юридических курсов по подготовке и переподготовке низовых работников юстиции. Циркуляр Наркомата юстиции РСФСР от 6 октября 1925 г. № 198 // Сборник циркуляров Наркомюста РСФСР за 1922–1925 гг. (действующих на 15 июля 1926 г.). М.: Юридическое издательство Наркомюста, 1926. С.132–133.

35. О порядке приема и командирования на высшие юридические курсы в Москве. Циркуляр Наркомата юстиции РСФСР от 17 ноября 1924 г.

№ 202 // Сборник циркуляров Наркомюста РСФСР за 1922–1925 гг. (действующих на 15 июля 1926 г.). М.: Юридическое издательство Наркомюста, 1926. С. 131.

36. О размещении камер нарследователей. Циркуляр Наркомата юстиции РСФСР от 20 августа 1925 г. № 164 // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 32. С. 22.

37. О взаимоотношениях между органами РКИ и органами советской юстиции и прокуратуры. Циркуляр Наркомата юстиции РСФСР от 12 июня 1926 г. № 86 // Сборник циркуляров Наркомюста РСФСР за 1922–1925 гг. (действующих на 15 июля 1926 г.). М.: Юридическое издательство Наркомюста, 1926. С. 93–98.

38. О защите в суде. Постановление коллегии НКЮ от 12 апреля 1928 г. // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 26. С. 749.

39. О порядке комплектования высших юридических курсов в 1929 – 1930 учебном году. Циркуляр Наркомата юстиции РСФСР от 15 апреля 1929 г. № 48 // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 16. С. 24.

40. Директивное письмо по вопросу выдвиженчества. Циркуляр Наркомата юстиции РСФСР от 16 августа 1929 г. № 102 // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 34. С. 21–22.

41. О кадрах работников юстиции. Циркуляр Наркомата юстиции РСФСР от 7 декабря 1929 г. № 132 // Еженедельник советской юстиции. 1929 № 50. С. 24.

II. Материалы периодической печати

Материалы центральной печати

1. Черный конверт (автор указан как Ст. Л.) // Правда. 1928. 10 июля.

2. Очерк первых дней советской юстиции (автор указан как «Обозреватель») // Еженедельник Советской юстиции. 1922. № 46–47.

С. 4–6.

3. Мякишев (нарсудья 1-го участка Слободского уезда Вятской губернии) Еще о материальном положении судработников // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 11. С. 12–13.

4. Курский Д.И. Итоги судебной работы и очередные задачи НКЮ. Доклад на V Всероссийском съезде деятелей советской юстиции // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 11. С. 18.

5. Стучка П.И. Вопросы судебного контроля. С докладом на заседании V-го Всероссийского съезда деятелей советской юстиции // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 11. С. 24.

6. Алимов П. Перевыборы народных заседателей // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 34. С. 2–4.

7. Фрадкин Л. Стандартизация документов, функционирующих в местных органах юстиции // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 4. С. 23–25.

8. Карп Н., Фрадкин Л. Новое в делопроизводстве // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 19. С. 16–17.

9. Карп Н. Фрадкин Л. Основные принципы реформы управления // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 30. С. 14–16.

10. Коновалов П. Рационализация судопроизводства // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 36/37. С. 31.

11. Фрадкин Л. Статистический учет социального положения жалобщиков, обращающихся в прокуратуру // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 36/37. С. 30–31.

12. Котюхов А. Подготовка работников юстиции на областных юридических курсах // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 19. С. 16–18.

13. Генкин (член Смоленского губсуда). От станка к судейскому столу // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 25. С. 7.

14. Костров П. Смотр-отчет работы выдвиженцев // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 25. С. 6.

15. Гурьев С. Объединить делопроизводство // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 30. С. 17.

16. Гладилин (прокурор 3-го участка Курского округа). О выдвиженцах забыли // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 42. С. 17.

Материалы региональной печати

17. Отчет заведующего Курским губернским отделом юстиции на VII губернском Съезде Советов и резолюция, вынесенная на его основе // Курская правда. 1920. 12 декабря.

18. О суде и наших юристах // Курская правда. 1920. 12 декабря.

19. Шемякин суд (автор указан как Н.Б.) // Орловская правда. 1928. 3 марта.

20. Нефалиди (Председатель Орловского Губернского суда). Суд и посевная кампания // Орловская правда. 1928. 20 марта.

21. Вельт Я. Больше ответственности за работу // Курская правда. 1929. 10 октября.

22. Травля селькора-агронома // Коммуна. 1932. 8 января.

23. Распоряжение Прокурора Центрально-Черноземной области // Коммуна. 1932. 8 марта.

24. Гуревич Я. Органы юстиции на новом этапе (ко II съезду работников юстиции ЦЧО) // Коммуна. 1932. 23 июня.

25. «Льговская законность» еще в силе // Коммуна. 1932. 27 августа.

26. Повысить классовую бдительность в школах // Знамя Ленина. 1935. 10 февраля.

27. Кухтин И.Д. Под маской прогульщика // Курская правда. 1933. 12 февраля.

III. Речи, статьи и труды государственных деятелей

1. Курский Д.И. Избранные статьи и речи. 2-е изд. М.: Госюриздат, 1958. 330 с.
2. Ленин В.И. «Государство и революция» // Полн. собр. соч.(5-е издание). Т.33. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 1–120.
3. Ленин В.И. Резолюция заседания Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 25 октября 1917 г. // Полн. собр. соч. (5-е издание). Т. 35. М.: Издательство политической литературы, 1974. С. 4–5.
4. Ленин В.И. Доклад о замене разверстки натуральным налогом 15 марта (X съезд РКП(б). 16–18 марта 1921 г.) // Полн. собр. соч. (5-е издание). Т. 43. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 57–73.
5. Ленин В.И. О «двойном подчинении» и законности // Полн. собр. соч. (5-е издание). Т. 45. М.: Издательство политической литературы, 1970. С.197–201.
6. Ленин В.И. О взаимоотношении судебных и следственных органов. Записки В.М. Молотову // Полн. Собр. соч. (5-е издание). Т. 44. М.: Издательство политической литературы, 1979. С. 243.
7. Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига: Латгосиздат, 1964. 748 с.
8. Троцкий Л.Д. Сталинизм и большевизм // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1939. № 58–59 [Электронный ресурс] // Марксистский интернет-архив. Русский раздел. URL: https://www.marxists.org/russkij/trotsky/1937/stalinism_bolshevism/01.htm (дата обращения: 29.01.2019)

IV. Архивные документы

1. *Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А–353 «Министерство юстиции Российской Федерации (Минюст РСФСР) 1917–1963, 1979–1991».*

Оп 1 Народный комиссариат юстиции. 1917–1919. Д. 1, 2, 23, 32.

Оп. 2 Народный комиссариат юстиции. 1918–1921. Д. 21.

Оп. 3 Народный комиссариат юстиции РСФСР. 1919. Д. 81, 158.

Оп. 4 Наркомат юстиции РСФСР. 1919. Д. 27, 28.

Оп. 5 Народный комиссариат юстиции РСФСР. 1921–1922. Д. 42, 50.

Оп. 6 Народный комиссариат юстиции РСФСР. 1922. Д. 22.

Оп. 10 Наркомат юстиции РСФСР. 1925–1936. Д. 21, 24.

2. *Российский государственный архив общественно-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17 «Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898,1903–1991)».* Оп. 84 «Бюро секретариата ЦК РКП(б). 1918–1924».

Д. 467.

3. РГАСПИ. Ф. 82 «Молотов Вячеслав Михайлович». Оп. 2 «1907–1996». Д. 884, 886.

4. РГАСПИ. Ф. 94 «Фракция РКП(б) и ВКП(б) во ВЦИК, на съездах Советов и в Президиуме ЦИК СССР (1918-1938)». Оп. 1 «Фракция РКП(б), ВКП(б) во ВЦИК, на съездах Советов, в Президиуме ЦИК СССР. 1918–1938». Д. 60.

5. РГАСПИ. Ф. 153 «Стучка Петр Иванович (1865–1932)». Оп. 1 «1895–1931». Д. 5, 21, 50.

6. *Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р–410 «Воронежский губернский суд и уполномоченные губернского суда по уездам».* Оп. 1. Д. 21, 25, 32, 45.

7. ГАВО. Ф. Р–661 «Воронежская губернская контрольная комиссия и рабоче-крестьянская инспекция. (ГУБКК–РКИ). 1919 – 1931». Оп. 1. Д. 46, 98.
8. ГАВО. Ф. Р–3253 «Воронежский окружной суд Центрально-Черноземной области. 1928–1929». Оп. 1. Д. 2, 4, 5.
9. *Государственный архив Курской области* (ГАКО). Ф. Р–144 «Особые сессии народных судов. 1920–1922». Оп. 1. Д. 3.
10. ГАКО. Ф. Р–160 «Курский губернский совет народных судей. 1917–1922». Оп. 1. Д. 38, 47, 48.
11. ГАКО. Ф. Р–166 «Курский губернский суд. 1922–1928». Оп. 1. Д. 4, 57, 255, 289. Оп. 2 Документы поличному составу. Д. 21.
12. ГАКО. Ф. Р–316 «Прокуратура Курской губернии. 1922–1928». Оп. 1. Д. 3, 10.
13. ГАКО. Ф. Р–323 «Курский отдел управления губернского исполкома советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. 1918–1923». Оп. 1. Д. 29.
14. ГАКО. Ф. Р–325 «Курский губернский исполнительный комитет совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. 1918–1918». Оп. 1. Д. 25, 143, 169, 205, 362, 423, 571, 1112, 1234, 1587.
15. ГАКО. Ф. Р–451 «Курский Губернский отдел юстиции и уездные бюро юстиции. 1918–1922». Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 7, 9, 13, 14, 20, 22, 25, 28, 29, 35, 38. Оп. 2 Документы по личному составу. Д. 1, 6, 7, 8.
16. ГАКО. Ф. Р–1174 «Прокуратура г. Курска. 1930–1934». Оп. 1. Д. 15, 23, 26, 31, 34, 36, 49, 66.
17. ГАКО. Ф. Р–1721 «Прокуратура Курского округа. 1928–1930». Оп. 1. Д. 8, 38.
18. *Государственный архив Орловской области* (ГАОО). Ф. Р–473 «Орловский окружной суд. 1928–1930». Оп. 1. Д. 36, 42, 54, 143, 165, 167.

19. ГАОО. Ф. Р–1220 «Орловский губернский прокурор. 1921–1928». Оп. 1. Д. 105.
20. ГАОО. Ф. Р–1246 «Нотариальный отдел Орловского губернского суда. 1918, 1923–1926». Оп. 1. Д. 20.
21. *Государственный архив общественно-политической истории Курской области* (ГАОПИКО). Ф. П–1 «Курский обком ВКП(б)». Оп. 1. Д. 289, 353.
22. ГАОПИКО. Ф. П–3 «Суджанский уездный комитет РКП(б)». Оп. 1. Д. 39.
23. ГАОПИКО. Ф. П–65 «Курский губернский комитет РКП(б)». Оп. 1. Д. 3, 143, 145, 700, 716.
24. ГАОПИКО. Ф. П–121 «Курская РКК–РКИ». Оп. 1. Д. 13, 4.
25. ГАОПИКО. Ф. П–1389 «Партийные организации Курского областного суда. 1923–1982». Оп. 1. Д. 1, 4, 7, 9, 10, 11.
26. *Государственный архив Тамбовской области* (ГАТО). Ф. Р–1 «Тамбовский губернский исполнительный комитет (орган Временного Правительства). Губернский исполнительный комитет совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Тамбовской губернии. (1917–1928)». Оп. 1. Д. 557.
27. ГАТО. Ф. Р–524 «Тамбовский губернский суд». Оп. 1. Д. 829, 858.
28. ГАТО. Ф. Р–659 «Прокурор Тамбовского округа. 1928–1930». Оп. 1. Д. 59, 178.
29. ГАТО. Ф. Р–663 «Тамбовская городская прокуратура. 1930–1937». Оп. 1. Д. 252, 335, 376, 1913.

V. Диссертационные исследования

1. Гаврилов С.О. Институциональные основы и региональные особенности советской адвокатуры в период с 1917 до начала 60-х гг. (на примере Западно-Сибирского региона). Дисс. ... канд. юр. наук. М., 2017. 236 с.
2. Долженкова Е.В. Отечественный исторический опыт в области подбора и расстановки руководящих кадров в 1920-е годы: на материалах Курского края. Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2012. 195 с.
3. Емельянов В. Н. История создания и правовое обоснование деятельности политической юстиции Башкирской АССР в 1917–1941 годах. Дисс. ... канд. юр. наук. Уфа, 2006. 210 с.
4. Карданова Р.Х РКП(б) и формирование системы советской юстиции (1917–1922 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.
5. Кашменский П.С. Революционная законность и становление советской юстиции (1917–1922 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.
6. Клюкин А.И. Судебные органы Тамбовской губернии в 1920–1928 гг. Дисс. .... канд. ист. наук. Тамбов, 2006. 202 с.
7. Коссов А.И. Становление народных судов и Наркомата юстиции РСФСР. 1917–1922 гг. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2006.
8. Лобырева Н.С. Организационно-правовой опыт становления и функционирования судебных органов в РСФСР в период НЭПа (на примере Брянской губернии). Дисс. ... канд. юр. наук. М., 2018. 191 с.
9. Максимова В.В. Становление и деятельность правоохранительных органов советской провинции: 1917–1928 гг. (на примере Курской губернии). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2004.
10. Мигущенко О.Н. Влияние социально-экономической политики государства на формирование правосознания сельского населения (на

материалах Центрально-Черноземной области). Дис. ... докт. юр. наук. М., 2008. 439 с.

11. Михеев В.И. Сопротивление курского крестьянства политике большевиков в 1918 – 1933 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1998. 254 с.

12. Моттаева М.Б. Исторический опыт и традиции в деятельности органов юстиции Российской Федерации. Дисс. ... канд. юр. наук. М., 2004. 179 с.

13. Олейник И.И. Организационно-правовые основы становления и развития органов управления юстицией в РСФСР: 1917–1936 гг. Дисс. ... докт. юр. наук. Владимир, 2006. 443.

14. Осадчая Л.Г. История становления и развития советской судебной системы в 1917–1928 гг.: На материалах Курской губернии. Дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005. 218 с.

15. Павлов В.А. Становление органов юстиции и прокуратуры РСФСР. Октябрь 1917 – декабрь 1922. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 174 с.

16. Пестерев Е.Р. Формирование и деятельность органов юстиции на Урале в 1920-е годы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2009.

17. Письменов В.Н. Органы управления Курской губернии: Механизм формирования и подбор кадров, 1920–1928 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2001. 243 с.

18. Струков В.Н. Становление и развитие советской прокуратуры в 1917–1955 гг.: историко-правовое исследование. Дисс. ... канд. юр. наук. Белгород, 2019. 161 с.

19. Терещенко В.В. История становления и развития провинциальной адвокатуры (на материалах Курского края в период октября 1917–1953 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2007.

20. Фаркудинова А.Г. Система квазисудебных институтов в советском обществе 1920-х гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2021. 224 с.

21. Чорный И.Н. Адвокатура как институт защиты прав и свобод личности. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. СПб., 2011.

VI. Литература

1. Аксенов В.Б. Милиция и городские слои в период революционного кризиса 1917 года. Проблема легитимности // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 36–50.

2. Арон Р. Измерения исторического сознания. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 196 с.

3. Аронов Д.В. Нотариат Орловщины. Листая старые страницы и создавая будущее. М: Издательство Фонд развития правовой культуры, 2012. 216 с.

4. Аронов Д.В. Нотариат Орловской губернии: от революции 1917 г до НЭПа – от попытки уничтожения до полного огосударствления // Нотариус. 2013. № 3. С. 44–47.

5. Аронов Д.В. Орловский нотариат эпохи строительства социализма – между жизнью и идеологической догмой // Нотариус. 2013. № 7. С. 43–47.

6. Бабенко В.Н. Проблемы формирования советской системы правосудия (1917–1920) // Россия и современный мир. 2017. № 3 (96). С. 250–259.

7. Баева Е.А., Буковская Н.В. Кантовская логика в классической социальной теории: общество как источник причинности и онтология становления // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 307. С. 24–27.

8. Бачинин В. А. Авангардистское правоведение М. А. Рейснера // Правоведение. 2006. № 5. С. 169–183.

9. Бергер П.Л., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: "Медиум", 1995. 323 с.
10. Бондарева Е.А. Религиозная мысль русского зарубежья об исторических судьбах России // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 53–64.
11. Братющенко Ю.В. НЭП: государство, частник, кооперация // Вопросы истории. 2007. № 2. С. 10–15.
12. Бровкин В.Н. Культура новой элиты, 1921–1925 гг. // Вопросы истории. 2004. № 8. С. 83–97.
13. Булдаков В.П. За фасадом радикальных доктрин: абсурд революционной повседневности 1917 – 1918 годов / Задавая вопросы прошлому... Сб. статей. М.: Гуманитарий, 2006. С. 250–273.
14. Булюлина Е.В. Соцсовместительство: советский театр абсурда // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 3. С. 21–30.
15. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 369 с.
16. Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 447 с.
17. Веселовский С.Б. Дневники 1917–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 84–111.
18. Гаврилова А.В., Козлова Н.В. Образовательный ценз как критерий профессионализма кадрового состава в правоохранительной системе в советском государстве // Современная научная мысль. 2017. № 6. С. 218–225.
19. Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы. 1917–1920 гг. М.: Наука, 1982. 343 с.
20. Голдман В.З. Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 335 с.

21. Голицына И.Д. Воспоминания о России (1900–1932). М.: Айрис-Пресс, 2009. 232 с.
22. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. (I). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. 328 с.
23. Гордон Л. А. Социальное развитие рабочего класса СССР. М.: Знание, 1974. 62 с.
24. Гордон Л.А., Клопов Э.В., Оников Л.А. Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра Издательство: М.: Знание, 1977. 160 с.
25. Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства. Изд. 2-е., испр. М.: Наука, 1987. 351 с.
26. Данилов В.П. Необычный эпизод во взаимоотношениях ОГПУ и Политбюро (1931 г.) // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 117–129.
27. Захаров В.В. Создание "народного" нотариата в советской России (1917–1921 гг.) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2015. № 11. С. 40–51.
28. Захаров В.В. Юристы для пролетарской диктатуры: реформа юридического образования 1931 г. (по материалам публикаций "Российского юридического журнала") // Российский юридический журнал. 2015. № 2 (101). С. 201–214.
29. Захаров В.В., Захарова П.В. На пути к «Красному Сенату»: первый опыт централизации революционных трибуналов (1917–1918 гг.) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2017. № 2. С. 45–62.
30. Захарова П.В. На пути к «Красному Сенату»: первые шаги в системе народных судов (1917–1918 гг.) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2017. № 4. С. 37–62.
31. Земцов Б.Н. Конституционные основы большевистской власти (первая советская Конституция 1918 г.) // Отечественная история. 2006.

№ 5. С. 65–73.

32. Зеркин Д.П. Основы конфликтологии.: Курс лекций. Ростов-н/Д: "Феникс", 1998. 480 с.

33. Зипунникова Н. Н. Институтские будни: научная деятельность и профили подготовки специалистов (1931 г.) // Российский юридический журнал. 2013. № 6. С. 191–205.

34. Зипунникова Н. Н. Институты советского права в «конвейерной ленте» правового образования: в продолжение разговора о реформе подготовки юристов в начале 1930-х гг. // Российский юридический журнал. 2013. № 3. С. 182–195.

35. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 229 с.

36. Ирошников М.П. Из начальной истории становления советского центрального аппарата управления (1918) // Система государственной власти и управления в России: история, традиции и современность: Ежегодный международный научный форум. Июнь 2003. СПб.: Изд-во СЗАГС; Образование – Культура, 2003. С. 27–32.

37. Ирошников М.П. О некоторых вопросах изучения генезиса и традиции советской государственности в России // Мавродинские чтения 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки: Материалы юбилейной конференции, посвященной 70-летию исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2004. С. 89–90.

38. Ирошников М.П. Рожденное Октябрем. М.: Наука, 1987. 256 с.

39. Ирошников М.П. Создание советского центрального государственного аппарата. Совет Народных Комиссаров, народные комиссариаты. Октябрь 1917 – январь 1918 г. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1967. 300 с.

40. Искендеров А.А. Первые шаги Советской власти // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 73–98.
41. Истер Дж. М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 255 с.
42. Кабанова Л.В. Система Советов послереволюционных лет и проблема централизации власти // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 4. С. 40–49.
43. Казанцев Б.Н. «Неизвестная» статистика уровня жизни рабочего класса // Социальные исследования. 1993. № 4. С. 3–14.
44. Камалова Г.Т. Изменение кадрового состава прокуратуры Урала в условиях НЭПа // Отечественная история. 2008. № 2. С. 120–124.
45. Карр Э. История Советской России. Кн.1. М.: Прогресс, 1990. 763 с.
46. Кеклис А.Ю., Шуман Е.Р. Судебная система в период становления советской власти / Современные проблемы образования. Сборник научных трудов научно-педагогического состава Санкт-Петербургского военного института войск Национальной гвардии. СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск Национальной гвардии Российской Федерации, 2017. С. 105–107.
47. Кодинцев А.Я. Эксперименты и дискуссия о структуре органов юстиции СССР в середине 30-х годов XX века // Адвокатская практика. 2006. № 4. С. 28–33.
48. Кодинцев А.Я. Проблемы развития системы юридического образования в СССР в середине 30-х годов XX в. // Юридическое образование и наука. 2006. № 2. С. 30–34.
49. Кодинцев А.Я. Среднее юридическое образование в системе органов юстиции СССР в 30-е годы XX в. // Среднее профессиональное образование. 2007. № 9. С. 83–84.

50. Кодинцев А.Я. Высшее юридическое образование в системе органов юстиции СССР в 30-е годы XX в. // Право и образование. 2007. № 11. С. 116–129.

51. Кодинцев А.Я., Шкаревский Д.Н. Органы специальной юстиции советского государства как инструмент защиты власти // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 59. С. 29–39.

52. Козлова Н. Советские люди: Сцены из истории. М.: Издательство «Европа», 2005. 522 с.

53. Коссов И.А. К вопросу о кадровом составе народных судов РСФСР (1917–1918 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2013. № 3(104). С. 30–34.

54. Крыжан А.В. Выдвиженчество в местных органах советской юстиции в 1920-е годы // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. Курск, 2018. № 4(48). URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/053-017.pdf> (дата обращения: 04.11.2019).

55. Крыжан А.В. Кадровое обеспечение деятельности органов юстиции в первые годы советской власти // Научные ведомости Белгородского государственного университета. № 1 (120). 2012. Выпуск 21. С. 178–184.

56. Крыжан А.В. Конфликт губернского масштаба: как курский губернский отдел юстиции не выполнил распоряжение Наркомюста. 1922–1924 // Новый исторический вестник. № 4(30). 2011. С. 55–63.

57. Крыжан А.В. Провинциальные работники юстиции первого десятилетия Советской власти // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 4 (10). 2011. Часть 1. С. 86–90.

58. Крыжан А.В. Отношение провинциального обывателя к советской власти в первые постреволюционные годы (на материалах

Курской губернии) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Выпуск 2. 2012. С. 149–157.

59. Крыжан А.В. Подготовка кадров для органов советской юстиции в 20-30-е годы // Материалы международной заочной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного общества: вопросы социологии, политологии, философии, истории». Новосибирск, 17 декабря 2012 г. Новосибирск: СибАК, 2012. С. 89–95.

60. Крыжан А.В. Социально-политическая повседневность в Советской России в 20-е гг. XX в. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2011. № 6 (44). С. 74–79 (0,45 п.л.).

61. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб.: Журнал «Нева» – Издательско-торговый дом «Летний Сад», 1999. 320 с.

62. Лейбович О. Л. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь: Изд-во ПГУ, 1993. 181 с.

63. Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 344 с.

64. Лютов Л. Н. Система привилегий членов правящей партии в 1921–1923 гг. // Вопросы истории. 2006. № 10. С. 98–107.

65. Майер Н. Служба в комиссариате юстиции и народном суде / Архив русской революции. Т. 8. М.: Terra-Политиздат, 1991. С. 56–109.

66. Мамардашвили М. Сознание и цивилизация. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 288 с.

67. Новоселов Д.С. Кризис ВЧК в конце 1918 – начале 1919 годов // Отечественная история. 2005. № 6. С. 66–77.

68. Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах (II). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. 352 с.

69. Общество и реформы. 1945–1964 гг. М.: Изд. центр «Россия молодая», 1993. 200 с.
70. Олейник И.И. Органы юстиции Советской России в 1917–1936 гг. Иваново Издательство: Ивановский гос. энергетический ун-т, 2003. 232 с.
71. Олейник И.И. Становление и развитие органов управления советской юстицией в 1917–1936 гг. // История государства и права. М.: Юрист, 2009, № 22. С. 23–26.
72. Олейник О.Ю., Олейник И.И. История отечественных органов и учреждений юстиции. М., Издательство: Международный юридический институт, 2012. 286 с.
73. О характере государственного строя в России (из записок С.Е. Крыжановского 1926 г.) // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 3–32.
74. Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. 317 с.
75. Павлова И.В. Власть и общество в СССР в 30-е гг. // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 46–56.
76. Пивоваров Ю.С. Фурсов А.И. О нынешней ситуации и проблемах изучения русской истории (на путях к россиеведению) // Русский исторический журнал. Т. 1. 1998. № 1. С. 5–72.
77. Право Советской России. Сост. Н.Н. Алексеев, Н.С. Тимашев. Вып 1. Прага: Пламя, 1925. 395 с.
78. Пушкарева Н.Л. Современное состояние и предмет истории повседневности. Отличие истории повседневности от этнографических исследований быта / Социальная история российской провинции. Материалы межрегиональной научной конференции. Тамбов: изд-во ТГУ, 2004. С. 3–6.
79. Рассказов Л.Д. Социально-философский анализ кризисного сознания: контуры новой парадигмы // Исторические, философские,

политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4(10). Часть 1. С. 145–147.

80. Рюле О. Борьба с фашизмом начинается с борьбы против большевизма [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер – Политология. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/Ryle_Borba.php (дата обращения: 04.03.2019).

81. Савченко Л.А. Методология исследования социологии повседневности // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 2. С. 159–167.

82. Салмина С.Ю. Экономическое положение органов прокуратуры: историко-правовые аспекты // Юридическая наука. 2020. № 9. С. 88–92.

83. Сафонова Е.В., Струков В.Н. История зарождения советской модели прокуратуры (1917–1922 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2018. Том 43, № 3. С. 539–544.

84. Сахаров А.Н. 1930: год «коренного перелома» и начала Большого террора // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 40–69.

85. Сивцева С.И. Спецпоселенцы в Якутии в 1930-1950-х годах // Отечественная история. 2007. № 6. С. 108–117.

86. Скитович В.В. Очерки истории и теории советской административной юстиции. М.: Прогресс, 1992. 134 с.

87. Смоленский архив // Вопросы истории. 2003. № 11. С. 3–35.

88. Смыкалин А.С. Судебная реформа 1922 года // Российская юстиция. 2002. № 4. С. 39–42.

89. Соломатин Е.Н., Пирязев Н.Е. Социальный портрет советского адвоката в 1920–1930-е гг. // История. Историки. Источники. 2016. № 3. С. 129–140.

90. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 464 с.
91. Струков В.Н. Оформление института прокуратуры СССР в единую централизованную систему // Вестник Белгородского института МВД России. 2018. № 4. С 4–10.
92. Сырых В.М. Формы советского правосудия периода гражданской войны (1917–1921 гг.) // Российское правосудие. 2018. № 7(147). С. 41–51.
93. Уортман Р. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 520 с.
94. Хлевнюк О.В. 1937-й. Сталин, НКВД и советское общество. М.: Республика, 1992. 268 с.
95. Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. 304 с.
96. Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М. Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 479 с.
97. Шагин И.А. Взаимоотношения народных судов и органов государственной власти Псковской губернии в 1920–1925 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1(27): в 2-х ч. Ч. II. С. 210–213.
98. Яров С.В. Конформизм в Советской России. Петроград 1917–1920-х годов. СПб.: Европейский Дом, 2006. 570 с.
99. Яров С.В. Источники по истории политического протеста в Советской России в 1918–1923 гг. СПб.: Дм. Буланин, 2001. 131 с.